Адольфу Осиповичу Патеру

отъ автора

ОПЫТЪ

РУССКОЙ ДІАЛЕКТОЛОГІИ.

Проф. А. И. Соболевскаго.

ВЫПУСКЪ I.

Нарѣчія великорусское и бѣлорусское.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева, Невскій просп., 8.
1897.

По опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго С.-Пете
бургскаго университета печатать дозволяется. 15 февраля 1897 года.

Деканъ *И. Помяловскій.*

Русская діалектологія имѣетъ много правъ на вниманіе.

1) Каждый изъ насъ, какъ Русскій, обязанъ обладать хотя бы самыми общими свѣдѣніями о томъ, что такое русскій языкъ, какъ говорятъ подъ Новгородомъ, подъ Тулою, около Вильны, Полтавы.

2) Занимающіеся исторіею русскаго языка имѣютъ особенную потребность въ знакомствѣ съ діалектологіею. Интересуются ли они исторіею звуковъ и формъ, или слѣдятъ за судьбами синтаксическихъ явленій, словарнаго матеріала, все равно,—они могутъ найти въ современныхъ русскихъ народныхъ говорахъ то, что давно исчезло изъ говора образованнаго общества, и такимъ образомъ получить ясное представленіе о прошломъ нашего языка. Напримѣръ, мы не имѣемъ теперь въ своемъ говорѣ мягкаго *ц*, которое было (какъ показываютъ памятники) въ древнерусскомъ языкѣ; обращаясь къ народнымъ говорамъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мы встрѣчаемся съ этимъ *ц* и такимъ образомъ составляемъ себѣ понятіе о качествѣ древняго звука.

3) Тѣ, которые изучаютъ древніе памятники нашей письменности (какъ литературные, такъ и историческіе, юридическіе), чрезъ изученіе діалектологіи почерпаютъ средства къ пониманію текста памятниковъ. Значительное число словъ, прежде употреблявшихся во всемъ русскомъ языкѣ и нашедшихъ себѣ мѣсто въ памятникахъ, теперь у насъ, въ нашемъ говорѣ, неизвѣстно, но остается въ употребленіи въ другихъ говорахъ. Такимъ образомъ знакомство съ говорами даетъ намъ возможность опредѣлить значеніе этихъ словъ. Напримѣръ, въ Русской Правдѣ мы находимъ слово *олекъ*: «аже бчелы выдереть, то 3 гривне продаже, а за медъ,—оже будуть бчелы не лажены, то 10 кунъ, будеть ли *олекъ*, то 5 кунъ». Костромской и шуйскій говоры объясняютъ намъ это слово. Въ нихъ *олекъ*=починъ сотовъ. Слѣдовательно, Русская Правда противупоставляетъ улью полному меда, не подрѣзанному, «не лаженому»,— улей съ небольшимъ количествомъ меда, оставленнымъ для пчелъ на зиму. Или, въ Словѣ Даніила Заточника мы читаемъ: «дивья за буяномъ кони паствити, а за добрымъ княземъ воевати». Слово *буянъ* въ говорахъ значитъ: гора, холмъ. И такъ, фразу Слова мы можемъ перевести:

хорошо за горою коней пасти (т. е. въ укромномъ, прикрытомъ отъ вѣт мѣстѣ). Конечно, не всѣ слова нашихъ памятниковъ сохраняются говорахъ; такъ, слово тылѣснь Русской Правды пока еще ни въ одном говорѣ не нашлось. Но за то и значеніе этихъ словъ останется неизвѣс нымъ, если лучшая разработка діалектологіи не дастъ ключа къ ихъ по ниманію.

4) Діалектологія имѣетъ нѣкоторое значеніе, какъ вспомогательна наука, при изученіи исторіи. Историкъ безпрестанно сталкивается с такими вопросами, на которые нѣтъ отвѣтовъ въ лѣтописяхъ и докумен тахъ, но которые могутъ быть разрѣшены современными говорами. На примѣръ, существуетъ вопросъ о населеніи верхняго Поволжья, нынѣш ней Ярославской и Костромской губерній, какого оно происхожденія, откуда пришло и къ какому большому городу первоначально тянуло. Обыкновенно отвѣчаютъ на этотъ вопросъ такъ, что-де Поволжье было заселено выходцами изъ новгородской области и первоначально должно было тянуть къ Новгороду. Но большая часть говоровъ названныхъ губерній довольно ясно отличается отъ говоровъ древней новгородской земли и новгородскихъ колоній (въ нихъ нѣтъ мѣны *ц* и *ч*); напротивъ того, они близки къ говорамъ средней Руси (Московской, Тульской и сосѣднихъ съ ними губерній). Слѣдовательно, вопросъ о происхожденіи поволжскаго населенія долженъ быть разрѣшенъ иначе: Поволжье заселилось съ юга и его жители никогда не тянули къ Новгороду, а составляли одну область съ Москвою, Муромомъ, Рязанью.

Мы не хотимъ приписывать знакомству съ діалектологіею какого-либо значенія для нашего литературнаго языка и не думаемъ, чтобы діалектическій матеріалъ могъ пригодиться для обогащенія и вмѣстѣ сохраненія чистоты литературнаго языка. Нѣтъ сомнѣнія, вмѣсто того, чтобы заимствовать новыя слова изъ иностранныхъ языковъ,—было бы для насъ несравненно полезнѣе брать подходящія по значенію слова изъ своихъ діалектовъ. Но мы сомнѣваемся, чтобы такое пользованіе было часто возможно. Дѣло въ томъ, что то русское, чего нѣтъ въ нашемъ говорѣ и что есть въ сосѣднемъ, обыкновенно кажется намъ смѣшнымъ или даже достойнымъ насмѣшки. Мы не удерживаемся отъ улыбки, когда герой «Жениха изъ ножевой линіи» (Чернышева) говоритъ хотитѣ; намъ немножко смѣшно, когда герой «Бѣшеныхъ денегъ» употребляетъ слово шабёръ. Что касается до простаго народа, то онъ почти всегда насмѣхается надъ своимъ сосѣдомъ, имѣющимъ какія-нибудь, хотя бы незначительныя особенности рѣчи, «дразнитъ», преслѣдуетъ его особыми поговорками съ этими особенностями (въ родѣ: кури*ч*а на ули*ч*ѣ яй*ч*о снесла), даетъ ему насмѣшливыя прозвища (въ родѣ: *ягунъ*, отъ формы родительнаго падежа *яго*=его, съ *г*, вмѣсто *яво*, съ *в*), вообще обнаруживаетъ къ діалектическому матеріалу полную нетерпимость.

Наша задача — указать главныя особенности русскихъ говоровъ въ звукахъ и формахъ, на основаніи почти исключительно печатнаго матеріала. Послѣдній такъ скуденъ и отрывоченъ [1]), а часто и старъ, что нашъ очеркъ русской діалектологіи не имѣетъ притязанья на полноту ни въ какихъ отношеніяхъ. Мы убѣждены, что намъ не пришлось воспользоваться даже всѣмъ тѣмъ, чѣмъ можно бы воспользоваться, но что зарыто въ разныхъ провинціальныхъ «памятныхъ книжкахъ», календаряхъ, газетахъ. Изданіе въ свѣтъ настоящаго очерка должно показать, какіе говоры до сихъ поръ остаются наукѣ неизвѣстными и для какихъ она владѣетъ данными неполными и невѣрными.

---

[1]) Мы до сихъ поръ еще не имѣли спеціалистовъ по русской діалектологіи. Ученые занимались ею въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ и при томъ наскоро, проѣздомъ, ухватывая лишь случайно встрѣтившіяся черты. Этнографы обращали на говоры крайне мало вниманія, и мы имѣемъ рядъ хорошихъ сочиненій по этнографіи, гдѣ или нѣтъ никакихъ замѣчаній по діалектологіи, или помѣщены самыя ничтожныя. Помѣщики, священники, уѣздные учителя и т. п. народъ, если дѣлали наблюденія надъ говорами, имъ отлично знакомыми, то не могли—вслѣдствіе отсутствія какой-либо подготовки—дать сколько-нибудь полный и ясный отчетъ объ особенностяхъ этихъ говоровъ, а иногда даже изобразить ихъ звуки. Вообще мы имѣемъ чрезвычайно мало описаній говоровъ. Обыкновенно мы должны извлекать данныя изъ пѣсенъ, сказокъ и т. п. сырого матеріала и безпрестанно подвергаться опасности увидѣть діалектическую особенность въ простой опискѣ или опечаткѣ.

Мы можемъ назвать лишь одинъ трудъ посвященный вообще русской діалектологіи. Это—статья проф. Потебни въ «Филологическихъ Запискахъ» 1865 года: «О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій», вышедшая въ свѣтъ 30 лѣтъ назадъ и основанная почти исключительно на печатномъ матеріалѣ. Другой трудъ, сходный съ этимъ по названію, статья Надеждина въ вѣнскихъ «Jahrbücher der Literatur» 1841 года: «Mundarten der russischen Sprache», посвященъ не столько описанію, сколько изслѣдованію о происхожденіи русскихъ нарѣчій. Сверхъ того, въ «Исторической Христоматіи» Буслаева 1861 г. и въ «Сборникѣ древне-русскихъ памятниковъ и образцовъ народной русской рѣчи» проф. Смирнова 1882 г. приведены образцы разныхъ русскихъ говоровъ, взятые главнымъ образомъ изъ печатныхъ источниковъ. Наибольшее количество матеріаловъ по русской діалектологіи издано (безо всякой системы) въ изданіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, особенно въ «Этнографическомъ Сборникѣ» и «Живой Старинѣ»; далѣе, эти матеріалы разсѣяны въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ», разныхъ годовъ.

Ни грамматики, ни словаря всего русскаго языка у насъ нѣтъ

I. Великорусское нарѣчіе.

Мы не будемъ говорить о границахъ великорусскаго нарѣчія съ языками инородцевъ въ европейской Россіи, въ Сибири и на Кавказѣ. Ихъ можно видѣть на этнографической картѣ русскаго государства. Мы скажемъ лишь о границахъ великорусскаго нарѣчія съ нарѣчіями бѣлорусскимъ и малорусскимъ, какъ они опредѣляются имѣющимися у насъ скудными данными [1]).

Великорусское нарѣчіе граничитъ съ бѣлорусскимъ на сѣверо-западѣ приблизительно по чертѣ Псковской губ.; бѣлорусское нарѣчіе начинается ниже Опочки и Великихъ Лукъ, Псковской губ., но Себежъ, Полоцкъ и Суражъ находятся уже въ области этого нарѣчія. Далѣе граница великорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій идетъ внутри губерній Тверской и Смоленской. Значительныя части Ржевскаго и Зубцовскаго и нѣкоторая часть Осташковскаго уѣздовъ (западная часть Тверской губ. [2])

---

[1]) Точное опредѣленіе границъ между двумя нарѣчіями часто невозможно, по причинѣ существованія такихъ переходныхъ и смѣшанныхъ говоровъ, которые могутъ быть съ равнымъ основаніемъ причислены и къ одному, и къ другому нарѣчію. Сверхъ того, во многихъ губерніяхъ, занятыхъ Русскими въ XVIII—XIX вв., тамъ, гдѣ нарѣчія еще не перемѣшались между собою, ихъ территоріи въ полномъ смыслѣ слова черезполосны.

[2]) «Жители западной половины Ржевскаго уѣзда извѣстны нынѣ подъ именемъ Тудовлянъ, отъ названія рѣки Молодой Тудъ. Съ ними сходны крестьяне Осташковскаго уѣзда на правомъ берегу Волги и жители селеній по рѣкамъ Итомлѣ (Ржевск. у.) и Кошѣ (Осташк. у.), впадающимъ въ Волгу съ лѣвой стороны. Нѣкоторые относятъ ихъ къ Бѣлоруссамъ. Отличіе ихъ отчасти заключается въ обычаяхъ, отчасти въ словахъ, особенно опредѣляющихъ одежду, обувь, пищу, орудія, мѣстность и разную домашнюю утварь» (Преображенскій, Описаніе Тверской губ. въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Спб. 1854, стр. 78).

Крестьяне той части Осташковскаго уѣзда, которая прилегаетъ къ Псковской и Смоленской губ., «отдѣлены будучи самою природою отъ другихъ жителей какъ своего, такъ и смежныхъ уѣздовъ, различаются отъ послѣднихъ нравомъ и образомъ жизни, въ особенности же нарѣчіемъ языка, которымъ они близки къ Бѣлорусцамъ» (Іос. Бѣловъ, Путевыя замѣтки и впечатлѣнія по Московской и Тверской губ., стр. 63. М. 1852).

принадлежатъ бѣлорусскому нарѣчію; сѣверо-западная и южная части Смоленской губ. говорятъ или бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, или говорами скорѣе бѣлорусскими, чѣмъ великорусскими, а восточная—Вяземскій, Гжатскій, Сычовскій и Юхновскій уѣзды—по-великорусски [1]). Далѣе граница идетъ по сѣверо-восточной окраинѣ Черниговской губ.

Пограничная черта великорусскаго нарѣчія съ малорусскимъ опредѣляется съ трудомъ. Сѣверо-восточная окраина Черниговской губ., пограничная съ Орловской губ. [2]), съ ея смѣшанными говорами, и почти вся Курская губ. (кромѣ юго-западной окраины) [3]) принадлежатъ великорусскому нарѣчію. Половина Воронежской губ. [4]) и большая часть Земли Войска

---

[1]) «Рославльскій уѣздъ составляетъ часть Смоленской губ., населенную жителями бѣлорусскаго племени. Крестьянинъ Рославльскаго уѣзда рѣзко отличается отъ крестьянъ восточной части губерніи въ образѣ жизни, домашней утвари, пищѣ, одеждѣ, однимъ словомъ—во всемъ, что касается народнаго характера, домашняго быта и хозяйства» (Пам. книжк. Смол. губ. на 1858 г., стр. 126). Точно также Матеріалы для географіи и статистики Россіи (Смол. губ.) относятъ Рославльскій и Смоленскій уѣзды безъ всякихъ оговорокъ къ числу бѣлорусскихъ (стр. 125).

[2]) «На сколько говоръ черниговскій, распространенный въ особенности въ сѣв. части уѣзда Черниговскаго, въ уѣздахъ Городненскомъ, Суражскомъ, Новозыбковскомъ, Мглинскомъ и зап. части Новгородсѣверскаго, составляетъ переходъ изъ малорусскаго нарѣчія къ бѣлорусскому, на столько сѣверскій, распространенный въ вост. половинѣ Новгородсѣверскаго, сѣв. части Глуховскаго уѣзда Черниговской губ., въ юго-зап. углу Трубчевскаго и въ зап. части Сѣвскаго уѣзда Орловской губ., составляетъ переходъ къ нарѣчію великорусскому». Р. Филол. В. 1884 г., № 1, стр. 118.— «Великороссіяне, или, какъ ихъ называютъ здѣсь, Русскіе, слобожане, поселены въ Суражскомъ, Стародубскомъ, Новозыбковскомъ и Городненскомъ уѣздахъ... и составляютъ потомковъ бѣжавшихъ сюда изъ Россіи въ XVII вѣкѣ раскольниковъ». Календарь Черниговской губерніи на 1887 г., стр. 688.

[3]) «Обитатели (Суджинскаго у.) сіи суть: Малороссіяне—коренные жители, и Русскіе, начавшіе селиться съ 1664 г. (въ числѣ ихъ старообрядцевъ было въ 1826 г. до 1000 человѣкъ муж. и жен. пола). Между простолюдинами, отъ различія жителей въ Судж. у., т. е. Малороссіянъ и Русскихъ, замѣтна немалая разность какъ въ одеждѣ, уборахъ, житьѣ, характерѣ народномъ, тамъ и въ самыхъ нравахъ и обычаяхъ». Московскій Телеграфъ 1826 г., ч. 39, стр. 256, 262, ст. Дмитрюкова. Около $^1/_{10}$ населенія Обоянскаго уѣзда Курской губ.—Малоруссы переселенцы (Этногр. Сб., V, ст. «Бытъ крестьянъ Курской губ.», стр. 1).

[4]) «Малорусское населеніе составляетъ едва ли не половину всѣхъ жителей Воронежской губ. Два самые большіе уѣзда оной—Острогожскій и Богучарскій, за исключеніемъ въ каждомъ двухъ-трехъ селъ великорусскихъ, населены Малоруссами. Бирюченскій и Валуйскій населены ими въ большей степени; въ Павловскомъ 12 слободъ малорусскихъ, кромѣ хуторовъ, и по нѣскольку слободъ въ уѣздахъ Бобровскомъ и Новохоперскомъ. Только въ сѣверныхъ уѣздахъ—Задонскомъ, Землянскомъ, Нижнедѣвицкомъ и Воронежскомъ—Малоруссовъ нѣтъ» (Пам. книжка Воронежск. губ. на 1870—71 г., стр. 247).—Въ Валуйскомъ уѣздѣ «жители состоятъ изъ Русскихъ и Малороссіянъ, почти на половину и тѣхъ, и другихъ» (Статистическіе очерки Воронежской губ., кн. I, стр. 15, 1850 г.). «Въ Богучарскомъ у.

Донскаго [1])—также. Въ восточной половинѣ Харьковской губ. (въ Зміевскомъ, Старобѣльскомъ, Волчанскомъ, Харьковскомъ и Купянскомъ уѣздахъ) есть чисто великорусскія поселенія. Русскіе жители восточной части сѣвернаго Кавказа—переселенные съ Волги и Дона терскіе казаки—говорятъ по-великорусски, а ихъ сосѣди на западѣ—кубанцы, потомки запорожцевъ,—по-малорусски; впрочемъ, въ Терской области есть нѣкоторое число малорусскихъ, а въ Кубанской - великорусскихъ поселеній. Въ Новороссіи великорусское нарѣчіе находится, въ сравненіи съ малорусскимъ, у значительнаго меньшинства населенія. Сверхъ того, съ одной стороны болѣе или менѣе крупныя колоніи съ малорусскимъ населеніемъ и нарѣчіемъ находятся въ великорусскихъ приволжскихъ губ. (особенно въ Саратовской, Самарской [2]) и Астраханской) [3]), а остатки другихъ, меньшихъ по численности колоній, можетъ быть,

---

Малоруссовъ болѣе $^2/_3$, Великоруссовъ менѣе $^1/_3$» (Пам. кн. Ворон. г. на 1865—1866 г.).

[1]) «Жители сѣверныхъ частей (Земли В. Д.)—до Хопра и Медвѣдицы—настоящіе Великоруссы» «Жители среднихъ частей Дона болѣе сходны съ Великоруссами, чѣмъ низовые». «Населеніе нижней части—потомки древнѣйшихъ казаковъ, которые поселились по низовьямъ Дона; они—Великоруссы, но принимали къ себѣ людей всѣхъ націй; отъ этого низовое населеніе какъ въ наружности, такъ въ правахъ и обычаяхъ имѣетъ особенный, почти самостоятельный характеръ». «Малоруссы издавна приходили на Донъ; особенно много ихъ въ нижней части Донской земли.» «Когда былъ воспрещенъ переходъ на Донъ, войсковые чины стали записывать за собою приходившихъ сюда большими обществами Малоруссовъ и заселили ими округи Міусскій и Донецкій». «Нѣкоторые Малоруссы получили права казаковъ и составили нѣсколько станицъ за Дономъ, близь Кавказской дороги» (Матеріалы для хозяйственной статистики Россіи, издаваемые Импер. Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ. Кн. I, Спб. 1853, стр. 23—27).—«Донцы-низовцы, купно съ донецкими... отъ Россіи Малыя» (Чтенія Общ. ист. и древн. 1863 г., кн. 3, ст. «Историч. свѣдѣніе о Верхней Курмоярской станицѣ», стр. 4).

[2]) «Вы встрѣтите здѣсь пришельцевъ, можетъ быть, изъ 20 губерній: тутъ есть и остатки польской шляхты, поселившейся когда-то въ Мензелинскомъ у. и отчасти въ Бугульминскомъ; есть и Малороссы по солевознымъ трактамъ, Илецкому и Элтонскому, и по рѣкамъ Иргизу и Кинелю; есть переселенцы изъ всѣхъ окружныхъ губерній, особенно изъ Тамбовской, также Куряне, Туляки, Рязанцы и много другихъ... Поселенцы изъ Тульской и Рязанской губ. въ Самарскомъ и Бузулуцкомъ уѣздахъ, живя среди Чувашей и Мордвы, до сихъ поръ сохраняютъ свои костюмы и нарѣчіе; еще упорнѣе въ этомъ отношеніи Малороссіяне, какъ напр. по Иргизу въ Новоузенскомъ уѣздѣ». Варенцовъ, Сборникъ пѣсенъ Самарскаго края, Спб. 1862, стр. V—VI.

[3]) «Элементъ собственно-великорусскій въ Астрах. уѣздахъ часто перемѣшивается съ малороссійскимъ; есть цѣлыя села въ нашемъ краѣ, почти исключительно заселенныя Малороссами; есть станицы, населенныя одними казаками, переселенными сюда въ разное время изъ другихъ мѣстностей Россіи и Малороссіи, средняго и верхняго Поволжья и изъ другихъ мѣстъ». Сборникъ трудовъ членовъ Петровскаго Общ. изслѣдователей Астрах. края. Астр. 1892, стр. 13.

еще существуютъ въ Вологодской губ.; съ другой стороны—великорусское нарѣчіе слышится въ малорусскихъ губерніяхъ и во всемъ русскомъ государствѣ у образованныхъ Русскихъ, по преимуществу по городамъ.

Казалось бы, на огромной территоріи великорусскаго нарѣчія должно было бы быть очень много говоровъ; но, вѣроятно, благодаря отчасти почти исключительно равнинному характеру этой территоріи, допускающему самое широкое общеніе для ея населенія, отчасти значительной консервативности великорусскаго нарѣчія,—мы видимъ лишь ограниченное количество рѣзко опредѣленныхъ діалектическихъ разновидностей [1]).

Великорусское нарѣчіе ясно дѣлится на два поднарѣчія, сѣверное и южное, óкающее и áкающее, граница между которыми идетъ сначала внутри Псковской губ. (здѣсь только сѣверо-восточный уголъ, въ Порховскомъ у., окаетъ), потомъ внутри Тверской губ., потомъ внутри Московской (здѣсь по границѣ съ Владимирской губ. уже окаютъ); Владимирская губ. почти вся (кромѣ части Меленковскаго уѣзда) принадлежитъ окающему поднарѣчію; далѣе граница идетъ внутри Нижегородской, Казанской и Симбирской губ. (въ Арзамасскомъ уѣздѣ Нижегородской губ. отчасти окаютъ, въ Ардатовскомъ, Сергачскомъ и Лукояновскомъ той же губ.—акаютъ, въ Буинскомъ и Симбирскомъ уѣздахъ и въ сѣверной части Курмышскаго уѣзда Симбирской губ., къ сѣверу отъ р. Пьяны, по преимуществу окаютъ, въ южной части Курмышскаго уѣзда акаютъ, въ Лаишевскомъ и Чистопольскомъ уѣздахъ Казанской губ., за Волгою, акаютъ) [2]).

Пріуралье и Сибирь принадлежатъ окающему поднарѣчію, за исключе-

---

[1]) Это—одна изъ причинъ слабой разработки великорусскихъ говоровъ, особенно южныхъ, которые мало отличаются отъ языка образованнаго общества и потому для изслѣдователя мало интересны. Всѣ наши печатныя свѣдѣнія о великорусскихъ говорахъ вообще ограничиваются статьею Даля при I томѣ его «Толковаго Словаря» (которою надо пользоваться съ большою осторожностью), да книгою Колосова: «Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка», Варшава, 1878. Къ сожалѣнію, послѣдняя, посвященная всему великорусскому нарѣчію, имѣетъ такое расположеніе матеріала, что по ней трудно составить себѣ понятіе объ особенностяхъ того или другаго великорусскаго говора.

Грамматики великорусскаго нарѣчія у насъ нѣтъ, но словарныя данныя этого нарѣчія собраны въ довольно значительномъ количествѣ. Первое мѣсто занимаетъ отличный 4-хъ томный «Толковый Словарь живаго великорусскаго языка» Даля (2-ое изд. Спб. 1880); за нимъ можетъ быть поставленъ «Опытъ областнаго великорусскаго словаря», Спб. 1852, съ «Дополненіемъ» къ нему, изданный Академіею Наукъ.

[2]) Должно замѣтить, что опредѣлить точную границу поднарѣчій окающаго и акающаго въ среднемъ Поволжьѣ едва ли возможно, въ виду того, что здѣсь много смѣшанныхъ говоровъ, соединяющихъ въ себѣ особенности обоихъ поднарѣчій. Замѣтимъ, что городское поселеніе Саратова въ 40-хъ годахъ окало (Сарат. Губ. Вѣд. 1845 г., № 31—32).

ніемъ клочковъ, занятыхъ переселенцами изъ средней Руси; впрочемъ, теперь число этихъ клочковъ, вслѣдствіе происходящихъ переселеній, увеличивается.

Слѣдуетъ замѣтить, что акающее поднарѣчіе понемногу вытѣсняетъ окающее въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ отхожіе промыслы, — особенно въ Костромской губ. Мѣстные крестьяне съ дѣтства проводятъ помногу лѣтъ въ Москвѣ и Петербургѣ и здѣсь усваиваютъ особенности акающаго поднарѣчія; послѣднія отъ нихъ переходятъ къ мѣстному осѣдлому населенію. Такимъ образомъ цѣлый рядъ деревень и селъ Костромской губ. теперь уже не принадлежитъ окающему поднарѣчію. Такая же замѣна одного поднарѣчія другимъ начинаетъ замѣчаться въ значительныхъ размѣрахъ въ Ярославской и Владимирской губ.

А. Южно-великорусское, или акающее поднарѣчіе.

Передъ нами тотъ говоръ, который употребляемъ мы сами, который слышится у всѣхъ сколько-нибудь образованныхъ людей во всей Россіи и который можетъ быть названъ литературнымъ, или общерусскимъ языкомъ. Центръ и родина его—Москва; здѣсь у мѣстныхъ уроженцевъ онъ является въ наибольшей чистотѣ; въ другихъ городахъ къ нему иногда примѣшиваются мѣстныя черты (изъ ближайшихъ говоровъ); такъ, въ Кіевѣ у образованныхъ людей мѣстнаго происхожденія и воспитанія можно слышать *h* вмѣсто *g*: *h*алка, *h*орохъ, и неслоговое *ў* вмѣсто *в* и *л*: любо*ў*, да*ў*, пи*ў*; въ западно-русскихъ городахъ у мѣстной интеллигенціи замѣчается то особенно сильная мягкость согласныхъ, свойственная польскому языку, то полная или почти полная твердость *р* въ словахъ въ родѣ бу*ра* (= бу*ря*).

Обще-русскій языкъ въ его чистомъ видѣ будетъ для насъ исходнымъ пунктомъ при характеристикѣ говоровъ: мы будемъ характеризовать эти послѣдніе, сопоставляя ихъ особенности съ особенностями своего собственнаго языка. Поэтому мы прежде всего остановимся на звукахъ своего языка.

Гласные ударяемые. Ударяемое *а* обще-русскаго языка—звукъ открытый, то болѣе широкій (бр*а*тъ, п*я*тка), то болѣе узкій (р*а*ть, пять), всегда вполнѣ отличный отъ ударяемаго *о*; этотъ звукъ слышится на мѣстѣ каждаго древняго (= орѳографическаго) *а*, *я*.

Ударяемое *е*—звукъ мягкій, почти всегда смягчающій предъидущіе согласные, то болѣе открытый (*э́*тотъ, ш*е́*стъ), то менѣе, съ приближеніемъ къ *и* (пл*е*ть, л*е*чь), но вполнѣ отличный отъ *и*; этотъ звукъ слышится на мѣстѣ какъ древняго (= орѳографическаго) *е*, такъ и древняго *ѣ*.

Ударяемое *о* звучитъ открыто, ближе къ *а*, чѣмъ къ *у*; оно слышится

на мѣстѣ древняго (=орѳографическаго) *е* постоянно въ концѣ словъ (плечо́, ещо́, твоѐ) и очень часто въ серединѣ словъ, передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ (вёлъ, расплётывать, гребёнка [1]).

Ударяемыя *и* и *ы* вполнѣ ясно отличаются другъ отъ друга; они находятся на мѣстѣ древнихъ *и* и *ы*.

Гласные неударяемые. Изъ нихъ на мѣстѣ древнихъ (=орѳографическихъ) неударяемыхъ *а* и *о* слышится: 1) въ началѣ и въ концѣ словъ всегда и въ серединѣ словъ послѣ искони твердыхъ согласныхъ (не *j*, не *ц* и не шипящихъ) непосредственно передъ удареніемъ—*а*, нѣсколько закрытое, приближающееся къ *о*: *а*ддала́, сло́в*а*, ма́сл*а* (имен. и род. ед.), пит*а*чо́къ, ны дв*а*ре́, чист*а*ко́лъ, зых*а*тѣ́лъ (=пят*а*чокъ, на дв*о*рѣ, част*о*колъ, зах*о*тѣлъ); 2) въ серединѣ словъ послѣ *j*, мягкихъ согласныхъ, шипящихъ и *ц* какъ непосредственно передъ удареніемъ, такъ и послѣ ударенія—*и* или (послѣ *ж*, *ш*, *ц*) глухой близкій къ *ы*: j*и*сне́ть, п*и*то́къ, ч*и*сы́, ж*ы*ле́ть, ш*ы*ги́ (=*я*снѣть, пятокъ, ч*а*сы, ж*а*лѣть, ш*а*ги), вы́*и*снить, ску́ш*ы*ла (=выяснѣть, скушала); 3) въ серединѣ словъ во второмъ слогѣ передъ удареніемъ, если передъ ними *j*, мягкій согласный или *ч*, *щ*,—то *и*: j*и*раво́й, п*и*тачо́къ, ч*и*саво́й (=*я*ровой, п*я*тачокъ, ч*а*совой), если же передъ ними твердый согласный, *ж*, *ш*, *ц*,—то глухой близкій къ *ы*: з*ы*хате́лъ, с*ы*рако́фка, ш*ы*пава́лъ (=з*а*хотѣлъ, с*о*роковка, ш*а*поналъ).

Неударяемый гласный на мѣстѣ древняго (=орѳографическаго) *е*, *ѣ* всегда, кромѣ конца словъ, звучитъ какъ *и*: п*и*р*и*хо́тъ, п*и*ро́, в*и*зу́, j*и*во́ (=п*е*р*е*ходъ, п*е*ро, в*е*зу, *е*го); въ концѣ же словъ онъ звучитъ: 1) какъ *и* (въ формахъ дат. и мѣстн. ед., 2-го л. мн. из. и повел. н.): на бериг*и*, на во́з*и*, бири́т*и* (=на берег*ѣ*, на воз*ѣ*, берит*е*), и 2) какъ открытое *е*, или какъ *а* съ предъидущимъ мягкимъ согласнымъ: по́л*е*, мо́р*е*, или по́л*я*, мо́р*я* (=пол*е*, мор*е*; часто мы произносимъ имен. пол*е* и род. пол*я* тожественно).

Неударяемый гласный на мѣстѣ древняго (=орѳографическаго) *ы* звучитъ какъ глухой близкій къ ударяемому *ы*, но не тожественный съ нимъ, такъ что есть разница между гласными въ д*ы*ра́ и ды́рка, с*ы*но́къ и с*ы*нъ.

Неударяемое *и* по качеству звука ничѣмъ не отличается отъ ударяемаго; неударяемое *у* не приближается къ *в* и всегда составляетъ слогъ.

Опущеніе неударяемыхъ гласныхъ рѣдко: и́спыдвыль=испод*о*воль.

Изъ согласныхъ, губныя *б*, *в*, *п*, *ф*, *м* могутъ быть и твердыми, и мягкими; послѣднія слышатся въ *би*ть, *вя*знуть, *пя*лить, сы*пь*, чер*фь*, се*мь*. При этомъ *в* никогда не приближается къ *у*.

Губное *ф* не смѣшивается съ *х* или *хв*.

---

[1]) Подробнѣе см. въ нашихъ «Лекціяхъ по исторіи русскаго языка».

Гортанное *г* произносится передъ гласными какъ латинское *g*, за исключеніемъ нѣсколькихъ словъ, гдѣ обыкновенно *h* (*г*осподь, *г*осударь, бо*г*а, бла*г*ословить).

Гортанное *к* передъ *а* и *у*, гдѣ было въ древности твердо, остается твердымъ: бабуш*ка*, бабуш*ку*.

Зубныя *д* и *т*, будучи мягкими, сохраняютъ древнее качество своихъ звуковъ: *дядя*, *тё*тка.

Группа *щ* звучитъ какъ двойное *ш*: *шш*юка (= *щ*ука).

Шипящія *ж* и *ш* и свистящее *ц* постоянно произносятся твердо, коль скоро они не повторяются: *жэ*чь, *жо*къ, *шо*лъ, *цэ*пъ (= *же*чь, *же*гъ, *ше*лъ, *цѣ*пъ).

Шипящія *ж* и *ш* при удвоеніи сохраняютъ древнее мягкое произношеніе: ви*жжю*, во*жжи*, *шшю*ка, *шшя*дить (= визжу, возжи, щука, щадить). Но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ двойное *ж* или *ш* образовалось черезъ соединеніе конечнаго согласнаго предлога-префикса съ начальнымъ согласнымъ имени или глагола, эти *ж*, *ш* звучатъ твердо: *жжэ*чь, *шшы*ть (= *сж*ечь. *сш*ить).

Шипящее *ч* не смѣшивается съ *ц* и всегда вполнѣ ясно отличается отъ *ц*.

Плавное *р* можетъ быть и твердымъ, и мягкимъ: бу*ра*къ, бу*ря*; древнее плавное *л* всегда сохраняется и не переходитъ въ *в* или *ў*: па*л*ъ.

Древніе (= орѳографическіе) звонкіе (= звучные) согласные *б*, *в*, *г*, *д*, *ж*, *з*, твердые и мягкіе, въ концѣ словъ звучатъ какъ соотвѣтствующіе глухіе (= отзвучные) *п*, *ф*, *к* (*х*), *т*, *ш*, *с*, твердые и мягкіе: бо*п*ъ, обу*ф*ь, дру*к*ъ, бо*х*ъ, де*т*ъ, но*ш*ъ, во*с*ъ (=бо*б*ъ, обу*в*ь, дру*г*ъ, бо*г*ъ, дѣ*д*ъ, но*ж*ъ, во*з*ъ).

Точно также произносятся древніе звонкіе согласные передъ глухими согласными: ба*п*ка, ла*ф*ка, выра*ф*ство, сасе*т*ка, ро*ш*ки, пиривóска (=ба*б*ка и т. д.).

Между **ф о р м а м и** нашего говора мы должны отмѣтить:

Формы имен.-вин. ед., родит. мн. и 2-го л. ед. повелит. накл. на *éй* и *óй*: *сей*; агн*éй*, гаст*éй*, дычир*éй*, кан*éй*; б*ей*, п*ей*; слип*óй*, бальш*óй*, м*ой* (отъ мыть), кр*ой* (а также ф. 2-го л. мн. повел. н.: б*éй*ти, м*óй*ти, и наст. врем. м*óю*, кр*óю* и т. д.).

Формы мѣстн. ед. муж. и женск. р. и дат. ед. ж. р. съ гортаннымъ согласнымъ: ны пар*óге*, въ ру*ке́*, пы са*хе́* (=на порогѣ, по сохѣ).

Формы род.-вин. ед. мин*я́*, тиб*я́*, сиб*я́*, дат. т*ибе́*, *сибе́* (=тебя, тебѣ...).

Формы род.-вин. ед. прилагательн. и мѣстоименій на *во*, *óва*, *ыва*, *ива*: jи*вó*, слип*óва*, дóбр*ыва* (=его, слѣпого, добраго).

Формы род. и вин. ед. женск. р. на *ё*, не на *е*: jи*е́*, сыма*е́* (=ее, самое).

Формы им.-вин. множ. ч. прилагательныхъ и мѣстоименій на *и*, иногда ударяемое: дóбры*и*, бальшы́*и*, ма*й* (=мои); но фсе, те, ан*е́* (=всѣ, тѣ...).

Формы род. мн. муж. р. именъ сущ. мягкаго склоненія на *éй*: рубл*ей*, граш*ей*; послѣ *ц*—на *óфъ*, *ыфъ* (=евъ): купц*óфъ*, мéсиц*ыфъ*; формы род. мн. женск. р. никогда не имѣютъ окончаній *óфъ*, *ыфъ*.

Формы 3-го л. ед. и мн. на *тъ*: идё*тъ*, иду*тъ* (но ес*ть*, вес*ть*), съ сохраненіемъ древнихъ шипящихъ: пи*ч*óтъ (=печетъ), ж*ж*ётъ.

Формы 2 л. ед. и мн., 1 л. мн. изъявит. накл. съ-*ё* при удареніи: идёшъ, идёти, идёмъ, при чемъ ф. 1 л. мн. всегда имѣетъ окончаніе *мъ*.

Формы повелит. накл. 1-го л. мн. идéмъ, ид*и́*ти и т. п.

Формы неопред. накл. на *ть* (рѣдко на *ти́*: ит*ти*, вис*ти*).

Формы возвратнаго залога на *са*, *съ*, *ца*: скажу*са*, скажу*съ*, скажут*ца* (=скажуся, скажусь, скажутся).

Подведемъ итогъ. Нашъ говоръ можетъ быть названъ умѣренно акающимъ. Открытыя *а* и *о*, требующія сильнаго движенія губъ, употребляются у насъ лишь подъ удареніемъ; неударяемое *а* (неударяемаго *о* у насъ нѣтъ) произносится нами какъ нѣсколько закрытое *а*, слѣдовательно, съ сравнительно слабымъ движеніемъ губъ, и слышится неособенно часто. За то у насъ въ большомъ употребленіи звуки *и*, *ы* и глухой близкій къ *ы*, произносимые почти безъ двиганья губами. Въ виду этихъ и другихъ особенностей нашъ говоръ можетъ быть причисленъ къ числу легкихъ для рѣчи. Употребляющіе его, начиная съ Ломоносова, находятъ его пріятнымъ для слуха; но обиліе *ы* и глухаго близкаго къ *ы* едва ли можетъ производить на свѣжій и развитой слухъ пріятное впечатлѣніе, и потому, можетъ быть, болѣе правы наши окающіе сѣверяне, которымъ не нравится наша «высокая», какъ они выражаются, рѣчь (мы говоримъ, по ихъ мнѣнію, «свысока»).

Если мы обратимся къ московскому простонародному и подмосковному говору, то увидимъ, что никакихъ звуковыхъ особенностей онъ не имѣетъ. Главное отличіе его отъ нашего говора—въ формахъ и словарномъ матеріалѣ. Московское и подмосковное простонародье употребляетъ всѣ формы и огромное большинство словъ, которыя мы употребляемъ, но сверхъ ихъ, имѣетъ еще рядъ формъ и словъ, которыя намъ хорошо извѣстны, но которыя мы считаемъ вульгарными. Это формы: им.-вин. мн. маé (= мои), твaé, род. мн. рублё*фъ*, барáнк*ыфъ* (рядомъ: барáнықъ), дёнъ, сажóнъ (=дней, сажень), да кéихъ поръ, изъяв. н. жгётъ, повелит. н. палóшь (=положи), палóшти, ни трошь (= трогай), слышь, наст. времени хошь (= хочешь); это слова: пужáть, пущáть, жáлитца, убéчь (= убѣжать), встрéтца (= встрѣтиться), сусéтъ, уби́вицъ, éфтотъ, нóнича, тапéрича, дáвя, ту́тытка, дармá, вó (= вотъ), аттéдыва и т. п. Не безъинтересно замѣтить, что часть нынѣшнихъ вульгарныхъ формъ и словъ были въ употребленіи у всѣхъ Москвичей не только XVII в. (напримѣръ, у царя Алексѣя Михайловича), но даже XVIII в.; они встрѣчаются болѣе или менѣе часто въ литературномъ языкѣ писа-

телей XVIII в. Очевидно, наша интеллигенція утратила эти слова не ранѣе конца XVIII вѣка.

Нашъ умѣренно акающій говоръ не обладаетъ значительною территоріею. На сѣверѣ отъ Москвы, гдѣ не слышится оканья, на югѣ, на юго-востокѣ и на западѣ Московской губ. уже появляются особенности говоровъ сильно акающихъ. Говоръ Серпуховскаго и Верейскаго уѣздовъ имѣетъ бо́льшее количество случаевъ употребленія неударяемаго *а*, чѣмъ подмосковный: по́л*я*, мо́р*я* (им.-вин. ед., постоянно); сверхъ того, въ немъ древнее твердое *к* въ концѣ нѣкоторыхъ именъ и нарѣчій, передъ *а* и *у*, замѣняется мягкимъ: Ва́нь*кя*, капе́й*кя*, чі́й*кю* (откуда иногда мягкое *т*: Вань*тя*); появляются формы род.-вин. мин*е́*, тиб*е́*, сиб*е́* (рядомъ съ мин*я́*), дат. м*и*не́, т*а*бе́, с*а*бе́ (рядомъ съ т*и*бѐ), род.-вин. јі*е́* (рядомъ съ јіё=ее), 3-го л. идё*ть*, иду*ть*, возвратн. залога скажу*си*, скажы*сси* (рядомъ съ —*са*); мѣстоименіе 3-го лица иногда звучитъ *ёнъ*, *јина́*, *јино́*. Говоръ сѣверныхъ частей Рязанской, Тульской и Калужской губ., вѣроятно, ничѣмъ или почти ничѣмъ не отличается отъ говора юга Московской губ. Но далѣе начинаются сильно акающіе говоры.

Сильно акающіе говоры, имѣя нѣкоторыя отличія другъ отъ друга (на которыя мы укажемъ ниже), въ общемъ представляютъ одно цѣлое, занимающее почти всю Калужскую, почти всю Тульскую, почти всю Рязанскую, почти всю Тамбовскую, всю Орловскую, всю Курскую, всю Воронежскую губ. [1]), весь великорусскій югъ, отчасти востокъ и западъ (о нихъ у насъ недостаточно свѣдѣній). Особенности этихъ говоровъ, повторяющіяся въ большинствѣ ихъ,—слѣдующія.

Гласные неударяемые. Мѣсто нашего неударяемаго *а* занято тоже *а*, но болѣе открытымъ, рѣзкимъ, произносимымъ отчетливо, непріятно для нашего слуха. Этотъ послѣдній звукъ слышится также на мѣстѣ нашихъ *и* и глухаго близкаго къ *ы*—послѣ *ј*, мягкихъ согласныхъ, шипящихъ и *ц*: 1) въ слогѣ передъ ударяемымъ твердымъ слогомъ: п*я*то́къ, ч*а*сы́, ш*а*га́ть, ц*а*на́, пир*я*хо́тъ, п*я*ро́, в*я*зу́, а нерѣдко и въ томъ же слогѣ передъ ударяемымъ мягкимъ слогомъ: ш*а*ги́, па ц*а*не́, в*я*зли́, б*я*ри́тя, н*я*ве́ста (= везли....), 2) въ слогѣ послѣ ударенія: ску́ш*а*ла, пе́р*я*тъ (= передъ), те́р*я*мъ, въ те́р*я*ми; 3) въ концѣ словъ: по́л*я*, мо́р*я*, скаре́*я*, на во́з*я*, бяри́т*я*, ска́ч*а* (= скачетъ), игра́*я*. Иногда *а* является даже на мѣстѣ древняго неударяемаго *и*: ба́р*я*нъ (= баринъ), вид*я* (видитъ). Вслѣдствіе этого употребленіе неударяемыхъ *и* и глухаго *ы* здѣсь ограничено; эти гласные всего чаще слышатся во 2-мъ слогѣ передъ удареніемъ: ј*и*раво́й, п*и*тачо́къ, т*ы*рапи́ть, з*ы*хате́лъ, и то не всегда (мо-

[1]) Мы говоримъ, конечно, только о великорусскихъ частяхъ.

жетъ быть и *я*равóй, пят*а*чóкъ, з*а*хатéлъ, въ началѣ слова всегда *а* *а*ддалá), но *и* (послѣ *ж, ш, ц*—*ы*) сравнительно нерѣдко въ слогахъ передъ и послѣ ударенія при слѣдующемъ мягкомъ слогѣ: в*и*злú, н*и*вéста, ж*ы*лéть, игрá*и*ть, слыш*ы*ть (3 л. ед.), и въ концѣ словъ (особенно послѣ гортанныхъ): на бéряг*и*, въ скаск*и* (сказкѣ).

Неударяемое *у* замѣняется чрезъ *в* и, на оборотъ, является на мѣстѣ *в*: *в*кралъ (= укралъ), *в* атцá (= у—), *у* гóрать, *у*мéсти, *ув* афсé (= въ овсѣ)

Согласные. Конечные губные (особенно *п* и *ф*) звучатъ твердо: гóлу*п*ъ, любó*ф*ъ, даже се*м*ъ.

Губное *в* передъ *у* можетъ опускаться: карóушка (коровушка).

Гортанное *г* передъ гласными произносится или болѣе часто, чѣмъ у насъ, или даже постоянно какъ *h*.

Гортанное *к* передъ *а* и *у* въ концѣ словъ, при предъидущемъ мягкомъ согласномъ или *j*, звучитъ не твердо, какъ у насъ, а мягко: Вáнь*кя*, капéй*кя*, пáлыч*кя*, тóль*кя* (откуда иногда мягкое *т*: Вань*тя*). При шипящемъ *ш* (*ж*) сохраняется твердое *к*: бáбуш*ка*, дарóш*ка*.

Шипящія *ж* и *ш* при удвоеніи звучатъ твердо: ви*жжу*, во*жжы*, *шш*ука, *шш*адúть.

Гласный *у* въ началѣ слова, если предъидущее слово оканчивается на гласный, можетъ имѣть передъ собой *j*: на *ю*лицы.

Между формами въ сильно акающихъ говорахъ распространены формы род.-вин. мин*é*, тиб*é*, дат. м*и*нé, т*а*бé, с*а*бé, род.-вин. *jié*, *яé* (= ее); формы род. ед. женск. р. (особенно съ предлогомъ) не только на *ы*, но и на *é*: изъ ызб*é*, адъ жын*é*; формы род. ед. прилагат. и мѣстоим. не только на *вó*, *óва*, *ава*, но и на *hó*, *óha*, *аha*: я*hó*, ча*hó*, дóбра*hа*; имен.-вин. мн. ма*é*, тва*é*, чь*é*; 3-го л. ед. и мн. на *ть* и безъ *ть*: идё*ть* или иде*ть*, ид*é*, или ид*é*, или ú*дя*, вú*дять* и вú*дя* (= видятъ), съ гортанными вмѣсто шипящихъ: пя*к*ёть, пя*к*éть; возвратнаго залога на *си* (рядомъ: *ся*, рѣже *са*): скажу*си*, скажут*си*.

Существительныя средняго рода въ сильно акающихъ говорахъ болѣе или менѣе часто соединяются съ прилагательными и мѣстоименіями женскаго рода: маявá сялó (= мое село).

Мѣстоименіе 3-го лица обыкновенно звучитъ: *ёнъ*, *янá*, *янó*.

Остановимся на отдѣльныхъ говорахъ сильно акающаго центра.

О говорахъ Калужской губ. мы имѣемъ мало свѣдѣній.

Въ говорѣ с. Воронцова, Тарусскаго у., аканье сильно: с*а*пагú, б*а*рматáть, бярý, нясý, даже: нявéста. Сверхъ того: *г* = g (но: дру*х*ъ, род. мн. но*х*ъ), *у* вм. *в*, твердость двойныхъ *ж* и *ш*, *хв* вм. *ф*: *Хв*éня, *хв*áртукъ, формы род. дóбра*ва*, я*вó*, я*é*, 3 л. ед. идё*ть*, идё, любя, 2 л. мн. ид*é*тя.

Въ говорѣ Калужскаго, Перемышльскаго и Лихвинскаго у. отмѣчено: *н*я*с*у́, р*я*ка́, п*и*тачо́къ и пятачо́къ, ма́х*ы*нькихъ, в*ы* бало́т*и*, ма́л*ай* (им.), то́льк*я*, капе́ичк*ю*, Ва́ськ*я* (и Ва́сьт*я*, Перем. у.), *у*ве́сь, *у*сё, *у* ку́чу, дро́*ў* (род. мн.), *в* аднаво́; *г* произносится очень часто какъ *h*; вм. *ф* иногда слышится *хв*: Мар*хв*а, *хв*унтъ (но иногда звучитъ ясно); двойныя *ж* и *ш* тверды; *j* передъ *у*: *ю* насъ (Лихв. у.). Формы род. ед. мин*е́* и мин*я́*, куль сах*е́* (около сохи), дат. т*а*бе́, мѣстн. ед. па тей даро́ги (= по той), им. мн. он*ы́*, дат. мн. лашадёмъ, мѣстн. лашад*ё*хъ (Кал. у.), 3 л. скида́*ить*, гуля́*и* (= гуляетъ, Лихв. у. [1]).

Мещовскій у.: ж*а*ни́лися, *въ* насъ (= у насъ), *ва* мне́ (= у меня), *ва* чужихъ варотъ; формы род. ед. т*ае́* (= тебя), дат. т*ае́* (= тебѣ), род. у *те* (= у тебя), ч*аго́* и м*аво́* (= моего), дат. мн. сянё*мъ*, 3 л. ед. (въ пѣснѣ): кого мнѣ любить будит*и*. Мѣстоименіе *що* [2]).

Козельскій у. повидимому представляетъ (подобно Мещовскому у.) нѣчто особенное въ діалектическомъ отношеніи сравнительно съ восточною частью губерніи; по крайней мѣрѣ, по словамъ жителей восточной части уѣзда, въ Козельскомъ уѣздѣ такъ говорятъ, что «и понять нельзя».

Мосальскій уѣздъ, кажется, не отличается никакими выдающимися особенностями говора: м*а*ладёшынька, н*я* пьётъ, бири́т*я*, св*и*ты́ = цвѣты, в*и*но́къ, б*и*рёза, *у* вм. *в*, мягкость *к*, твердость двойнаго *ш*, формы род. мин*е́*, 3 л. на *ть*: ид*е́ть* [3]).

Относительно говора Жиздринскаго у. мы знаемъ лишь то, что въ немъ есть мѣна *у* и *в*.

Наблюдатель указываетъ, что «въ произношеніи Мосальскаго у. и западной части Жиздринскаго замѣтно вліяніе Бѣлоруссіи» [4]).

Наши свѣдѣнія о говорахъ Тульской губ. также не обширны.

Въ сосѣднемъ съ Московскою губ. Каширскомъ у. (с. Григорьевское) аканье еще слабо: б*и*ру́, н*и*су́ (чаще), рядомъ съ б*я*ру́, н*я*су́ (рѣже); мѣны *у* и *в* нѣтъ; мягкое *к* обычно: чай*кю́*; двойныя *ж* и *ш* часто мягки (не всегда); *Хф*ёдаръ; любо́*фъ*. Формы: род. мин*е́*, і*е́*,

---

[1]) Кирѣевскій, Пѣсни, VIII, 47; Аѳанасьевъ, Сказки, III; замѣтка М. Поліевктова.

[2]) Калужскія Губ. Вѣд. 1860 г., № 27—28.

[3]) Р. Филол. Вѣстн. 1879 г. № 1, стр. 98.

[4]) Матеріалы для географ. и стат. Россіи (Кал. губ.), стр. 183. Отмѣтимъ кстати мѣстныя названія жителей. Жители западной части Мосальск. у. Калужск. губ. и Брянскаго и Трубчевскаго у. Орловской извѣстны подъ именемъ полѣховъ, а жители вост. ч. Мосальскаго у. наз. поляне (Мат. для геогр. и стат. Р. Кал. губ., 184; Очерки Россіи, Пассека, IV).

тваяво́, чаво́; 3 л. идё́ть и иде́; с стяженіемъ гласныхъ: знашъ, мы дѣламъ [1]).

Около Тулы и у мѣщанъ самой Тулы аканье сильно: пято́къ, вязу́, часы́, жана́, ня зна́ю, до́брай, даже: мятёть, бярёза, зялёнай, пади́тя (пойдите), харашо́, тарапи́ть, мяло́й (милый), нячаво́ (ничего); но: биречь, ищо́, сича́съ, чиса́ть, ка́минь, чилаве́къ, на во́зи, на бериги, тырапи́ть [2]). Конечныя *п* и *ф* мягки: карапь, любофь; *г* = *h* чаще, чѣмъ у насъ, но не постоянно: на биряhу́ (отсюда: бе́ряхъ, удру́хъ, нохъ): *ф* вмѣсто *хв*: фость, фо́рость; *х*, *хф* вм. *ф*: хрунтъ, Хфёдаръ. Формы миня́, тибя́, jie, чаво́, до́брава, маво́; 3 л. ед. пьёть, жгёть, пьё, игра́ить, игра́я, хо́дя; можно указать еще на *а* вмѣсто *ое*: маво́, тваво́ (род.), на ф. сравнительной степ. на *яя* (иногда): скаря́я [3]).

Село Боровково, Тульскаго у.: сыпаги́, бяру́, бярёшъ, пирянясу́, даётя; мѣны *у* и *в* нѣтъ; мягкаго *к* нѣтъ; *ф* сохраняется; двойныя *ж* и *ш* тверды: пишша́ть (но: *щи*); крофь (= кровь). Формы: род. мине́, тибе́, дат. табе́ и тибе́, род. яво́, маяво́ и маво́; 3 л. ед. иде́ть и иде́ть, иде́ и иде́, лю́бить и любя, 3 л. мн. любють, 2 л. ед. иде́шъ и иде́шъ, 2 л. мн. иде́тя и иде́тя, 1 л. мн. иде́мъ и иде́мъ; возвр. з. баюся, баюсь, байсьси (2 л.).

Села Слободка и Богучарово, того же уѣзда: сыпаги́ и сапаги́, бяру́, бяре́шъ и бире́шъ, идётя, въ агаро́ди; *в* мине́ (= у меня), *у* сваё время; чайкю́, до́чкя, то́лькя (Слоб.) и толька (Богуч.); пишша́ть; Хама́, хвунтъ; крофь. Формы: род. ед. мине́, тибе́, дат. мине́, табе́, род. яво́, маво́; 3 л. ед. идёть, люби; возвр. з. на *ся* и *сь*.

Въ сосѣднемъ съ Тульскимъ Кропивенскомъ уѣздѣ говоръ почти тотъ же, что въ Тульскомъ. Только формы род. ед. звучатъ чаhо́, до́браhа, ф. 3 л. ед. пьеть (съ *е*, не съ *ё*); другія формы настоящ. вр.: пьешъ, пьемъ, пье́тя; отмѣчено употребленіе ф. дат. мн. въ значеніи твор.: бить нага́мъ. Замѣна *хв* черезъ *ф* здѣсь не отмѣчена [4]).

О говорѣ Новосильскаго у. наши свѣдѣнія скудны. Отмѣчено, рядомъ съ употребленіемъ *я* въ ляпёшка, зна́я, любя, ви́дя (3 л. ед.) и т. п., частое употребленіе *и*: риби́на, чисо́вня, чипра́къ, ридаво́й. От-

[1]) На основаніи сообщенія Н. М. Руднева. Онъ замѣчаетъ, что одна деревня Каширск. у., Хорошово, «поетъ».

[2]) Наблюдатель говоритъ: «въ Тульскомъ уѣздѣ неударяемое *я* почти никогда не переходитъ въ другіе звуки; напротивъ, существуетъ какое-то особенное тяготѣніе къ этому звуку» (Р. Филологич. Вѣстн. 1883 г. № 3, стр. 28). Говоръ тульскихъ мѣщанокъ еще недавно былъ пѣвучимъ. «Нѣтъ ничего непріятнѣе, какъ слышать разговаривающихъ между собою здѣшнихъ женщинъ. Одни слова они повышаютъ и тянутъ, другія понижаютъ и скрадываютъ» (Глаголевъ, Записки р. путешественника, съ 1823 по 1827 г. Спб. 1837, I, 28).

[3]) Р. Фил. В. 1880 г. № 2, 1883 г. № 3.

[4]) Р. Фил. В. 1880 г. №№ 2 и 4, 1883 г. № 3. Наблюдатель характеризуетъ кропивенскій говоръ: «произношеніе словъ бываетъ грубое и рѣзкое».

мѣчены также ф. дат. и мѣстн. съ древними свистящими: на паро́зи, въ кабаце́, на ве́рси, и ф. *тае́*, *сае́* (= тебѣ, себѣ) [1]).

О говорѣ Бѣлевскаго у. мы знаемъ лишь то, что въ немъ есть замѣна *в* через *у*: *у* Тулѣ [2]); а о говорѣ Чернскаго у.,—что въ немъ формы род. ед. имѣютъ *h*: ча*h*о́.

Изъ говоровъ Орловской губ. мы имѣемъ немного свѣдѣній о говорахъ Елецкаго, Ливенскаго и Малоархангельскаго уѣздовъ.

О говорѣ Елецкаго у. наши свѣдѣнія скудны. Наблюдатель указываетъ на сильное аканье: б*я*жа́лъ, *Я*ле́цъ, зна́*я*, ви́д*я* (3 л. ед.) [3]), на *у* вм. *в* и на оборотъ: *у*зя́лъ, *ув* Яльцу́, *в*шолъ (= ушелъ), *въ* батюшки, на мягкое *к*, твердость двойнаго *ш*, формы 3 л. безъ *ть* (пайде́), ф. возвр. з. на *си*. Онъ отмѣчаетъ еще одну «важную» черту—мягкое *л*, «слышимое особенно въ женскомъ говорѣ» и близкое къ фран. *l*: приш*ла*, бы*ла* [4]).

О говорѣ Ливенскаго у. мы знаемъ менѣе. Въ немъ отмѣчены только *у* вм. *в* и на оборотъ, твердое двойное *ш*, формы 3 л. на *ть* (идё*ть*). Аканье его едва ли принадлежитъ къ числу особенно сильныхъ: ж*ы*на́ [5]).

Говоръ Малоархангельскаго у. принадлежитъ къ числу очень сильно акающихъ. Въ немъ отмѣчены *у* вм. *в* и на оборотъ, формы род. ед. на *во*: я*в*о́, дат. т*и*бе́, 3 л. ед. иде́*ть*, сике́*ть*, 2 л. мн. иде́тя, возвр. з. на *си* (рядомъ съ ф. на *са*) [6]). На мягкость *к* нѣтъ указаній.

Съ говорами Курской губ. мы сравнительно хорошо знакомы.

Говоръ Щигровскаго у. принадлежитъ къ числу очень сильно

---

1) Этнограф. Сборникъ, II, 94.

2) «Бѣлевское нарѣчіе, удаляясь отъ правильнаго тульскаго, приближается болѣе къ калужскому и отличается особеннымъ употребленіемъ предлоговъ, своемѣстнымъ выговоромъ словъ, незамѣтныхъ въ другихъ областныхъ нарѣчіяхъ. Въ короткомъ и звучномъ произношеніи мужчинъ слышно всегда грубое *о* и рѣдко встрѣчаются мягкіе тоны. Бѣлевецъ въ быстромъ, почти всегда визгливомъ выговорѣ звукъ *въ* превращаетъ въ *у* и всегда говоритъ: былъ у Тулѣ. Такъ только говорятъ люди средняго класса. Въ выговорѣ поселянъ Бѣлевскаго уѣзда замѣтно болѣе пріятности и очень рѣдко можно встрѣтить людей съ городскими тяжелыми словами». Маякъ 1843 г., кн. 16, стр. 56 (смѣсь).

3) По его словамъ, во всемъ уѣздѣ выговариваютъ по-московски на *а* и весьма рѣзко.

4) Стаховичъ. Исторія, этнографія и статистика Елецкаго у. М. 1858 (то же въ Вѣстн. Имп. Р. Геогр. Общ., ч. 25). Такое же *л* и тоже въ женской рѣчи, говорятъ, слышится въ Казанской губ.

5) Матеріалы въ «Сказкахъ» Аѳанасьева, 1-е изд., вып. 3-й.

6) Матеріалы въ «Пѣсняхъ» собр. Якушкинымъ и въ «Калѣкахъ» Безсонова.

акающихъ (*бя*рёза, на ня*ве́стя*, ви́д*я*, 3 ед., зала*ту́я* гривну, вик.⁾. Г
хое *ы* въ немъ большая рѣдкость и является иногда лишь во 2-мъ сл
передъ ударенiемъ (т*а*рапи́ть, *за*лато́й); неударяемое *и* на мѣстѣ др
нихъ *я*, *е* употребляется тоже не часто или во 2-мъ слогѣ передъ у
ренiемъ (п*и*ляна́), или послѣ ударенiя (ако́н*и*чкя); *у* и *в* мѣняются; м
кое *к*: чай*кю*; двойныя *ж* и *ш* тверды; конечное *п* твердо: го́лу*пъ*; вм
сто конечнаго мягкаго *ф*—твердое *в*: кро*въ* (=кровь); *г* постоянно =
хв и *х* постоянно вм. *ф*: *Хв*ёдаръ; формы род. ми*не́*, ти*бе́*; *яво́*; да
м*и*не́, т*а*бе́; род. ты*е́*, адны*е́* (= той, одной), дат.-мѣстн. тэй, адн*э́*
твор. тэю, адн*э́*ю; мѣстн. ед. муж.-ср. р. на *у*: у дам*у́*, абъ мяшк*у́*,
кан*ю́*, абъ няшша́сть*ю*; дат.-мѣстн. ед. ж. р. послѣ гортанныхъ на
ряк*и́*; рядомъ ф. дат.-мѣстн. ед. ж. р. съ древними свистящими: н
даро́*зя*, на ру*це́*; 3 л. ед. нясе́*ть*, нясе́, лю́б*я*; 3 л. мн. жужж*а́*, гавар
(но: идуть); при ф. возвр. з. на *си* нерѣдки ф. на *ся* (не *са*) [1]).

Въ Тимскомъ [2]) и Старооскольскомъ [3]) уѣздахъ говор
тотъ же, что въ Щигровскомъ. Въ Старооокольскомъ отмѣчены ф. род
на *ho*: *яго́*, и ф. 3 л. иде́*ть*.

Въ Обоянскомъ и Суджинскомъ у. глухое *ы* совсѣмъ неизвѣстно (т*а*рап*и́*ть), но *и* на мѣстѣ *я*, *е* очень распространено, такъ что рядомъ съ с*я*стра́, б*я*рёза, ба́б*я* (дат.)—слышится с*и*стра́, б*и*рёза, у по́*ли*. Другiя особенности тѣ же, что въ Щигровскомъ у. Можно отмѣтить только ф. род. на *ho*: *яго́*, до́бра*га*, *тiе́*, *сiе́* (= тебя, себя), дат. *тае́*, *сае́* (= тебѣ), дат.-мѣстн. ед. ж. р. бяд*ы́*, на ряк*и́*, а блах*и́*, мѣстн. муж.-ср. р. на *у*: абъ Якав*у́*, при Ива́н*у*, на канц*у́*, при граш*у́*, абъ сян*у́*, (отъ сѣно), ув акн*у́* (рядомъ: на кан*и́*, абъ рубл*и́*), 3 л. ед. нисе́*ть*, лге*ть* и нисе́, 2 л. нисе́*шъ*, нисе́тя (съ *е*), 3 л. мн. ста*я́*, спиш*а́* (но: нясу*ть*). Сверхъ того, здѣсь слышны ф. дат.-мѣстн. женск. р. на *э́й* (вм. *ой*): т*эй*, адн*э́й* [4]).

О говорѣ Новооскольскаго у. можно сказать, что онъ занимаетъ среднее мѣсто между говоромъ Щигровскаго у. и говоромъ Обоянскаго. Глухое *ы* въ немъ неизвѣстно; *и* вм. *я*, *е* нерѣдко: нач*и*ва́ть, *ли*та́ть, ты́с*и*ча. Но формы *тiе́*, *сiе́*, *тае́*, *сае́* также неизвѣстны (вмѣсто нихъ *тибе́*, *табе́*). Ф. род. имѣютъ оконч. *ho*: *яго́*, но рядомъ отмѣчена форма

---

[1]) Матерiалы, прекрасно записанные, въ Р. Филол. Вѣстн. 1879 г. и слѣд. Описанiе говора тамъ же, 1879 г. № 2.

[2]) Матерiалы въ Трудахъ Курскаго Губ. Статистич. Комитета, вып. I. Курскъ, 1863.

[3]) Филологич. Зап. 1867 г.

[4]) Матерiалы и описанiе въ Трудахъ Курск. Г. Стат. Ком., вып. I.—Р. Филог. В. 1889 г. № 1; Этнограф. Сб., V. О «саянахъ» (какъ называютъ жителей Об. и Судж. у., отъ дат. *сае́*?) см. также ст. Добротворскаго въ Вѣстн. Евр. 1888 г. № 9.

зилянóва; ф. 3 л. нисéть и нисé, 2 л. нисéшъ, 3 л. мн. спишá и идуть, возвр. з. на *си* и на *ся* [1]).

Говоръ Бѣлгородскаго у. принадлежитъ къ числу смѣшанныхъ. Аканье его очень близко къ аканью предъидущаго говора. Глухаго *ы* почти нѣтъ (только послѣ шипящихъ: жына́); *и* вм. *я*, *е* нерѣдко. Формы род. минé, тибé, явó, свавó, дóбрава; ф. дат. тибé, 3 л. на *ть*, возвр. з. на *сы*: зашыталсы, лажылсы. Рядомъ съ этими великорусскими особенностями есть малорусскія: спорадическое неударяемое *о*: молодéцъ, гóлосомъ; спорадич. *и* вм. *ѣ*: гъ жынú; спорадич. согл. звонкіе вм. глухихъ: дорóжка (рядомъ: патъ кустóмъ) [2]).

Говоръ Путивльскаго у. также принадлежитъ къ числу смѣшанныхъ. Глухое *ы* неизвѣстно; *и* вм. *я*, *е* сравнительно часто: ризвóй, дивя́тай (рядомъ, чаще: бярёза, вялúкай). Формы род. на *ho*: яго; ф. род.-дат.-мѣстн. ж. р. на *эй*: аднэй, святэй, какэй, бальшэй; ф. дат.-мѣстн. ж. р. на *ы*: къ жаны, на травы; ф. тв. мн. на *мы*: саньмы, слизáмы; ф. крыю, мыю. Рядомъ съ великорусскими особенностями мы находимъ въ этомъ говорѣ черты малорусскія и бѣлорусскія. Таковы еще: спорадическое *и* вм. *ѣ*: сияли = сѣяли, паглядили; двойныя *л*, *н*, *д* и др. вмѣсто *ль*, *нь*, *дь*: наллю́ = налью, вýгалля, замирéння; звонкіе въ концѣ и серединѣ словъ: годъ, грыбковъ, слёзки; *в* вм. *л* въ ф. прошедш. вр.: давъ = далъ; ф. 3 л. ёсть = есть [3]).

Вотъ наши свѣдѣнія о говорахъ Рязанской губ.

Говоръ Зарайскаго у., повидимому, близокъ къ подмосковнымъ. Отмѣчено только: пиринóсъ и пирянóсъ, и частое *г* = *g*.

Говоры центра и юга Ряз. г.—уже сильно акающіе, съ мягкимъ *к*: чайкю́, твердыми двойными *ж* и *ш*, съ *j* передъ *у* въ началѣ словъ послѣ гласныхъ: на юлицу, съ прилагат. женск. р. при существит. средн. р.: густáя дирявцó, худáя вядрó; мѣна *у* и *в* въ нихъ сравнительно рѣдка и не повсемѣстна.

Изъ нихъ въ говорѣ Скопинскаго у. отмѣчено: шылúшъ, жылеть, лéнтыми (тв.), пилянá, сирядú, жанúхъ, вы́пялъ, вы́тащялъ (= выпилъ, вытащилъ), подáйтя, въ убóри, даже касýя (вин. ед. ж. р.); *г* = *h* (нохъ, дéняхъ, род.); формы род. минé и миня́, явó, свавó, jeé, дат. табé, мѣстн.

---

[1]) Р. Филол. В. 1884 г. № 2.

[2]) Тамъ же 1882 г. № 1. О «курскомъ нарѣчіи» (такъ авторъ называетъ говоры всей Орловской, Курской и юго-зап. частей Калужской и Тул. губ.) см. интересную ст. Васьянова въ «Очеркахъ Россіи» Вад. Пассека, вып. IV. М. 1840. О немъ же ст. въ Пам. кн. Курск. губ. на 1893 г. Матеріалы на одномъ изъ курскихъ говоровъ въ Р. Фил. В. 1879 г. № 1, на другомъ—въ «Сказкахъ» Аѳанасьева.

[3]) Р. Фил. В. 1886 г. № 4.

на *у*: на мо́стику; 3 л. арё*ть* (и безъ *ть*), возвр. з. ко́нчила*сь* и купал*и*
си; мѣстоименіе (мѣстами) *що* [1]).

Въ одномъ говорѣ Данковскаго у. (дер. Чернышовка): пяр*и*
жана́, лятѣли, при ч*и*во́, свича́, в*и*лю́, по́гр*и*пъ, въ по́л*и*, на ахо́тушк*и*
сверхъ того: формы род. чиво́, сва*во́*, 3 л. на *ть*. Еще: пать кра́сн*у*
акошичк*у*. Въ другомъ говорѣ того же у. (д. Гремячка): *ма*лада́, жана́
рядомъ съ запр*и*гу́, л*и*са́ (=лѣса), сп*иш*ы́лъ; сверхъ того, мягкое *жж*
вм. *жж* въ съ*иждя́*лъ (=съѣжжалъ); формы род. чиво́, 3 л. на *ть* [2]).

Говоръ Раненбургскаго у. имѣетъ глухое *ы* во 2-мъ слогѣ пе-
редъ удареніемъ и въ слогѣ послѣ ударенія: т*ы*рапи́ть, по́ м*ы*рю (также
ж*ы*лѣ́ть); въ немъ обычно *и* передъ удареніемъ и послѣ ударенія: б*и*рёза,
в*и*зли́, с*и*стра́, ка́м*и*нь, ска́зыва*и*ть, на во́з*и*, на бе́рег*и*, рядомъ съ
сястра́, *я*во́, ч*а*ты́ри, игра́*я* (3 л.); *г* = *h*; мѣны *у* и *в* нѣтъ; двойное *ж*
можетъ быть мягко (ви*жжю*), но двойное *ш* твердо; вмѣсто мягкаго *к*
мѣстами—мягкое *т*: Вань*тя*; формы род. jiе́, *яе́*, *яво́*, до́бры*ва;* 3 л. ед.—
придё*ть* и придё (ф. 3 л. мн. безъ *ть* нѣтъ); ф. возвр. з. оканчиваются
на *си* и на *ся* [3]).

Говоры заокской части Рязанской губ. принадлежатъ къ числу пере-
ходно-смѣшанныхъ и соединяютъ въ себѣ черты акающихъ говоровъ
съ чертами говоровъ окающихъ, и, сверхъ того, имѣютъ не мало своихъ
собственныхъ своеобразныхъ чертъ.

«При переѣздѣ черезъ Оку (съ юго-востока), говоритъ наблюдатель,
мы слышимъ говоръ южно-рязанскій лишь на разстояніи какихъ-нибудь
10—15 верстъ, и то съ легкой примѣсью цоканья». Здѣсь, въ Спас-
скомъ у., при преобладающемъ *г*=*h*, есть и *г*=*g*. Далѣе, съ д. Дере-
венское, начинается новая группа говоровъ, занимающая большую
часть Спасскаго и Касимовскій уѣздъ. Всѣ они болѣе или менѣе
сильно акающіе. Одни изъ нихъ, большая часть, имѣютъ лишь *ц* (твердое)
вм. *ч*, другіе (въ углѣ Касим. у. отъ р. Гуся, внизъ по Окѣ, до границы
Тамбовской губ.)—взаимную мѣну ясныхъ *ц* и *ч*, третьи (центра Касим.
у.) мѣняютъ средніе звуки: *ч* съ свистящимъ оттѣнкомъ и *ц* съ шипя-
щимъ. Обширный районъ около с. Тумы, Касим. у., отличается шепелева-
тостью своихъ говоровъ; мягкое *с* въ немъ звучитъ съ шипящимъ оттѣнкомъ:
де́с^{ш}итъ (десять); такъ же, но кажется, рѣже, звучитъ мягкое *з*: *з*^{ж}има́, *з*^{ж}ять.
Тотъ же районъ и еще нѣкоторыя мѣстности Касим. у. имѣютъ мяг-
кія *д* и *т* (особенно *д*) съ свистящимъ оттѣнкомъ: *адзё*жа; а въ одной
мѣстности (Парахинская волость на сѣверѣ Касим. у.) мягкое *д* звучитъ

---

[1]) Будде. Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій. Изслѣдованіе особенностей рязанскаго говора. Варш. 1892 г.—Жив. Стар. 1894 г., I, 288, 290.

[2]) На основаніи сообщенія О. П. Семеновой.

[3]) Пам. книжка Рязанск. губ. на 1868 г., ст. Ермакова; Жив. Старина 1891 г., IV, 1894 г., II, матеріалы О. П. Семеновой.

также съ шипящимъ оттѣнкомъ: *аджёжа*. Наблюдатель отмѣтилъ въ заокской группѣ говоровъ «растянутость рѣчи», которая сообщаетъ ей «какую-то особенную музыкальность». Ему послышались долгіе гласные въ разныхъ частяхъ словъ, но всего чаще въ концѣ ихъ; въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ (Китовская и Парахинская волости и с. Ярыгино Касим. у.) онъ слышалъ даже дифтонги *уо* и *іе*, подъ удареніемъ и безъ ударенія: зим*ýой*, *ýо*ба, приду*ó*тъ (3 л. мн.), игр*áю*отъ (3 л. ед.), дыляк*уó*; стá*ні*емъ, куп*іе*мъ (1 л. мн.), между прочимъ на мѣстѣ древняго *ѣ*: м*іé*ра, п*іé*сьня (съ преобладаніемъ то *і*, то *е*). Употребленіе *ў* вм. *в* въ этой группѣ очень распространено, даже между гласными, т. е. не только въ *óў*цы (рядомъ съ *óф*цы), кý*заў* (кузовъ), но и *яўó* (рядомъ съ *явó*); встрѣчается *ў* даже вм. твердаго *л* въ концѣ словъ. Кромѣ того, твердое *в* нерѣдко замѣняется черезъ *h* и *х*: *h* Маскве́ (=въ—), *h* ваде́ (въ—), *х* по́ля, *х* сабо́ри, ло*х*ка (ловко), де́*х*ки (дѣвки), жы*хъ* (живъ), зубó*хъ* (род.), а мягкое *в* черезъ *j*: свякр*ó*j (свекровь), любó*j*и (любови), галó*j*ки (головки). Наконецъ встрѣчается опущеніе *в* между твердыми гласными, между прочимъ въ формахъ род. п. *цаó* (чего), въ началѣ и въ концѣ словъ. Другія спорадическія черты: *у* вм. *о* безъ ударенія: за нявéст*уй*, самаýцк*уй*; глухое *ы* въ слогѣ передъ удареніемъ: г*ы*сти́ла, с*ы*свáталъ; *е* вм. *я*: ап*é*ть, д*é*дя, *é*сли; далѣе: *нн* вм. *дн*: а*нн*á; *мм* вм. *бм*: а*мм*áнъ; *жж* вм. *жд*: *жжяли*=ждали, *жжы*=жди; двойныя *ж* и *ш* то твердыя, то мягкія: до*шь* и до*жжé*фъ; *х* и *хв* вм. *ф*: Хе́дя; изрѣдка замѣна мягкаго *д* черезъ *j*: па*j*ёмъ, хо*j*атъ, скла*j*ёшъ (Парах. вол.); мѣстами мягкость *к* (Китовск. вол.); мягкость *с* въ суфф. *ск*: атцóјс*ь*кай.

Формы род. ед. jiё, *тей*, дóбра*в*а, *цаó* и даже *цо*; 3 л. въ одних мѣстахъ (Спасск. у. и югъ Касим. у.) на *ть*, въ другихъ на *тъ* и безъ *тъ*, въ третьихъ рядомъ и на *ть*, и на *тъ*; 1 л. ед. сóуе*стюся*, усту*пю́*, *спю*, возвр. з. иногда на *си*. Формы им. и вин. ед. ж. р. членныхъ прилагат.: изба бальш*á*, рядомъ съ бальш*áя*, и т. п. Формы члена сравнительно разнообразны: работу-*ту*, бáбы-*ти*. Существит. ср. р. могутъ имѣть при себѣ прилагат. женск. р. Мѣстоименіе звучитъ: *што*, *штё*, *шчо*, *щё* [1]).

Говоры восточной часcти Егорьевскаго у., вѣроятно, близки къ говорамъ Спасскаго и Касимовскаго у.; во всякомъ случаѣ, они имѣютъ мѣну *ц* и *ч*.

Мы не богаты свѣдѣніями о говорахъ Тамбовской губ.

Въ сѣверной ея части, въ Кадомскомъ уѣздѣ, слышится (мѣстами?)

---

[1]) Свѣдѣнія объ заокской группѣ говоровъ—въ названномъ выше трудѣ Будде, въ его же соч. «Къ исторіи великорусскихъ говоровъ», Каз. 1896 (мы могли познакомиться лишь съ началомъ этого соч.), и въ его же «Отчетѣ» (Уч. Зап. Каз. ун. 1895 г., I).

очень сильное аканье: т*а*рапи́ть, ч*а*тыр*я*, *я*що, н*я* уви́д*я*, бу́д*я* (3 л.), вмѣ́ст*я*. Но есть и *и* передъ ударяемымъ мягкимъ слогомъ: б*и*рёза. Кромѣ того, здѣсь отмѣчены мягкость *к*, формы род. *я*е́, *я*ɦо́, 3 л. приде́. Мѣстоименіе *что* звучитъ *що* [1]).

Говоры Шацкаго и Тамбовскаго у. акаютъ слабѣе: пято́къ, пир*я*хо́тъ, но б*и*рёза, н*и*вѣ́ста. Глухой извѣстенъ: т*ы*рапи́ть. Отмѣчены еще формы род. мин*я́*, іе́, возвр. з. на *си*. Ф. 3 л., повидимому, оканчиваются на *тъ* [2]).

Одинъ изъ говоровъ Липецкаго у., кажется, тожественъ съ тамбовскимъ. Рядомъ съ пято́къ, биригёт*я* (2 л. мн.), здѣсь часты глухое *ы* (т*ы*рапи́ть, титёрьк*ы*ю, твор.) и *и* (б*и*рёза, па прѣ́жн*и*му). Отмѣчены формы род. мин*я́*, іе́, 3 л. ед. на *ть* и безъ *ть* (нисёт*ь* и *ё*=есть), возвр. з. на *си*. Мѣстоименіе звучитъ *що*. Мѣны *у* и *в* и мягкаго *к* повидимому нѣтъ.—Другой говоръ того же у. акаетъ сильнѣе: б*я*рёза, н*я*бѣ́снай, а́нь*я*лъ, злобаю, игр*а́я*, убѣйт*я* (рядомъ: э́нт*ы*ва, род.). Отмѣчены мягкость *к*, твердость двойнаго *ш* и ф. род. *я*во́. Мѣстоименіе звучитъ *що* [3]).

Воронежская губ. занята Великоруссами-переселенцами изъ разныхъ областей вр. нарѣчія. Названія селъ (напримѣръ, въ Воронежскомъ у.: Московское, Коломенское, Можайское, Мосальское, Данковъ) часто показываютъ, откуда вышли ихъ жители. Въ одномъ селѣ иногда живутъ переселенцы изъ разныхъ губерній. Отсюда разнообразіе мелкихъ чертъ въ говорахъ; говорятъ *я*ɦо́, каɦо́ и *я*во́, каво́, бярѐшъ и бярѐшъ, *што* и *що*. Отсюда насмѣшливыя прозванія, данныя жителями Воронежской губ. другъ другу: ягуны́, кагуны́, щекуны́ [4]).

---

[1]) Матеріалы въ «Сказкахъ» Аѳанасьева.

[2]) Матеріалы тамъ же (1-е изд. вып. 2).

[3]) Матеріалы тамъ же (вып. 2).

[4]) «Между Великороссіянами тѣ, которые принадлежатъ къ сословію однодворцевъ, особенно въ сѣверо-западной половинѣ губерніи, носятъ общее названіе талагаевъ или щекуновъ, по произношенію большею частію изъ нихъ *що* вм. *что*; принадлежащіе же къ разряду бывшихъ экономическихъ крестьянъ, наиболѣе поселенные по р. Форостани, въ уѣздахъ Воронежскомъ и Коротоякскомъ, называются цуканами, отъ цуканья, т. е. произношенія нѣкоторыми изъ нихъ буквы *ц* вм. *ч*. Талагаи называютъ себя старожилами и не знаютъ, откуда переселились сюда ихъ предки; у цукановъ, напротивъ, по большей части сохраняются въ памяти разсказы дѣдовъ о томъ, изъ какихъ мѣстъ они вышли; самыя названія многихъ селеній, въ которыхъ живутъ цуканы, ясно указываютъ на мѣста первоначальнаго ихъ жительства; напримѣръ, поселки Московскій, Мосальскій, Можайскій, Коломенскій, Каширскій, Одоевскій, Дорогобужскій, Новоклинскій, Верейскій, Мещовскій, Епифанскій. Замѣтимъ здѣсь кстати, что нѣкоторые экономическіе крестьяне, выселившіеся не изъ подмосковныхъ мѣстъ, не называются ни цуканами, ни талагаями. Точно также не встрѣчается этихъ названій въ юго-восточной половинѣ губерніи». Воронежскій Юбилейный Сборникъ, т. II, Ворон., 1886, стр. 269;—Ворон. Бесѣда, стр. 265.

Сѣверъ Воронежской губ. едва ли отличается отъ юга Тамбовской.

Середина ея, уѣзды Нижнедѣвицкій [1]) и Бобровскій [2]), имѣютъ говоры очень близкіе къ сосѣднимъ говорамъ Курской губ.— щигровскому и старооскольскому. Аканье здѣсь очень сильно: бярёза, нялъзя́, ня ёздилъ, ве́сялъ, игра́я, пла́ча (3 ед.), бяри́тя, на во́зя, въ астро́гя, на маши́ня, даже жану́ маладу́я. Глухое ы—очень рѣдко (тарапи́ть); и вмѣсто я, е—чаще: бирёза, нивеста, зна́ишъ, грибяшо́къ. Здѣсь отмѣчены у вм. в и на об., г «вообще» произносимое какъ h, мягкость к, твердость двойныхъ ж и ш, формы род. мине́, тибе́, 3 л. ед. нясётъ и нясё, пякё, возвр. з. на си.

Говоръ мѣщанъ г. Воронежа, какъ многіе великорусскіе городскіе говоры, близокъ къ московскому простонародному. Аканье менѣе сильно, чѣмъ у крестьянъ Воронежскаго у. («послѣ шипящихъ чаще употребляется звукъ ы, звукъ же а служитъ признакомъ болѣе деревенской рѣчи»): жына́, жыла́ть, рядомъ съ карава́й, на́шаму, ражжава́лъ, пиридайти, рибо́й, бу́дить. Отмѣчены формы: им. ед. на и вм. я: Ва́ни, ба́рышни, ми́лыи мая́, ба́бьи схо́тка, род. ед. у рике́, у жыне́, окала талпе́, мѣстн. ед. въ гарьсьте́, фъ часьте́ [3]).

Теперь передъ нами акающіе говоры великорусскаго юга и востока, насколько мы ихъ знаемъ по наличнымъ скуднымъ даннымъ.

Говоръ городка Погара, Черниговской губ., принадлежитъ къ числу смѣшанныхъ. Аканье здѣсь очень сильное: бярёза, мастяръ, игра́я, ви́дя, бяри́тя, тарапи́ть, рядомъ съ мыладо́й, го́рыду (дат.); и вмѣсто я, е сравнительно рѣдко (во 2-мъ слогѣ передъ удар. и въ концѣ словъ: у хати). Здѣсь отмѣчены у вм. в и на оборотъ, формы род. тябе́, яё, яhо́, свайhо́, дат. сабе́ и сябе́, 3 л. ед. нясе́, сидитъ (по-малорусски и бѣлорусски), и нѣсколько мало- и бѣлорусскихъ чертъ: звонкіе на мѣстѣ нашихъ глухихъ: разказавъ, лл, нн вм. лъ, нъ: кушанння, в вм. л (прош. вр. на въ): бывъ, жавтокъ=желтокъ, замовкли=замолкли, префиксъ з вмѣсто с, из (зробить), формы им. ед. муж. тэй (звѣрь), 3 л. ёстъ, наст. вр. нашию=нашью, неопр. н. стеректі́, распра́шувать. Словарный составъ этого говора имѣетъ въ себѣ много мало- и бѣлоруссизмовъ (што) [4])

Въ восточной части Новгородсѣверскаго у., Черниг. губ. (близъ границы Орлов. г.), говоръ одинъ изъ самыхъ смѣшанныхъ, однако

---

[1]) Воронежскій Литературный Сборникъ, изд. П. Гардѣнинымъ Вып. I. Ворон., 1861.

[2]) Филолог. Зап. 1885 г., ст. Прядкина,=Воронежскій Юбилейный Сборникъ, т. I.

[3]) Пам. кн. Ворон. губ. на 1892 г., вып. II, Ворон. 1892, ст. Дикарева.

[4]) Матеріалы въ «Путевыхъ письмахъ» Якушкина (Основа 1862 г., № 1=Сочиненія Якушкина) и въ «Сказкахъ» Аѳанасьева. По Потебнѣ, говоръ Погара—великорусскій, переходный къ малорусскому («Замѣтки о малор. нарѣчіи», 3).

болѣе вр., чѣмъ мр. Звуки *е*, *и* часто (не всегда) смягчаютъ предъидущій согласный, при чемъ вмѣсто *е* подъ удареніемъ слышится *ё*: тёплая хата; *ѣ*=*е*; аканье сильное: м*а*я, п*а*лéно, т*я*лица, т*я*бé (род.), т*я*пéръ, но лишь передъ удареніемъ. А рядомъ много особенностей малорусскихъ: сохраненіе неударяемыхъ гласныхъ послѣ ударенія (а иногда и передъ удар.), сохраненіе звучныхъ согласныхъ (во*з*ъ и т. п.), *дж* вм. *ж* (дах*а*-*дж*ати), *в* вм. *л* (да*в*ъ, во*в*къ), *зъ*, *одъ* вм. *съ*, *изъ*, *отъ*: *зъ* рóду, зза стал*á*. Сверхъ того, здѣсь *у* вм. *в*, *г*=*h*, формы род. на *hо* (сва*йгó*), 3 л. ед. на *е* (по-мр.), возвр. з. на *са* (величáть*са*), *що*=што. Этотъ «сѣверскій» говоръ слышится, кромѣ вост. части Новгородсѣв. у., еще въ сѣв. части Глуховскаго у. Черн. г., въ юго-вост. углу Трубчевскаго и въ зап. части Сѣвскаго у. Орловск. губ. [1]).

Говоръ слободы Трехъизбянской, Харьковской губ., Старобѣльскаго у., близь границы Екатеринославской губ., принадлежитъ къ числу сильно акающихъ. Главная часть жителей этой слободы — переселенцы XVIII в. изъ Бѣлгородскаго у.; другая часть—переселенцы позднѣйшаго времени изъ Обоянскаго, Валуйскаго и Нижнедѣвицкаго у. Здѣсь говорятъ не только п*я*тóкъ, ч*а*сы́, игр*á*я, но также: б*я*рёза, п*я*тачóкъ, éзд*я*, вúд*я* (3 ед.), т*а*рапи́ть; впрочемъ *и* вм. *я*, *е* нерѣдко: б*и*рёза, з*и*лёнай. Здѣсь отмѣчены: *у* вм. *в*, формы род. минé, я*hó*, 3 л. нясé*тъ* (съ *е*, не *ё*) и нясé, лит*я́тъ* и лит*я́*. У позднѣйшихъ переселенцевъ слышно *каé* и *що*=что [2]).

Говоръ слободы Бахмутовки, того же у., повидимому ничѣмъ не отличается отъ говора слободы Трехъизбянской. Отмѣчено: в*я*зу́, л*я*чи́ть, в*я*рёвка, х*а*рани́ть, рядомъ съ б*и*дá, б*и*рé, 3 л., *и*гняты (=ягн—), и при бу́д*е*, кóрм*е*, 3 л., тóльк*е*; *у* вм. *в*, *г*=*h* (издрó*х*ъ, прош.), мягкое *к*, иногда *х* и *хв* вм. *ф*, тверд. *ши*; формы род. ед. исъ салóм*е*, съ вадé, я*hó* и и*hó*, ié, минé, вин. ж. р. адн*ые́* (=одну), род.-мѣстн. адн*э́й*, мѣстн. на какé*й* старанé, на кан*ю́*, 3 л. на *ть* и безъ *ть*: видé*ть*, дýма*е*, кóрм*е*, люб*я*, мн. ч. малóт*я*, ляж*á* (при малóтють), 2 л. ед. видéшь, 1 мн. видéмъ (съ *е*, не *ё*), возвр. з. на *си*: напьёш*си*. Мѣстоименіе *што*. Въ словарѣ малоруссизмы [3]).

О донскихъ говорахъ мы мало знаемъ. Донцы-верховцы, говоритъ наблюдатель начала нашего столѣтія, «изъ той части Россіи, гдѣ говорятъ яго, чаго и подобныя имъ»; Донцы-низовцы ихъ называютъ чига (что имѣетъ бранное значеніе) [4]).

---

[1]) Р. Филол. В. 1884 г. № 1.
[2]) Этнограф. Сб., III.
[3]) Р. Филологич. Вѣстн. 1893 г., № 3.
[4]) Чтенія Общ. ист. и др. 1863 г. кн. 3.

Другой наблюдатель говоритъ: «Верховые казаки говорятъ нарѣчіемъ твердымъ, близко подходящимъ къ великороссійскому. За исключеніемъ звуковъ, происходящихъ отъ буквы *г*, которые они произносятъ безъ всякаго различія, совершеннаго отсутствія звука *щ*, небольшихъ другихъ мѣстныхъ оттѣнковъ, во всемъ прочемъ произношеніе ихъ мало отличается отъ сосѣднихъ съ ними губерній. Напротивъ того, произношеніе жителей низовыхъ очень мягко и бываетъ иногда, особенно у мужчинъ, до приторности нѣжно. Нарѣчіе это имѣетъ многіе оттѣнки малороссійскіе и греческіе. Не слѣдуетъ однако заключать, чтобы сдѣланное наблюденіе касательно верховыхъ казаковъ не имѣло вовсе исключенія. Въ самыхъ близкихъ къ Черкасску станицахъ замѣтны въ выговорѣ нѣкоторые оттѣнки, которые жители ихъ переняли отъ городовыхъ; также казаки, живущіе по Донцу въ станицахъ, ближайшихъ къ Харьковской и Екатеринославской губ., обнаруживаютъ вліяніе малороссійскаго выговора. Въ станицахъ же по Хопру, Медвѣдицѣ и Бузулуку, а также въ самыхъ верхнихъ по Дону—Казанской и Мигулинской, какъ мѣстахъ, ближайшихъ къ губерніямъ Воронежской, Тамбовской и Саратовской, вліяніе великороссійскаго выговора еще ощутительнѣе, нежели въ прочихъ станицахъ по Дону» [1]).

То же мы должны сказать о вр. говорахъ сѣвернаго Кавказа.

Жители станицы Темижбекской, Кубанской обл., переселенцы изъ Бахмутскаго у. Екатеринославской губ., имѣютъ сильное аканье: пято́къ, нясу́, бярёза, гра́*я*, ві́д*я* (3 л.), ту́*я* ризу (вин. ж. р.), съ употребленіемъ глухаго *ы* во 2-мъ слогѣ передъ уд.: т*ы*рапи́ть, к*ы* рики́, и *и*: і*ё*, *и*шо́ (еще). Здѣсь отмѣчены: *у* вм. *в* и на об., мягкость *к*, твердость двойныхъ *ж* и *ш*. формы род. мин*е́*, тиб*е́*, і*е́*, яв*о́*, свав*о́*, 3 л. на *ть* и безъ *ть*: нясё*ть*, нясё [2]).

Жители Воронежской станицы (очевидно, переселенцы изъ Воронежской губ.) также акаютъ сильно: приди́т*я*, пиш*а* (3 ед.), но : с*ы* милы́мъ.

---

[1]) Донскія Войсков. Вѣдом. 1859 г., № 34. Здѣсь же мы читаемъ: «Трудно найти гдѣ-либо большую разницу въ физическихъ и нравственныхъ свойствахъ, въ образѣ жизни, нравахъ, обычаяхъ, одеждѣ, даже въ нарѣчіи, которая отличала и до сихъ поръ еще отличаетъ верховыхъ казаковъ отъ низовыхъ. Верховые казаки принадлежатъ къ породѣ блондиновъ, по большей части русые и сѣроглазые; настоящихъ же брюнетовъ между ними мало. Низовые казаки—по большей части брюнеты, черноглазые и черноволосые...» Савельевъ, Сборникъ донскихъ народныхъ пѣсенъ, Спб., 1866 г., стр. 11, говоритъ о Донцахъ-низовцахъ: «ихъ не трудно отличить по говору, въ которомъ малороссійскія слова, подъ вліяніемъ мягкаго рязанскаго говора, получили своеобразный характеръ; да и всѣ другія слова выговариваются здѣсь до приторности мягко». У другихъ Донцовъ, по Савельеву, «рязанскій говоръ».

[2]) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. III, Тифлисъ, 1883.

Отмѣчено: *у* вм. *в*, формы род. *яво́*, 3 л. ед. безъ *ть*, возвр. з. на *си* и *сы* (прашша́лсы). «Въ остальномъ мѣстный языкъ болѣе или менѣе подходитъ къ литературному русскому яз.» [1]).

О жителяхъ Великоруссахъ другихъ мѣстъ Кубанской обл. мы знаемъ лишь то, что они переселились изъ Елецкаго у., изъ Нижнедѣвицкаго у., изъ Курской губ., съ Дону [2]).

У жителей Терской обл. отмѣчены *у* вм. *в* и на об., формы род. съ *в* [3]).

Акающіе говоры сѣвернаго Поволжья—Нижегородской, Казанской, Пензенской и Симбирской губ. принадлежатъ переселенцамъ изъ разныхъ мѣстъ вр. центра, занявшимъ свои мѣста въ разное время, начиная съ XVII в., и смѣшавшимся съ переселенцами изъ-за Волги [4]). Отсюда въ ихъ говорахъ не рѣдкость особенности сѣверно-великорусскія, особенно мѣна *ц* и *ч*.

Наши свѣдѣнія о говорѣ Краснослободскаго у. Пензенской губ. ничтожны. Отмѣчено *ы* вм. *а* въ слогѣ передъ удареніемъ: ц*ы*рёфъ сынъ, ц*ы*ре́вна, рядомъ съ с*и*стра́, р*и*пе́й, сте́л*и*тся [5]).

О говорѣ Ардатовскаго у. Нижегородской губ. мы можемъ сказать лишь то, что аканье въ немъ неполное: на дв*а*ре́, п*а*ра́, см*а*три́, б*я*да́ и б*и*да́, ба́*и*тъ, рядомъ съ *о*: Іогóрій. Глагольныя формы иногда съ *а* вмѣсто *ае*: знашъ, паде́лыв*а*тъ. Мягкаго *к* (чай*кю*) нѣтъ, мѣны *у* и *в* также. Мѣна *ц* и *ч* обычна: но*ц*ью, саба*ц*о́нка, ме́льни*ч*а, рыт*ч*а [6]).

Въ говорѣ Сергачскаго у. той же губ. тѣ же особенности. Глухое *ы* повидимому въ немъ довольно употребительно: мину́т*ы*чка; неударяемое *и*—также: п*и*тьсо́тъ, н*и*де́ля, м*и*ня́, н*и* до́лга, л*и*са́ (рядомъ: п*а*дайди́, в*а*иво́ды). Мѣна *ц* и *ч*: тыся*ц*ы, загуляит*ч*а. Форма род.-вин. *тія́*=тебя [7]).

Наблюдатель, сообщая свѣдѣнія о селѣ Ульяновкѣ, Лукояновскаго у. Нижегор. г., даетъ понять, что въ этомъ селѣ «языкъ болѣе

---

[1]) Кубанскій Сборникъ, I, Екатеринодаръ, 1883, стр. 664.

[2]) Сборникъ... для опис. Кавк., вып. VI.

[3]) Матеріалы въ Терскомъ Сборникѣ (приложеніе къ «Терскому Календарю» на 1891 г.), вып. I. Владикавказъ, 1890.

[4]) Шестьдесятъ лѣтъ назадъ юго-зап. часть Лукояновскаго у. Нижег. г. состояла изъ двухъ деревень, а въ 1869 г.—изъ 14. Новыя деревни выведены изъ Орловской, Пензенской, Тамбовской, Нижегородской губ., изъ другихъ частей тогоже уѣзда (Нижегор. Сборникъ, II, Н.-Новгородъ, 1869). Переселенцы съ сѣвера были даже въ Тамбовской губ. Такъ, село Ново-Кирилловское, Спасск. у., основано въ XVII в. крестьянами изъ Бѣлозерскаго и Пошехонскаго у. (Тамб. Губ. Вѣд. 1887 г. № 27).

[5]) Пенз. Губ. В. 1865 г., № 43.

[6]) Русск. Филол. Вѣстн. 1879 г. № 2, стр. 161—162.

[7]) Тамъ же, стр. 154—155.

правиленъ и болѣе пріятенъ для слуха» [1]), чѣмъ въ другихъ селахъ того же у., слѣдовательно, болѣе близокъ къ подмосковному. Въ немъ отмѣчено: зимля́, дьичо́къ, сидло́, грида́, рядомъ съ чаво́, жава́ть, даже харашо́, чалаве́къ. Но говоръ другихъ мѣстъ того же у., намъ извѣстныхъ, акаетъ не сильнѣе: ищо́, глижу́, сило́, христа́ми (=крестами), пириза-былъ, вы́дити, встава́йти, рядомъ съ па кане́цъ стала́, астанави́лася, яму́, зилёнава, мало́динькай, слугу вѣ́рнаю, бу́йнаю го́лаву. Глухое ы здѣсь извѣстно: маладёхынька. На мягкое к нѣтъ указаній (напротивъ: малодинькай, горькая). Формы род. имѣютъ в: каво. Замѣна ч черезъ ц широко распространена: клюцы́, цужо́й, ве́цыръ. Отмѣтимъ еще формы: сво дабро, така́ тривога, маво́ [2]).

Одинъ акающій говоръ Курмышскаго у. Симбирской губ. также принадлежитъ къ умѣренно акающимъ: дифчо́нка, трихнёмъ, висно́й, биру́тъ, виза́ть; но послѣ шипящихъ и *j* вмѣсто и въ слогѣ передъ удареніемъ является а: жану́, чаво́, яво́, яму́. Глухое ы нерѣдко: я́блычкыфъ (род.), мо́шкыфъ (отъ мошка). Стяженіе ае въ а: батъ, знатъ, маму́, твáму́, даже цалу́тъ (=цѣлуетъ), мо́тъ (=моетъ). Формы род.-вин. тiя́, сiя́ (=тебя, себя), дат. тiе́, сiе́ (табе́ и сабе́ неизвѣстны). Формы 3 л. на тъ. Формы имен. мн. худэ́и, прастэ́и, другéи, род. худэ́хъ, дат. худэ́мъ и т. д. Мѣны у и в, ц и ч здѣсь нѣтъ; мягкаго к также. Другой акающій говоръ того же у. (въ 2-хъ верстахъ отъ 1-го) имѣетъ болѣе сильное аканье: дяла́ и т. п. [3]).

Говоръ Лаишевскаго у. Казанской губ. принадлежитъ къ числу смѣшанныхъ. Наблюдатель даетъ намъ о немъ очень немного свѣдѣній, изъ которыхъ видно лишь то, что аканье этого говора умѣренное, съ частымъ употребленіемъ глухаго ы и и: сыпагі́, о́стрыфъ, са́хыру (даже вмѣсто у, во 2-мъ слогѣ передъ удареніемъ: мыжыкі́, кылачи́ща=мужыки, кулачище). Остатокъ оканья—о на мѣстѣ древняго о въ слогѣ передъ удареніемъ: сыпоста́ть, пыстоме́ля, сыдомо́йка [4]).

О говорахъ Чистопольскаго у. той же губ. мы знаемъ очень немного. Одинъ изъ нихъ имѣетъ: го́ласъ, къ няму́, лята́ть, лу́тча, двоя́, трётяй (имен.), даже калати́лса, рядомъ съ ищо́, бу́дитъ (=будетъ), на даро́ги, на све́ти, вме́сти, деникъ (род.). Въ немъ можно еще отмѣтить: знашъ, знатъ (=знаетъ), научáтъ [5]).

Объ южно-великорусскихъ говорахъ Саратовской губерніи мы имѣемъ очень мало свѣдѣній. Наблюдатель говоритъ, что одни изъ нихъ—

---

[1]) Этногр. Сборн., I, 35.

[2]) Р. Филол. В. 1879 г. № 2, стр. 155 слѣд. Діалектологическая карта Лукояновскаго у., съ объясненіями Б. М. Ляпунова, въ Жив. Стар. 1894 г., II.

[3]) Archiv für slav. Philol. X, 350.

[4]) Р. Филолог. В. 1884 г. № 4; 1883 г. № 2.

[5]) Матеріалы въ «Ск.» Аѳанасьева.

«акающіе по-московски», а другіе—«акающіе по-рязански»; приведенныя имъ записи пѣсенъ на говорѣ Петровскаго у., «акающемъ по-московски», показываютъ, что этотъ говоръ дѣйствительно неособенно сильно акаетъ: *варата́*, *вясна́*, *яво́*, *пиристáлъ*, *рибйна*, *дéвить*; мѣны *у* и *в* нѣтъ; мягкаго *к* нѣтъ; формы род. *jiё*, *миня́*, дат. *сибé*, 3 л. на *тъ*: *знатъ*, возвр. з. иногда на *си* [1]).

Говоры южнаго Поволжья намъ почти совсѣмъ неизвѣстны. Отмѣчено, что въ Енотаевскомъ у. Астраханской губ. обычны мѣна *у* и *в* и замѣна *ф* черезъ *хв* (*Хвока*) и что мѣстоименіе въ немъ звучитъ *що* [2]).

Обратимся на сѣверо-западъ. Относительно западныхъ уѣздовъ Московской губ. мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній [3]).

Въ Старицѣ, Тверской губ., по словамъ наблюдателя, «крѣпко звучитъ *а*: *галава*», слѣдовательно—говоръ сильно акающій [4]).

«Нарѣчіе тверское чисто», говоритъ наблюдатель начала нынѣшняго столѣтія; онъ приводитъ: *ана́*, *аднáка*, дат. *мáтушки*.

Нарѣчіе Вышняго Волочка, по словамъ того-же наблюдателя, «совсѣмъ отмѣнное отъ новгородскаго и по выговору на *а* ближе подходитъ къ московскому, имѣя въ отмѣну странные недостатки въ удареніи». Отмѣчено сильное аканье и *и* вм. *ѣ*: *нявйста*, *лйта* (им. ед.), *пайдёти ли вы на бясйду* [5]).

Вышневолоцкій говоръ—одинъ изъ переходныхъ говоровъ отъ южновеликорусскаго поднарѣчія къ сѣверно-великорусскому (*ѣ* = *и*). Близокъ къ нему, повидимому, говоръ большей части Осташковскаго у. Наблюдатель не говоритъ объ его аканьѣ, но указываетъ на формы род. на *é*: *ухé* и дат.-мѣстн. на *ы*: *травы́*, твор. мн. на *мъ*: *видѣлъ глазáмъ*, 3 л. безъ *тъ*: *пье*, *спи*, *сиди́*, на дѣеприч. *ушóтцы* [6]).

Великорусскіе говоры Смоленской губ. — сильно акающіе съ

---

[1]) Соколовъ, Былины, историческія... пѣсни, записанныя въ Сарат. губ., Петровскъ, 1896.

[2]) Матеріалы въ «Ск.» Аѳанасьева (1-е изд., вып. 3-й). Мы имѣемъ еще старыя свѣдѣнія о крестьянахъ Бузулуцкаго у. Самарск. губ., что они «въ нѣкоторыхъ словахъ» произносятъ *дз* вм. *д*, *тц* вм. *ц*: *дзѣти*, *дзѣвка*, *тцебѣ*, *тцерпѣть* (при: *дѣлать*, *богатѣть*). Мы не знаемъ, окаютъ они, или акаютъ (Моск. Телеграфъ 1830 г., ч. 35, стр. 33).

[3]) Матеріалы изъ Можайскаго у. въ «Калѣкахъ» Безсонова.

[4]) «Записка о г. Колязинѣ» въ «Архивѣ» Калачова.

[5]) Русскій дорожникъ для употребленія на пути между столицами. Изд. 2-е. Спб. 1802, стр. 162, 112—113.

[6]) Сѣверный Вѣстникъ 1891 г., № 8, стр. 141—142, ст. Анучина.—Островскій, ѣдучи изъ Торжка въ Осташковъ по глухому тракту, замѣтилъ, что его ямщикъ говоритъ «на какомъ-то едва понятномъ нарѣчіи» (Морск. Сборникъ 1859 г., № 2. стр. 206).

большимъ или меньшимъ количествомъ чертъ свойственныхъ бѣлорусскому нарѣчію.

Въ говорѣ Сычовскаго уѣзда (села Бехтеево и Хотьково, волость Панинская) отмѣчено: *ма*ладыхъ, *ня*вѣста, пажалуйт*я*, рядомъ съ *ы* и *и* въ слогѣ послѣ ударенія: мóл*ы*д*и*цъ, на вóр*ы*нымъ кóни; *у* и *ў* вм. *в*: *у*зя́лся, Пятрó*ў* день; двойное *н* вм. *нь*: удивлé*ння*; формы род. ед. мин*é*, ка*вó*, мѣстн. у чужыхъ люд*é*хъ, 3 л. на *ть*.

Въ говорѣ Гжатскаго у. (сс. Скугарево и Вырье) отмѣчено: *на*зави́, *ма*ямý, с*я*стри́ца, придýмайт*я*, при *и*вó (= его); *у* и *ў* вм. *в*; формы род. чуж*óва*, мѣстн. въ чуж*ó*хъ люд*é*хъ, 3 л. на *ть*.

Говоръ Вяземскаго у. (с. Новоселье)—вполнѣ переходный. Аканье сильно: *ма*ла*дáя*, цвятóкъ, дянёкъ, удáрьт*я*, рядомъ съ ж*ы*нá, д*и*ся́тый, жóлт*ы*ва (род.) и при изрѣдка встрѣчающемся глухомъ *ы* въ слогѣ передъ удареніемъ: ст*ы*я́ть. Отмѣчено также *у* вмѣсто неударяемыхъ *о* и *е*: п*у* палти́ни, ц*у*л*у*вáтца, падрý*жу*нька. Еще отмѣчено: *у* и особенно *ў* вм. *в*: дé*ў*ка, Михáйлы*ў*на, гри́*ў*на, формы им. ед. мил*óй*, прастóй, род. ед. рядомъ такó*га* и варанó*ва*, ма*йвó*, мин*é* и мин*я́*, мѣстн. ва тэй гóринки, твор. залат*э́ю* гриўнаю, им. мн. ус*и* гости, 2 л. ид*ё*шъ, 3 л. на *ть*.

Говоръ Юхновскаго у. (с. Побитое)—также вполнѣ переходный. Отмѣчено: *ча*вó, *ня* пьють, *ня*вѣста и з*и*мл*я́*, твор. кóсыньк*уй*, *у* и *ў* вм. *в* и на оборотъ, формы им. ед. данс*кóй* казакъ, род. тва*йвó*, тиб*é* и тиб*я́*, *яé*, мѣстн. на блюдичк*у*, 3 л. на *ть*, 2 л. возвр. з. кáи*сьтя* (= каешься) [1]).

Вотъ наши свѣдѣнія о говорахъ Псковской губ., соединяющихъ въ себѣ черты акающихъ и окающихъ великорусскихъ говоровъ съ чертами бѣлорусскаго нарѣчія.

Говоръ Псковскаго у. принадлежитъ къ числу смѣшанныхъ, и рядомъ съ аканьемъ, довольно сильнымъ (г*а*варю́, б*а*р*а*дá, к*ы*р*а*мы́селъ), и *и* вм. *я*, *е* (т*и*лéга, П*и*трá П*и*трóвича, п*и*кё, *и*нá=онá, дéла*и*, 3 ед.), здѣсь существуетъ оканье (*о*двá, *о*шшó, *ё*лóвый, *ё*мý), *у* вмѣсто неударяемаго *о* (к*у*рми́лицъ, к*у*нёкъ) и *ц* вм. *ч* и на об. (*ц*ашка), а кое-гдѣ и *и* вмѣсто *ѣ* (мн*и*, теб*и́*, н*и́*ту). Затѣмъ отмѣчены: *в* вм. *у* (*в*ъ Ивана, *в*ъ залофки), формы род. на *óва*, дат.-мѣстн. ж. р. па изб*ы́*, формы твор. мн. трё*мъ* мыла*мъ* вымывалася, зъ гарячи*мъ* слязa*мъ*, 3 л. ед. безъ *ть* (нис*é*, пик*é*, люб*и*), возвр. з. на *си* (јиви́л*си*=явился) [2]).

---

[1]) Матеріалы въ Смоленскомъ Сборникѣ Добровольскаго, ч. II, Спб. 1894.

[2]) Псковской на 1871 г. Статистич. Сборникъ, Псковъ, 1871 (здѣсь на стр. 108: «и въ этомъ уѣздѣ, какъ и во всей Псковской губ., есть много разности въ произношеніи словъ»).—Живая Старина 1891 г., III, стр. 202.—Василевъ. Опытъ статистич.-географ. словаря Псковскаго у. Псковской губ. Псковъ, 1882 — «Р. нар. пѣсни» Шейна.

Говоры береговъ Псковскаго озера (Псковскаго же у.)—акающіе лишь отчасти. Въ слогахъ передъ удареніемъ въ нихъ сильное аканье (впрочемъ иногда въ слогѣ передъ удареніемъ слышится звукъ близкій къ *о*), а въ слогахъ послѣ ударенія *о* и *е* по большей части сохраняются. Другія черты представляютъ пеструю смѣсь особенностей и акающихъ, и окающихъ говоровъ, а сверхъ того, нѣчто такое, что имѣетъ полное сходство съ данными псковскихъ книгъ XIV—XV вѣковъ.

Въ говорѣ деревень Любовка и Любницы отмѣчено: х*а*ладно́, ч*а*ла-ве́къ, т*я*пло́, вц*а*ра́, в*я*зде́, б*я*ри́, рядомъ съ п*ы*лаж*ы*́ (повел.); *ў* вм. *в* и на оборотъ: *ў* л*я*су́, *въ* м*я*ня́; *г* = *g*; *ц* вм. *ч* (чаще) и на оборотъ (рѣже); *и* вм. *ѣ* въ формахъ мѣстн. п. ед.: фъ катл*и*́, въ ряк*и*́; группа *дн* звучитъ *нн*: ви*нн*о; двойное *ж* твердо: да*жжа́*. Далѣе: мягкія *д* и *т* всегда съ свистящимъ оттѣнкомъ; спорадически вмѣсто мягкаго *с* слышится *ш*: пе́*ш*ня = пѣсня, кра*ши*́ва = красива, а вмѣсто *ж* изрѣдка *з*: му*з*и́къ = мужикъ. Формы: род. мян*я́*, тв. мн. почти всегда на *мъ*, 3-го л. на *тъ* и безъ *тъ*: ед. ткё*тъ*, па*е́*, сп*и*, мн. ч. сп*я*. Прилагательныя часто имѣютъ формы им. и вин. ед. съ стяженіемъ гласныхъ: ста́р*а* как*а́*=старая какая; сравнит. степень скар*е́* и скар*е́е* = скорѣе.

Въ говорѣ сосѣдней (въ двухъ верстахъ) съ предъидущими деревни Колпино въ общемъ тѣ же черты. Отмѣчено: п*а*харо́нъ (род.), в*я*ду́, д*ы*-зваля́ю, р*ы*бата́ть, су́пр*и*тки (супрядки), даже: *у*табью́, *у*тайму́, съ *у* вм. *о* въ 2-мъ слогѣ передъ удареніемъ, *ў*сё, *вў* атца́ (у отца́) де́*ў*ошекъ (род.); *г* = *g*, но не мало словъ съ *h*: паро́*х*ъ (им.), бе́*х*ъ (прош.); *ц* вм. *ч* (даже *ц*то); изрѣдка *и* вм. *ѣ*: насм*и*́шка, особенно въ формахъ мѣстн. ед.: въ рук*и*́, на двар*и*́; *нн* и *н* вм. *дн*: уря́*нн*икъ, сты́*н*о. Мягкія *д* и *т* съ болѣе сильнымъ свистящимъ оттѣнкомъ: *дз*верь; спорадическое мягкое *ш* вм. мягкаго *с* и *з* вм. *ж* болѣе часты: пе́*ш*ня, *ш*яштра́ (сестра), *ш*е́ни, *ш*ито, не*ши*́ (повел.), шпа*ш*ибо, в*ш*ю (всю), распутля́л*шя* (прош.), цу*з*а́ старана́, са*з*а́лъ (прош.), Бо*з*е (зв.); сочетаніе *ай* послѣ ударенія звучитъ *эй*: свя́т*эй* (повел.), также какъ и сочетаніе *ой* въ твор. ед. Формы: им. ед. муж. на *ы* и *и*: бе́нн*ы* = бѣдный, род. ко*в*о, ма*в*о́, мян*я́*, у *тя*, дат. тябе́, дат.-мѣстн. вад*ы*́, трав*ы*́, вин. *яну́* (ее), тв. мн. на *мъ*, 3 л. безъ *тъ* и съ *тъ*: ид*е́*, е́д*и*, ста*и*́, хо́ч*а* (ед.), зажг*у́* (мн.); глаголъ *буду* имѣемъ вмѣстѣ съ обычными сокращенныя формы: 2 л. ед. *бу́ешъ*, *бушъ*, 1 мн. *бумъ*. Существительныя ср. р. часто сочетаются съ прилагат. женск. р.

Въ говорѣ Холмскаго у. отмѣчено: *въ* насъ = у насъ, *у*ся́, формы род. теб*я́*, мо*в*о́, молод*о́ва*, дат. Фом*ы*́, тв. мн. алы*мъ* ленточка*мъ* [2]).

---

[1]) На основаніи замѣтокъ Ж. Р. Монмитоннэ.

[2]) Плохо записанные матеріалы въ Псковск. Губ. Вѣд. 1893 г., №№ 31, 32, 1894 г., № 26. Вѣроятно, холмскій говоръ акаетъ лишь отчасти.

Въ говорѣ Островскаго у. отмѣчены лишь формы род. ед. на *ова* и 3 л. ед.: се*я*, пойд*я*, люб*я* [1]).

Говоры южныхъ уѣздовъ той же губ.—также смѣшанные, и сверхъ особенностей сѣверно-великорусскихъ, въ нихъ слышатся еще особенности бѣлорусскія. Аканье здѣсь очень сильно (д*а*бро́, б*а*р*а*да́, бярёза, д*я*ре́вня, п*ири*л*я*те́лъ, п*иря*шо́лъ, *ла*шадин*ая* сядло); есть мѣна *у* и *в*; мѣстами мягкія *д* и *т* съ свистящимъ оттѣнкомъ; *ц* вм. *ч* (*ц*алаве́*ц*ецкый, *ц*и*ц*авица); *и* вм. *ѣ* (спорадически); твердое двойное *ш*. Изъ формъ отмѣчены: кое-гдѣ имен. ед. муж. р. далг*е́й*, бальш*е́й*; род. мян*я́*, тяб*я́*, *яво́*; твор. мн.=дат. мн. (на *мъ*); 3 л. ед. почти постоянно безъ *ть* (нисё, леж*и́*, *е*, де́ла*я*, пи́ш*а*) [2]).

Одинъ изъ говоровъ юга Псковской губ., говоръ деревень Рунницы и Ярыгино, Великолуцкаго у., таковъ. Онъ сильно акаетъ: г*а*в*а*рю́, сяло́, нявеста, при п*и*тачо́къ, *зимля́*, зна*и*шъ, заклада́йт*и* (2 л.); глухаго *ы* вм. *о* и *а* въ немъ нѣтъ; повидимому, *о* сохраняется въ 3-мъ слогѣ послѣ ударенія: до́брав*о*. Другія черты: *г=g*; *у* и *ў* вм. *в* и на оборотъ: *у* сяле́, кро́*ў* (=кровь), *ў*зя́лъ со смѣшеніемъ падежей: *у* гаспада́хъ=у господъ, *въ* нашихъ де́вушкахъ=у дѣвушекъ); *ў* вм. *л* нѣтъ; *хв* и *х* вм. *ф*; группа *нн* вм. *дн*: ра*нн*ой, а*нн*а́, на *нн*ю́ (=на дню); мягкія *д* и *т* съ съ свистящимъ оттѣнкомъ; *жж*и́ти=ждите. Формы: им. ед. съ удареніемъ на концѣ на *ой* и на *эй*: бальш*эй*, безъ ударенія послѣ *к*—на *ій*: ўся́к*ій*; им. ед. ж. и ср. р. не только на *ая*, но и на *аа*: пракля́т*аа* душа, кроў гаря́ч*аа*, ма*а́* забава, сла́тк*аа* (=сладкое), зи́мн*яа* (=зимнее); род. ма*во́*, эта*во*, мян*я́*, у *тый* бабы (=той); дат. тябе́, сабе́; тв. мн. на *мъ*: слязá*мъ*; ус*и́*, ус*и́*хъ и т. д. (=всѣхъ); 3 л. всегда на *ть*, въ ед. ч. съ *е*, не *ё*: ид*е́ть* [3]).

Другой говоръ юга Псковской губ., говоръ погоста Мори́пчелки, Великолуцкаго у. (въ 30 верстахъ отъ В. Лукъ), также сильно акаетъ (п*а*ду́шка, *а*г*а*ро́тъ, нявеста, бярёза, тр*о́я*), причемъ, рядомъ съ *а* изъ *о*, послѣ ударенія встрѣчается и *у*: бярёз*уй*, суда́рышк*уй*, ра́дыст*юй* (твор. ед.). Въ немъ употребительны глухое *ы* во 2-мъ слогѣ передъ удар. и въ 1-мъ послѣ ударенія: д*ы*раго́й, з*ы*лато́й, су́д*ы*рь, ра́д*ы*сь, и *и*: д*и*ряве́ньщина, вы́м*и*ла. Затѣмъ отмѣчены: *у* вм. *в* и на об.: *у* го́рыди, *въ* насъ, *в*знать, *у*весь; спорадическое *и* вм. *ѣ*: нявíстушка, зд*и́*ся; твердое *ф*: свякро́*фъ*; *г=g*; *ц* и *ч* не смѣшиваются; формы: им. ед. муж. друг*е́й*, дурн*э́й*, талст*э́й*, хренъ горьк*и*, пирокъ сла́тк*и*, чист*ы*; род. ед. ж. р. не миновать бяд*е́*, не отда́мъ дачк*е́*, многа работ*и*; род. мин*е́*, тиб*е́*, до́бры*ва*,

[1]) Матеріалы въ «Руск. н. пѣсняхъ» Шейна (стр. 126).

[2]) Жив. Ст. 1891 г. III. 203. Кое-какіе матеріалы въ «Руск. н. пѣсняхъ» Шейна.

[3]) На основаніи сообщенія В. Орлова.

ётыва; дат. табе́, сабе́; дат.-мѣстн. ж. р. въ избы́, на горы́; твор. мн.= дат. мн.: са сваимъ съ трёмъ дочирямъ; 3 л. на *ть* съ *е*, не *ё*: идéть [1]).

Б. Сѣверо-великорусское, или окающее поднарѣчіе.

Главная характеристическая черта сѣверно-великорусскихъ, или окающихъ говоровъ—сохраненіе древняго (=орѳографическаго) неударяемаго *о*. Разные изслѣдователи указываютъ большее или меньшее количество исключеній, т. е. приводятъ случаи аканья. Но значительная часть словъ съ аканьемъ, находящихся въ окающихъ говорахъ,—слова, заимствованныя изъ акающихъ говоровъ, книжныя и новыя русскія или иностранныя: кара́пь, парахо́тъ, салда́тъ, канво́й, Расе́я. Другія слова съ *а* еще въ древне-русскомъ языкѣ: манастырь.

Другія черты окающихъ говоровъ слѣдующія. Древнее (=орѳографическое) ударяемое и неударяемое *а* послѣ твердыхъ согласныхъ сохраняется: бало́ва́ть, паха́ть. Разные изслѣдователи говорятъ о спорадическомъ произношеніи окающими, вмѣсто неударяемаго *а*,—неударяемаго *о*, но одни изъ указываемыхъ ими словъ имѣютъ древнее *о* (вмѣсто котораго мы пишемъ *а*): робо́та, роки́та, ровня́ть, поро́мъ, корма́нъ, олта́рь, пола́та, торока́нъ, Ондре́й, Олёна, ф. родит. ед. до́брово; другія— позднѣйшія заимствованія изъ акающихъ говоровъ: ломпа́да, коре́та, корти́на, локе́й, тонцова́ть.

Древнее (=орѳографическое) неударяемое *е* передъ твердыми согласными и въ концѣ словъ въ массѣ случаевъ, подобно ударяемому, звучитъ какъ *о* (т. е. *ё*): сёло́, стёкло́, бёдро́, вылёта́ть, чово́, торгу́ётъ, сиди́тё, пойдёмъ-тё; при чемъ слышится рядомъ: дёру́ и дери́, помёрла́ и помере́ть.

Древнее неударяемое *е* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ перехода его въ *о* не произошло, иногда звучитъ какъ *и*: помире́ть.

Древнее (=орѳографическое) *о* и *о* образовавшееся изъ *е* (т. е. *ё*), ударяемое и неударяемое, звучитъ не такъ открыто, какъ въ акающихъ говорахъ, а болѣе или менѣе закрыто, ближе къ *у*. Многіе окающіе говоры имѣютъ *о* очень закрытое, которое иногда кажется намъ тожде-

---

[1]) Жив. Ст. 1891 г., III, 207. Кое-что для знакомства съ великолуцкимъ говоромъ у Семевскаго, Историко-этнограф. замѣтки о Вел. Лукахъ и Великолуцкомъ у., Спб., 1857, и Василева, Опытъ геогр.-статист. словаря Псковск. губ., II, Великолуцкій у. Пск., 1884. Покойный славистъ Прейсъ говоритъ: «къ чистѣйшему бѣлорусскому нарѣчію принадлежитъ псковское нарѣчіе: оно менѣе испещрено заимствованіями изъ польскаго; его отличія, сравнительно съ великорусскимъ, заключаются главнѣйше въ слѣд.: вр. *д*, *т*, *г*, *ло*, *ѣ*, *въ*—пск. *дз*, *ц*, *тц*, *h*, *уо* (*во*), *и*, *у*» (изъ рукописныхъ замѣтокъ, хранящихся у В. И. Ламанскаго).

ственнымъ съ *у* и которое производитъ на нашъ слухъ непріятное впечатлѣніе. Сѣверяне называютъ свою рѣчь съ закрытымъ *о* низкою.

Древнія группы *ае*, *ое* звучатъ часто (но не всегда) какъ *а*, *о*: дѣ́*лат*ъ, игр*а́*тъ=дѣлаетъ, играетъ, мов*о́*, мом*у́*=моего, моему.

Древніе мягкіе согласные сохраняются передъ суффиксами *ск* и *ство* (особенно передъ первымъ): ца́*рь*ской, ца́*рь*ство или ца́*рь*сво, причемъ обыкновенно звучитъ мягко и *с* суффикса: царь*сь*кой.

Изъ формъ слѣдуетъ отмѣтить форму род. ед. прилагательныхъ, которая, вмѣсто ожидаемаго окончанія *ово*, часто (но не вездѣ) можетъ имѣть окончаніе *ова*: до́брова, слепо́ва (но ёво́, ково́ и т. п.), формы имен.-вин. мн. мое́, твое́, чье́ и т. п.=мои, твои, чьи, ф. род. мн. мое́хъ, твое́хъ и т. п., ф. дат. мн. мое́мъ, твое́мъ и т. д. Формы им. ед. прилагат. муж. р. всегда оканчиваются на *ой*: до́бр*ой*, слеп*ой*. Мѣстоименіе 3-го лица часто звучитъ *ёнъ*, *ёна́*, *ёно́*, множ. ч. он*ы́*, *ёны́*. Формы 2-го лица ед. — да*си́* (=дашь), jи*си́* (=ѣшь). Формы сравнительной степени часто на *я́е*: скор*яе* и т. п.

Окающіе говоры могутъ быть сведены въ двѣ большія группы: 1) группу не цокающую и 2) группу цокающую. Даль называетъ эти группы восточною и сѣверною, но его названіе едва ли вполнѣ удачно: говоры не цокающіе слышатся далеко на сѣверо-западѣ (даже около Бѣлаго озера), а цокающіе—на югѣ (въ Муромскомъ и Меленковскомъ у. Владимирской губ. [1])

Территорія, занимаемая не цокающими говорами, не обширна. Она состоитъ изъ небольшой части Новгородской губ. (въ Боровицкомъ, Устюженскомъ и Тихвинскомъ уѣздахъ), юго-восточной части Тверской губ. (Колязинскій и Корчевскій уѣзды), большей части Владимирской (такъ что западъ ея почти не цокаетъ, а востокъ, по Окѣ, по сосѣдству съ губ. Рязанской, Тамбовской и Нижегородской, имѣетъ болѣе или менѣе сплошное цоканье), большей части Ярославской (здѣсь цокаютъ по Шекснѣ, Сити и Мологѣ), западной части Костромской (восточная, лѣсная часть—уѣзды Ветлужскій, Варнавинскій, отчасти Кологривскій—цокаетъ), сѣверо-западной части Нижегородской (въ части юго-восточной, по сосѣдству съ Владимирской губ., есть селенія цокающія), Симбирской, большей части Казанской, южнаго Пріуралья. Вообще цоканья не слышно въ предѣлахъ древней Суздальской области и въ тѣхъ мѣстахъ на востокѣ отъ нея (въ среднемъ Поволжьѣ и далѣе), которыя заняты въ XVI в. и позже переселенцами изъ Суздальщины.

---

[1]) Объ окающихъ говорахъ и ихъ дѣленіи см. «Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія» (Записки Акад. Наукъ томы 28, кн. 2, и 30, кн. 1). Авторъ, покойный Колосовъ, объѣхалъ рядъ селеній и сдѣлалъ хотя мимолетныя, но нерѣдко цѣнныя наблюденія въ губ. Владимирской, Ярославской, Новгородской, Олонецкой и Вятской.

Эта территорія не сплошь занята не цокающими говорами: между ними мѣстами, то въ большемъ, то въ меньшемъ количествѣ, какъ бы вкраплены говоры цокающіе; они явились здѣсь вслѣдствіе разновременныхъ переселеній крестьянъ, какъ старыхъ, такъ и позднѣйшихъ. Колосовъ нашелъ цокающія деревни въ уѣздахъ Переславскомъ, Юрьевскомъ, Суздальскомъ, Владимирскомъ и Ковровскомъ Владимирской губ.; Шевыревъ—въ уѣздѣ Александровскомъ, по дорогѣ къ Александрову отъ Сергіевой Лавры [1]).

---

1. Группа не цокающая. Изъ говоровъ Новгородской губ. въ говорѣ с. Левоче, Боровицкаго у. (на границѣ Устюженскаго у.), «замѣтно твердое произношеніе *о*» (отмѣчено: *у*горо́тъ, сву́ю), нерѣдко *ё* изъ неударяемаго *е* передъ твердымъ согласнымъ и въ концѣ словъ: Стёпа́нъ, ночова́ть, подру́жынёкъ (род.), дале́чо, ми́лоё, *и* изъ неударяемаго *е* передъ мягкимъ согласнымъ: б*и*се́да, н*и*де́ля, п*и*рево́съ, *и*що́, *і*ю (вин.,= ее), *е* изъ неударяемаго *я*: *е*чме́нь, *е*йцо́, па́м*е*ть, стяженіе гласныхъ въ дум*а*тъ, *нн* вм. *дн*: ла́*нн*о, *мм*, *вв* вм. *бм*, *бв*: о*мм*а́нъ, о*вв*енчалсе, *и* изъ *ѣ* во вс*и*, вс*и*хъ; предлогъ *къ* обыкновенно звучитъ *х*: *хъ* высоку терему, *х*ъ ей, *х*о теплу гнѣзду. Формы род. ед. на ов*а* и ов*о*, дат.-мѣстн. ед. на *ы*: на гор*ы*, тв. мн. на *мъ*, 3 л. ед. е́ст*е* и е́ст*я*, возвр. з. на *се*, *си*, *сы*, *цы*: бо́й*се*, го́ня*тце*, улыбне́сь*си*, нашо́л*сы*, разъе́дут*цы*, сравнит. ст. добр*е́я* и добр*е́*, съ долгимъ *е*. Формы членныхъ прилагательныхъ: добр*ыи*мъ, добр*ыи*хъ и т. п. Дѣеприч. думавш*е* [2]).

Въ говорѣ д. Еглы, подъ г. Боровичами, отмѣчено: н*и*в*и́*ста и н*и*в*е́*ста, 3 л. помн*и*, ид*е́* (не идё).

Говоръ д. Попова, Устюженскаго у., близокъ къ говору с. Левоче: совеща́ньец*о*, большо́*е́*, н*и*ве́рно, *и*во́; сверхъ того, отмѣчено: к*у*лы́бнесьси, погл*е*ди́ (повел.), ви*нн*о=видно, *х*ъ намъ, *х*о мне́. Формы: род. пьянов*о* и ми́лов*а*, 1 л. мн. мы идё*ма*, возвр. з. на *си*, *се*, *сы*: напил*сы*, сравнит. ст. на *ея*: красн*е́я*; остатки формъ члена: свою-*ту* волю.

Въ говорѣ д. Чудской Боръ, Новгородскаго у., отмѣчены: *ё* изъ *е* безъ ударенія: се́рц*о*, наста́нётъ, *и* изъ *е* безъ ударенія: фъ тер*и*м*у́*, повыш*ы*, немно́ж*ы*чко, даже вре́м*и*чко, при суда́р*ы*нька, изрѣдка *е* изъ *я*: гл*е*ж*у́*, сусидушки поредо́вныи, *е́*года, и часто *и* изъ *ѣ*: б*и*лой, кр*и́*пко,

[1]) «Что Владимирцы-то въ Александровѣ какъ говорятъ? по вашему?—Нѣтъ (отвѣчалъ извощикъ), тамъ говорятъ не такъ чисто, какъ у насъ. Бывалые въ Москвѣ, конечно, говорятъ почище, а тутошніе въ Александровѣ присцокиваютъ... Поводомъ къ этому разговору было село Слотино... Женщина, у которой мы спросили квасу, сильно цавокала. Вотъ вамъ *ц*ашецка, говорила она» (Шевыревъ. Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, М. 1850, I, 31—32).

[2]) Близь г. Боровичъ, по Соминскому тракту, есть цокающія селенія.—Должно замѣтить, что въ не цокающихъ селахъ Боров. у. говорятъ: ушот*це* (ушедши).

ри́звость, терпи́ть, мни, сиби́ (себѣ). Сверхъ того: во сувити (совѣтѣ), осталяетце (съ *л* вм. *вл*). Формы род. на ово, дат.-мѣстн. ж. р. на *ы*, 3 л. ед. иногда безъ *тъ*: пáхне, боли́, возвр. з. на *се*, *це*, сравн. ст. на *ія*: темни́я [1]).

Говоръ с. Крючково, Тихвинскаго у., изрѣдка имѣетъ *и* изъ *е* безъ ударенія: нивиста, тибя́, пойдишъ, жини́ть; очень часто *и* изъ *ѣ*: нить, и́халъ, ути́ха; изрѣдка *е* изъ *я*: глежу́. Формы: род. на ово, дат.-мѣстн. ж. р. на *ы*, дат. мн. людьми́ кланяйси, ко людьмы́, 3 л. ед. безъ *тъ* часто: плáче, стои́, 3 л. мн. нерѣдко: стоя́, горя́, возвр. з. на *се*, *си* и *сы*. Отмѣчены глагольныя формы стяженныя: погу́ливатъ [2]).

Говоръ д. Малая Будогоща, того же уѣзда, на правомъ берегу р. Пчевжи, и другихъ селеній на этомъ же берегу рѣки, имѣетъ довольно значительное оканье; *ё* изъ *е* слышится часто; *и* изъ *ѣ* постоянно: би́лой, хлипъ, ди́ло. Формы дат. и род. ед. ж. р. и дат. и тв. мн. смѣшиваются; ф. тыихъ, тыимъ=тѣхъ, тѣмъ; ф. 3-го л. безъ *тъ*: иде́, говори́ (ед. ч.), пи́шо, скáчо, любя (мн.); сверхъ того: *е* и есте́ (есть). Формы члена весьма часты: бáбы-*те*, бап-*тыхъ*, на лаву-*ту* [3]).

Говоръ пограничныхъ мѣстъ Крестецкаго и Тихвинскаго у. (Заборовской и Боровенской волостей) имѣетъ *о* довольно закрытое, *и* вм. *ѣ* (часто): би́лой, поли́но, хли́пъ, сни́къ, копи́ёкъ (род. мн.), на двори́, при: детъ (дѣдъ), стяженіе гласныхъ: гуля́тъ (и гуля́ётъ), мово́ (и моёво́), туча громовá, твердое двойное *ш*, твердое двойное *ж*: дожжá, формы род. на ово, дат.-мѣстн. на *ы*, твор. мн. на *мъ*, 3 л. безъ *тъ*: пье́, блюе́ (съ *е*, не *ё*), *ju* (рядомъ съ ф. на *тъ* и *ть*: пьётъ, jісъ=ѣстъ), говоря́, любя, возвр. з. на *си*: здилалси, окрути́лси. Сверхъ того: бёда, вёхорь (=вих-), шись (=шесть), удовá (и овдова=вдова), ноугоро́цькой, твердыя губныя: цэпъ, цэ́пи (=цѣпь), любо́фъ, любо́ви, остатки формъ члена: цэну-*ту*, бабы-*те*, дѣеприч. на *е*: бравше, сказавше, ф. 3 л. ед. есте́, естя́ (=есть) [4]).

Изъ говоровъ Тверской губ. мы имѣемъ свѣдѣнія (скудныя) о говорѣ г. Колязина. Наблюдатель такъ говоритъ о немъ. «Главную роль играетъ буква *о*. Вездѣ, гдѣ только стоитъ она въ словахъ, сохраняетъ свой чистый, неизмѣнный звукъ, и никогда, ни въ одномъ словѣ, не переходитъ въ *а*... Но эта буква не произносится никогда такъ крѣпко, какъ въ

[1]) «Говоръ обывателей с. Померанья, Бабина и Чудова (Новгор. у.) отличается аканьемъ, хотя и не рѣзкимъ». Эти селенія—на большомъ московско-петербургскомъ трактѣ, и ихъ аканье—поздняго происхожденія.

[2]) Приведенныя данныя о говорахъ Новгор. г.—изъ матеріаловъ М. А. Синозерскаго и изъ его же ст. въ Жив. Стар. 1895 г., III—IV.

[3]) Жив. Стар. 1894 г., I, ст. Перетца. О цокающемъ говорѣ селеній лѣваго берега р. Пчевжи см. ниже.

[4]) На основаніи замѣтокъ В. Н. Перетца.

другихъ мѣстахъ, гдѣ она просто терзаетъ непривычный слухъ. Такъ, слово голова: въ селеніяхъ Колязинскаго уѣзда, прилежащихъ Суздальскому и Переславскому,—*го́ло́ва*, съ самымъ крѣпкимъ удареніемъ надъ обоими *о*...; въ Колязинѣ—голова. Буква *е* въ началѣ и въ срединѣ словъ произносится большею частію какъ *ё*: еще—*ёщё*, стекло—стёкло, ведро—вёдро и т. п. Въ концѣ глаголовъ *ё* звучитъ крѣпче: сидитё, ходитё, торгуётъ, гуляётъ, особенно, когда къ глаголу прибавляется *тё*: пойдёмъ-тё, сядёмъ-тё. Форма дат. мн. «всегда, безъ исключенія», замѣняется формою твор. и на оборотъ: вотъ гостинецъ ваши*ми* дѣть*ми*, снеситё ёво и*ми*, какъ я ратъ ва*ми*, съ сыновья*мъ*, дочеря*мъ* и со фсе*мъ* гостя*мъ* ваши*мъ* [1]).

Сверхъ того, у насъ есть нѣсколько данныхъ о говорѣ с. Васильевскаго, Тверскаго у. (12 верстъ отъ Твери). Онъ не вполнѣ окающій: при *О*вдо́тья, то*бя́*, доро́ж*у*нька, отмѣчено: измянйла, ц*аво́*; есть *и* изъ *ѣ*: в*и́*ки, и случаи цоканья; форма род. *ее* (не *её*). «Тонъ рѣчи сопровождается удареніемъ голоса надъ каждымъ словомъ, причемъ гласная, надъ которой бываетъ удареніе, вылетаетъ точно изъ груди» [2]).

Объ не цокающихъ говорахъ Владимирской губ. мы знаемъ тоже немного. Колосовъ сообщаетъ, что въ этой губерніи оканье сильнѣе къ югу отъ Владимира, слабѣе къ сѣверу. Онъ же отмѣчаетъ подслушанное имъ въ разныхъ мѣстахъ той же губ. бёда́, пёсо́къ, рёка (=б*ѣ*да, п*ѣ*сокъ, р*ѣ*ка). Мы слышали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ послѣдовательную замѣну мягкихъ *г* и *к* черезъ мягкія *д* и *т*: з*д*ипъ (сгибъ), *т*и́нуть, *т*и́снуть (кинуть, киснуть).

Въ говорѣ Ковровскаго у. *о* звучитъ очень закрыто и, можетъ быть, иногда переходитъ въ *у*. Во всякомъ случаѣ въ немъ отмѣчено: б*у*я́ре, к*у*вы́ль. Сверхъ того, въ немъ вм. неударяемаго *е* часто слышится *ё* (даже трёми́, твёты́=цвѣты) и изрѣдка *и*, послѣ *ж* и *ш*—*ы* (пла́ч*и*тъ, къ ла́пушк*и*, скаж*ы*тъ), и встрѣчается стяженіе гласныхъ (кланятся=кланяется, сво*во́*, до́бр*о* дѣло, св*у* сторону=свою); *в* передъ *у* опускается: голо́ушка, дéушка=голо*в*ушка, дѣ*в*ушка. Изъ формъ замѣчательны ф. род. *тея́*, *ся́*=тебя, себя, дат. *тее́*, *сее́*, род. на ов*а*, мѣстн. на со́л*е*, при фсе́мъ наро́де (не: фсёмъ). Отдѣльныя слова (немногія) имѣютъ *ц* вм. *ч*: тыся*ц*а [3]).

О говорѣ Переславскаго у. мы не знаемъ почти ничего (сво*во́*, до́бров*а́*, сва́х*ы*нька=свахонька [4]).

---

[1]) Калачевъ, Архивъ историч. и практич. свѣдѣній, относ. до Россіи, кн. 2-я, Спб. 1861 («Записка о г. Колязинѣ», стр. 75—76).

[2]) Сборникъ матеріаловъ для статистики Тв. губ. Вып. II. Тв. 1874, стр. 114.

[3]) Смирновъ, Пѣсни крестьянъ Владимирской и Костромской губерній. Собраны и изданы съ сохраненіемъ мѣстнаго выговора. М. 1847. Сравни Даля.

[4]) Тихонравовъ, Владимирскій Сборникъ, М. 1857, стр. 36 и слѣд.

То же должно сказать о говорѣ Мордвиновской волости, Гороховецкаго у. (ф. род. на ов*а*, ф. твор. съ тремя дуби́на*мъ*, за закусочка*мъ* [1]).

Говоръ Вязниковскаго у. также имѣетъ очень закрытое *о* («сильно замѣчается удареніе на *о*», говоритъ наблюдатель). Въ немъ отмѣчено: *би*зп*и*ре́чь=безперечь (безпрестанно), б*а*тъ=баетъ, мому́=моему, формы род. *тея́*, дат. *тее́*, род. на ов*а*. Этотъ говоръ, благодаря вліянію сосѣднихъ акающихъ говоровъ, имѣетъ иногда въ концѣ словъ *а* вм. *о* безъ ударенія: бла́г*а*=благо, близёшеньк*а*, го́ж*а*=гоже [2]).

Говоръ села Іудина, Александровскаго у. (близь границы Московской губ., въ 15 верстахъ отъ Сергіевой Лавры), принадлежитъ къ числу переходныхъ. Онъ строго сохраняетъ *о* передъ удареніемъ и замѣняетъ его черезъ *а* послѣ ударенія; такимъ образомъ въ немъ слышится рядомъ: кобы́ла, вози́ть, коры́то и прокисл*ай*, дья́к*а*нъ, сту́пк*ай*, до́бр*а*ва [3]).

Колосовъ такъ характеризуетъ «ярославское» *о*: оно «произносится звучнѣе, отчетливѣе, чѣмъ на сѣверѣ; это—рѣзко отчеканенный звукъ».

Говоръ Ярославскаго у., Ярославской губ., на правой сторонѣ Волги (села Козьмодемьянское и Иванькова съ окрестностями), принадлежитъ къ числу смѣшанныхъ. По словамъ наблюдателя, *о* въ немъ «чисто и открыто, безъ наклонности перейти въ *а* или *у*», но въ 2-мъ слогѣ передъ удареніемъ замѣняется черезъ краткое *а*: х*а*рошо́, з*а*лото́й, а въ отдѣльныхъ словахъ, безъ ударенія, «произносится какъ *у*»: *у*топри́, *у*куну́съ; *ё* изъ *е* безъ ударенія постоянно передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ; встрѣчается *и* изъ *е* безъ ударенія: *и*шшо́, н*и*харошо́, с*и*рёда́, б*и*рёжо́къ; нерѣдко *и* вм. *ѣ* при слѣдующемъ мягкомъ согласномъ: об*и́*дьня (при об*е́*дать), отв*и́*тить (при отв*е́*тъ); изрѣдка *е* изъ *я*, обыкновенно безъ ударенія: *е*йчко (при оп*е́*ть, опр*е́*сти, гор*е́*чей); обычно стяженіе гласныхъ (въ ф. 2 и 3 л. ед., рѣже 1 л. мн.): зн*а*шъ, зн*а*тъ; группы *бм* и *бв* звучатъ какъ *мм* и *вв*: о*мм*а́нъ, о*вв*иньча́ть; двойное *ш* твердо: пу*ша́*й. Изъ формъ отмѣчены: ф. род. на ов*о*, ф. дат. вм. ф. твор. и на оборотъ: съ очка́*мъ*, хъ гось*ми́*, ф. твор. ед., род., дат., твор., мѣстн. мн.: добр*ые*мъ, добр*ые*хъ и т. д., ф. неопр. накл.

---

[1]) Труды Владимирскаго Губ. Стат. Ком., III, 1864 (ст. «Свад. обряды въ Мордвиновской волости»).

[2]) Труды Владимирскаго Губ. Стат. Ком., VII, 1868 г. (ст. «Обычай хоронить Кострому»); Голышевъ, Богоявленская слобода Мстера, Владиміръ, 1865.—Вязниковскій говоръ принадлежитъ къ числу пѣвучихъ (замѣчается «пѣвучесть голоса въ разговорѣ»).

[3]) Русск. Фил. В. 1879 г., № 2, 1880 г., № 1.

пекчи, ф. возвр. з. на *са*, сравнит. ст. на *яе*. Форма 3 л. ед. е́*сти* (=есть). Остатки формъ члена: дорогу-*ту*, бабы-*те* и др. [1]).

Говоръ с. Шульца, Ростовскаго у., имѣетъ частое *ё* изъ *е* безъ ударенія: потёкла́, тѣсноё времё, ва́шо благословлёньё, давайтё, *е* изъ *я*: опе́ть, се́ть (сядь), мягкое *к* въ Пётинькя, хоро́шинькя (ж. р.), холодненькё, твердыя двойныя *ж* и *ш*, группу *мм* изъ *бм*: омманъ, стяженіе гласныхъ въ мово́, пе́рву холеру́, гуля́тъ, формы дат. *тее́*, *тіе́*, тв. мн. на *мъ*, возвр. з. на *са*, сравн. ст. тепляя. Повидимому, обычно *и* изъ неударяемаго *е*; много остатковъ формъ члена (фраза: «въ Ростовѣ-*те* на соборѣ-*те* на кровлѣ-*те* галокъ-*те*, воронъ-*те* видимо-невидимо» [2]).

Цоканья ни въ самомъ Пощехоньѣ, ни въ большей части Пошехонскаго у. не услышишь, говоритъ наблюдатель; его нѣтъ и въ сосѣднихъ съ Пошехонскимъ у. мѣстностяхъ Рыбинскаго, Романо-Борисоглѣбскаго, Даниловскаго и Любимскаго у. Говоры послѣднихъ почти ничѣмъ не отличаются отъ пошехонскаго. Черты пошехонскаго говора: *о* звучитъ «ясно и отчетливо»; *ё* изъ *е* безъ ударенія часто: жона́, лёжы́тъ, срубаётъ; *и* изъ *е* и *ѣ* безъ ударенія передъ мягкими согласными: бисе́да, свича́, отвича́ть (но беда́, веду́нъ); сверхъ того, *ѣ* безъ ударенія «переходитъ иногда въ *я*», которое звучитъ «неясно», «средне между *я* и *ѣ*»; есть *е* изъ *я*: ейцо́, поредилась, глежу́ («иногда»); мягкое *к*, какъ въ сильно акающихъ говорахъ: де́вочкя, посте́лькю, ми́ленькёй, тройникёфъ (род. мн.); твердыя двойныя *ж* и *ш*; *мм* изъ *бм*: о́мморокъ; отсутствіе *в* передъ *у*: де́ушка. Формы: род. ед. больныё головы, одныё, до́брова, мѣстн. ед. на пече́, на путе́, дат. мн. ходить нога́мъ, тв. мн. благодаренъ ва́ми; членныя формы: на хозяйскіихъ харча́хъ, ско́лькіихъ летъ; ф. 2 л. ед. даси́; ф. возвр. з. на *са* и *ся*, *ца* и *ця* (нѣтъ на *сь*); остатки ф. члена: им. мн. мои́-*те*, мои-*ти* [3]).

Кромѣ этихъ общихъ указаній, у насъ есть нѣсколько данныхъ о говорѣ Дмитровскаго прихода, въ 10 верстахъ отъ г. Пошехонья. Отмѣчено: частое *ё* изъ *е*: кудри русыё, *и* изъ *ѣ*: посия́ла, стри́ча, зами́тьте, *и* изъ *е* безъ ударенія: бисёда, тибя́, мягкое *к*: ма́менькя, съ ма́менькёй, поздёхонькё, послу́шай-*кё*, ф. род. на ов*а* [4]).

Сверхъ того, мы знаемъ, что въ самомъ Ярославлѣ употребляется

---

[1]) Р. Филол. В. 1890 г. № 3. Описанный здѣсь говоръ — протяжный. Авторъ статьи: «Ярославское разнорѣчіе первой половины XIX в.» (Яросл. Губ. Вѣд. 1893 г., приложеніе къ № 11) указываетъ на «самое грубое и твердое употребленіе буквы *о*» и на формы 3 л. мн. съ древнимъ окончаніемъ *атъ* (не *утъ*): уч*атъ*.

[2]) Яросл. Губ. Вѣд. 1868 г., №№ 38—39. Есть указаніе, что ростовскій говоръ—пѣвучій.

[3]) Жив. Стар. 1893 г., IV, ст. Балова. По словамъ этого наблюдателя, цоканье въ Пошех. у. лишь на границѣ съ Волог. губ., по р. Югу (гдѣ птича, *що*).

[4]) Яросл. Губ. Вѣд. 1888 и 1889 гг.

ф. дат. мн. вмѣсто ф. твор.: онъ пошолъ за свѣча*мъ*, съ ва*мъ* [1]); что въ селѣ Давыдковѣ, Романо-Борисоглѣбскаго у., слышится (какъ часто?) *и* вм. *ѣ*: св*и*ти́ть, св*и́*титъ [2]); что въ Даниловскомъ у. (Петропавловская волость) *о* звучитъ закрыто и *я* можетъ переходить въ *е*: вз*е́*ли; что въ Рыбинскомъ у. *о* звучитъ «типично», есть *и* вм. *ѣ*: ув*и́*чье (послѣ *ц*—*ы*: проц*ы́*жываю) и твердое двойное *ш*: ро*шш*ытаю [3]).

Объ не цокающихъ говорахъ Костромской губ. мы имѣемъ мало свѣдѣній.

Въ говорѣ г. Плёса и сосѣднихъ съ нимъ деревень, Нерехтинскаго у., *о* звучитъ «не слишкомъ узко и рѣзко для уха, но довольно отчетливо»; лишь изрѣдка оно звучитъ ниже и ближе къ *у*: *У*ликсе́й (Алексѣй); *ё* изъ *е* безъ ударенія очень часто: сёстра, буд*ё*тъ, такж*о*, даже пёску́, свётло́, рёка; *и* изъ *е* безъ ударенія «иногда» звучитъ очень близко къ *и*: 2 л. мн. б*и*р*и*тё (а иногда *е* сохраняется: сл*е*те́ло); *е* изъ *я* только въ оп*е́*ть, *е́*ицы, *и* изъ *ѣ* только въ сус*и́*тъ (сосѣдъ), двойныя шипящія тверды, мягкое *к* лишь въ то́ль*кё*, ско́ль*кё*, *с* изъ *ш* (*ч*) только въ моло*с*ной; стяженіе гласныхъ въ глагольныхъ формахъ обычно: ду́м*а*шъ, ду́м*а*мъ (есть и дум*аё*шъ), но лишь въ тѣхъ, которыя имѣютъ *а* не ударяемое; въ прочихъ слышится группа *а́э* (съ очень краткимъ *э*), или даже дифтонгъ *аэ*: зн*а́э*шъ; стяженіе гласныхъ въ падежныхъ формахъ также обычно: мов*о́*, хорош*о́* жыто, Спа́ск*о* сёло, изря́дн*у* куфарку наняли. Формы дат.-мѣстн. ед. до́чер*е*, ло́шад*е*, Каза́н*е*, твор. мн. постоянно на *мъ*, 3 л. ед. ес*ти* и ес*те*, возвр. з. на *са*, неопр. ле*кчи́*, се*кчи́*, бере*кчи́*са. Остатки формъ члена: трава́-*та*, ма́сло-*то*, де́ти-*те*, соло́му-*ту*, по зако́ну-*ту*, прудовъ-*ту*, мужыка́мъ-*ту* и т. п.

Въ говорѣ селеній по рѣкѣ Письмѣ, Буинскаго у. (сѣверо-западная часть губерніи), *о* звучитъ «открыто и ясно» (но *у*пя́ть и т*у*пе́рь), *ё* изъ *е* безъ ударенія очень часто: зна*ё*мъ, буд*ё*тъ, нян*ё*къ (род.), по́л*ё*, до́бро*ё*, уви́дит*ё*, да́й-ж*о*, *и* изъ *е* безъ ударенія рѣдко: бу́д*и*тё, ошыба́*и*тёсь, м*и*ня́, т*и*бя́, *и*шшо́ (и *е*шшо́=еще), а подъ удареніемъ въ нѣсколькихъ словахъ: л*и́*беть (лебедь), дв*и*рь, шт*и*ль (щель), *е* изъ *я* безъ ударенія: *е*дро́, п*е*та́къ, *и* изъ *ѣ* передъ мягкими согласными: нед*и́*ля, л*и*нь, р*и*чь (но хлепъ, две́ и т. п.), мягкое *к*: Ва́нь*кя*, Вань*кю*, Вань*кё*й (тв.), ку́роч*кя*, то́ль*кё* (но Саш*ка* и т. п. съ *ш* передъ *к*), болѣе мягкое, чѣмъ у насъ *ч*, твердыя двойныя *жж* и *шш*, *с* изъ *ш* (*ч*) въ моло*с*ной, *мм* изъ *бм*: о*мм*акну́ть. Формы род. на *ова*, у *тя*, дат.-мѣстн. ед. лошад*е́*, до́чер*е*, печ*е́*, тв. мн. всегда на *мъ*, дат. мн. изрѣдка на *ми*: гъ до́бры*ми* людь-

---

[1]) Москвитянинъ 1842 г., ч. 4, стр. 448.

[2]) Ярославскій Литерат. Сборникъ, 1850 годъ, Яросл. 1851, стр. 155.

[3]) Яросл. Губ. Вѣд. 1889 г., № 44.

мѝ, неопр. н. пе*ч*и́ и т. п., возвр. з. на *са*. Остатки формъ члена: баба-*та*, бабу-*ту*, бабы-*те*. Въ небольшомъ числѣ словъ аканье: н*а*чёва́ть, дья́к*а*нъ и т. п. [1]).

По Колосову, въ Костромской губ. *о* по «степени звучности» не отличается отъ *о* новгородскаго и случаи *и* вмѣсто *ѣ* (даже въ Костромскомъ у.) чаще, чѣмъ въ Ярославской губ.; по Далю, въ ней употребляютъ формы твор. ед. и дат. мн. до́бр*ыем*ъ и ф. неопред. накл. се*ч*и́ и т. п. Въ самой Костромѣ слышно сильное оканье, и даже ученики гимназіи говорятъ на распѣвъ, протягивая конецъ фразы.

Изъ не цокающихъ говоровъ Нижегородской губ. [2]) мы имѣемъ немного свѣдѣній объ говорѣ Арзамаса. Онъ «мало отличается» отъ нижегородскаго; *о* въ немъ «твердое», произношеніе «легкое», стяженіе гласныхъ: дѣ́л*а*тъ, дѣ́л*а*шъ, м*о*во́. Другія его особенности принадлежатъ или цокающимъ говорамъ (*и* вм. *ѣ*, вѣроятно, изрѣдка: пи́сни), или акающимъ (хо́лодн*а*, жа́рк*а*, ве́лен*а*, г*а*в*а*рю́, пер*и*таска́шъ, ц*ы*рко́вникъ, сва́х*ы*нька). Послѣднія являются едва ли не спорадически; по крайней мѣрѣ наблюдатель отрицаетъ существованіе замѣны *о* черезъ *а* [3]).

Катунскій говоръ, Балахнинскаго у., имѣетъ иногда (передъ *н*) *с* вм. *ш*: яйсница, и употребляетъ ф. дат. мн. вм. ф. твор. и на оборотъ: съ на*мъ*, съ я́блока*мъ*, къ на́*ми*, шью деть*ми́* рубашки [4]).

Въ говорѣ села Павлова, Горбатовскаго у., отмѣчены: частое *ё* изъ *е*: ёво́, ёму́, зелёно́ вино, сёло́, *ж*она́, свида́ньиц*о*, даже трёмя́, дѣва́ть; твердыя двойныя *ш* и *ж*: пу*шш*у́, и*шш*о́, е*жж*а́лъ; стяженіе гласныхъ: седл*а́*тъ (при узн*ае*тъ), мово́, св*о* востр*о́* копьё; формы род.-вин. у *тя*, на *тя*, *тея́*, *сея́*, дат. *тее́*, *сее́*, возвр. з. на *са*: ударим*са*. Спорадическія черты акающихъ говоровъ въ большомъ количествѣ: онъ-*жа*, поднеси́-*жа*, дво́р*а*-тъ, ча́р*ы*чка, сва́х*ы*нька, дал*и*ко́ [5]).

Говоръ Нижегородскаго у. «довольно правиленъ». Въ немъ есть случаи аканья: кон*я*-тъ [6]). Говоръ Васильскаго уѣзда, повиди-

[1]) Жив. Стар. 1895 г., III—IV.—Извѣстія отд. р. яз. и словесн. Ак. Н. 1896 г., II.

[2]) Жители береговъ Волги въ предѣлахъ Нижегородской губ. жестоко смѣются надъ говоромъ цокающихъ Вятчанъ. «Вятчане-бурлаки всегда въ раздорѣ съ бурлаками - Нижегородцами... Вятчане цавокаютъ. Нижегородцы ихъ дразнятъ этимъ». Шевыревъ, Поѣздка въ Кир.-Бѣлоз. мон., II, 222.

[3]) Москвитянинъ 1852 г., № 22, стр. 82—83 (ст. Терещенка).

[4]) Нижегородскій Сборникъ, III (Н. Новг. 1870), стр. 153.

[5]) Памятники и образцы нар. языка и словесности (Изв. Акад. Н. I). Здѣсь мы находимъ странное примѣчаніе: «*о* безъ ударенія въ выговорѣ удерживаетъ звукъ *а*». Еще кое-что о говорѣ Горбатовскаго у. (б*а*тъ=баетъ, дат. те*е́*, се*е́*) въ Нижегор. Сб., V, 174, 197.

[6]) Нижегородскій Сборникъ, V (1875), стр. 216 (въ Нижегородскомъ у. лишь одна деревня, переселенная изъ Муромск. у., имѣетъ *ч* вм. *ц*).

мому, богатъ случаями аканья: мнóг*а*, тóльк*а*, постóй-*жа*, двó*я*, сверхъ того, б*и*регóфъ, б*и*спр*и*мéнна, вын*и*сти, лис*ы*нька (при човó, топéрь и т. п.). Другія особенности: ф. 3 л. ед. б*а*тъ, спрáшив*а*тъ, 2 л. мн. хвáст*а*ти, двойное твердое *ш*: выта*шш*ылъ, ф. род. *тея́*, дат. *тeé*, ф. дат. къ чуваш*ской* деревни [1]).

Объ не цокающихъ говорахъ Казанской губ. у насъ мало свѣдѣній, да и тѣ отрывочны. Повидимому, большая часть ихъ—переходные. Во всякомъ случаѣ рядомъ съ оканьемъ (въ началѣ словъ вмѣсто *о* звукъ болѣе или менѣе близкій къ *у*: *у*ддалá) въ нихъ существуетъ слабое аканье («*о* совершенно открытое, близкое къ *а*» въ концѣ словъ: мáл*а*, мáсл*а*, дáж*а*, или «звукъ болѣе близкій то къ *о*, то къ *а*, то къ глухому *ы* въ 2-мъ слогѣ передъ удареніемъ: г*ы*ворúть). Случаи *ё* и *и* изъ *е* безъ ударенія рядомъ: сёлó, вёснá, човó и прив*и*стú, н*и*льзя́, ж*ы*нихá, даже с*и*стрá; есть также какъ бы *а* изъ неударяемаго *е*: ж*а*нúхъ, ц*а*нá, ч*а*хóлъ, ч*а*тыри, зиляно́. Ударяемое *ѣ=е*. Стяженіе гласныхъ: дéл*а*шъ, ум*é*шъ, коп*é*къ, хоз*я́*фъ, так*á* печь, так*ý* пуговицу, шырстян*ы́* сарафаны. Двойное *ш* то твердое, то мягкое; двойное *ж* твердое. Формы: фъ темъ году, въ друг*é*мъ мéст*и*, съ как*é*мъ-то, друг*é*хъ, как*é*хъ, род. *кóо* рядомъ съ *ковó* и т. п.; остатки формъ члена: зубы-*те* бóльна, жары-*те* нетъ, хлéба-*те* мало, кровáтку-*ту*.

Въ говорѣ сс. Сунгурово и Уланово, Казанскаго у., отмѣчено *ў* вм. *в*: *ў*сё, ворó*ў*ка, *ў* однóй.

Въ говорѣ с. Сунгурово, Каз. у., и нѣкоторыхъ мѣстностей Чебоксарскаго у. отмѣчены мягкія *д* и *т* съ слабымъ свистящимъ оттѣнкомъ: хó*дз*итъ, пя*ц* и т. п.

Въ говорѣ д. Брёхово, Лаишевскаго у., отмѣчена нерѣдкая въ среднемъ Поволжьѣ замѣна *з* и *с* черезъ *ж* и *ш*: в*ж*ялъ, пи*ш*áлъ, мя́*ш*о [2]).

Въ говорѣ с. Бѣловолжскаго, Чебоксарскаго у., отмѣчено: гуля́ньиц*а*, горевáньиц*а*, вдóв*ы*нька, рéч*и*нька, крылé*ц*ко [3]).

Одинъ изъ говоровъ Казанскаго у., говоръ д. Бѣлая, верстахъ въ 30 отъ Казани, намъ болѣе извѣстенъ. Онъ умѣренно окающій. Отмѣчено: открытое *о* въ слогѣ передъ удареніемъ; глухое *ы* въ 2-мъ слогѣ передъ удареніемъ и послѣ ударенія: г*ы*ворúть, трáв*ы*нька; также *и* вм. неударяемаго *е*; конечное *а* вм. неударяемаго *о*; ударяемое *ѣ=е*; стяженіе гласныхъ (хвáст*ы*шъ, 2 л.); двойныя твердыя *ж* и *ш*; наконецъ, въ говорѣ по преимуществу женщинъ и дѣтей, замѣна *з* и *с* (почти исключительно твердыхъ) черезъ *ж* и *ш*: *ж*нáю, *ш*тóй, *ш*ка*ж*áлъ. Сверхъ того, отдѣльные случаи чаканья: черква, чветъ [4]).

---

[1]) «Сказки» Аѳанасьева.

[2]) Р. Филол. Вѣстн. 1894 г., № 3, ст. Будде.

[3]) Магницкій, Пѣсни крестьянъ с. Бѣловолжскаго, Чебокс. у. Каз. 1877.

[4]) Уч. Зап. Каз. Ун. 1895 г., № 5—6, ст. Богородицкаго.

Въ одномъ изъ говоровъ Чистопольскаго у. (сѣверной его части: Кушниково, Старошешминскъ и др.) отмѣчено: *а* въ *жала́ть*, *т* изъ мягкаго *к*: *т*ипе́ть, *ти́*нуть, твердыя двойныя *ж* и *ш*, *с* изъ *ц* въ *с*ара́пать, стяженіе гласныхъ въ ду́м*а*шъ, уме́шъ, копе́къ, даже вы́р*а*мъ (1 л. мн.=выр*ое*мъ); формы мѣстн. ед. на лошад*е́*, фъ гряз*е́*, во фс*е́*мъ поли, неопр. бег*чи́*; формы дат. и тв. мн.—какъ у насъ [1]).

Окающіе говоры Симбирской губ. также принадлежатъ къ числу переходныхъ.

Въ говорѣ Курмышскаго у. (къ сѣверу отъ р. Пьяны) *о* послѣ ударенія замѣняется звукомъ, приближающимся къ *а*: ла́дн*а*, роди́м*ай*. Передъ удареніемъ *о* всегда сохраняется, звуча однако слабѣе, чѣмъ въ Ярославлѣ: вёзу́, ёво́, тёса́ть, даже: слёпо́й, бёда́. Формы род. *тея́*, дат. *тее́* [2]).

Въ говорѣ Симбирскаго и Буинскаго уѣздовъ *о* послѣ ударенія также замѣняется черезъ *а*: ма́л*а*, мнучо́н*а*къ, кре́пк*ай*, ка́къ ж*а* (изрѣдка, послѣ шипящихъ, и передъ удареніемъ: фч*а*ра́, ж*а*на́), въ другихъ случаяхъ оно сохраняется: вёзу́, чово́, жона́ (даже: дёнёкъ, Олёксе́й). Стяженіе гласныхъ обычно: гул*я́*тъ, зн*а*тъ, б*а*тъ (рядомъ: гуля́итъ), Микул*а́*фъ (=Николаевъ), хоз*я́*ва, хоз*я́*фъ (=хозяева), мово́, копе́къ, скор*е́*, Ондр*е́*вичъ, Горд*е́*фъ (=Гордеевъ), бога́т*ы* (=богатыи). Форма дат. *тіе́*. Остатки формъ члена: бога́ты-*те*, на концэ́-*те*, поля́-*та* [3]).

Въ говорѣ Сенгилеевскаго у. отмѣчено: дайте-к*о*, берёз*ы*нька, стря́п*ы*нька, ф. род. широков*а* [4]).

Матеріалы (пѣсни) изъ приволжскихъ деревень Симбирской губ. представляютъ слѣд. данныя: су́жен*ой* (им.), сва́х*ы*нька, шу́бынька, ко берёз*ы*ньк*и*, ф. род. дорого́в*а*, мѣстн. на желт*ы́*мъ пескѣ [5]).

Сверхъ того, мы имѣемъ свѣдѣнія, что въ разныхъ мѣстахъ Симбирской губ. твердыя *з* и *с* болѣе или менѣе часто замѣняются черезъ *ж* и *ш*: *ж*на́ю, *ш*тою́.

Говоръ г. Ставрополя и с. Морквашей, Самарской губ., окающій. Отмѣчено: сёло́, ёво́, зн*а*тъ. Нѣкоторыя женщины замѣняютъ *з* и *с* (особенно *з*) черезъ *ж* и *ш*: *ж*наю.

Объ окающемъ говорѣ Земли Уральскаго Войска мы ничего не знаемъ, кромѣ того, что въ немъ оканье слабо. Типичною чертою «ураль-

---

[1]) Извѣстія отд. р. яз. и сл. Ак. Н. 1896 г., II.

[2]) Archiv f. slav. Phil., X, стр. 350—351.

[3]) Мотовиловъ, Симбирская молвь. Спб. 1888.

[4]) Матеріалы для исторіи и статистики Симб. губ., вып. IV, Симб. 1867, стр. 64—67.

[5]) Симбирскій Сборникъ, т. II.

скаго жаргона» считаются *ж* и *ш* вм. *з* и *с*: *ш*охраи́, *ш*ка*ж*а́ть, *ш*ича́съ, *ш*ъ *ш*тепе (съ степи)[1]. Въ уральскихъ пѣсняхъ мы находимъ формы прош. вр. выпад*аи*лъ, выѣзж*аи*лъ, собир*аи*лся[2].

Наконецъ вотъ нѣско́лько данныхъ изъ не цокающаго говора С.-Петербургской губ., Ново-Ладожскаго у., по рѣкѣ Сяси: *и* изъ *ѣ*: л*и*съ, вр*и́*мё, визд*и́*, ц*ы́*лой, *е* изъ неударяемаго *и* въ в*и*зди́, *и*шшо̀, *е* изъ *я* въ *е́*шшыкъ (ящикъ), твердое двойное *ш*, стяженіе гласныхъ: зн*а*шъ, кака́ баба; формы: дат.-мѣстн. ед. ж. р. на *ы*, 3 л. ед. ес*те*, *е*, 2 л. мн. пье́те (съ *е*); сравн. ст. бо́л*я*[3].

---

2. **Группа цокающая** состоитъ изъ ряда говоровъ болѣе или менѣе разнообразныхъ въ звукахъ и формахъ и пѣвучихъ. Главная черта, общая всѣмъ этимъ говорамъ, перешедшая въ нихъ отъ ихъ предка—древняго новгородскаго говора,—мѣна *ц* и *ч*, т. е. употребленіе *ц* вм. *ч* (цоканье): *ц*ортъ, *ц*олове́къ, рядомъ съ употребленіемъ *ч* вм. *ц* (чаканьемъ): *ч*арь, *ч*ерква. Въ однихъ говорахъ она развита очень сильно, такъ что часто слышится и *ц* вм. *ч*, и на оборотъ; другіе имѣютъ часто лишь *ц* вм. *ч*.

Эта главная черта обыкновенно сопровождается болѣе или менѣе частымъ употребленіемъ *и* вм. *ѣ*, по преимуществу въ слогахъ передъ мягкими согласными, подъ удареніемъ и безъ ударенія: св*и́*чка, п*и́*сня, замѣною *а* послѣ *j* и мягкихъ согласныхъ (т. е. *я*) черезъ *е* въ слогахъ передъ мягкими согласными: гресь (=грязь), опе́ть, а иногда и употребленіемъ формъ род. ед. на *ы* вм. ф. дат.-мѣстн.: жон*ы́*, по изб*ы́*, и формъ дат. мн. вм. ф. твор. и (иногда) на оборотъ: ходитъ ног*амъ*, съ в*амъ*, къ в*ами*; сверхъ того, формы 3 л., особенно ед. ч., не имѣютъ окончанія *тъ* (болѣе или менѣе часто): иде́, гуля́е (рядомъ съ идё*тъ*, гуля́е*тъ*, гуля́*тъ*).

Взглянемъ прежде всего на говоры **Новгородской** губ.[4].

Обитатели береговъ оз. Ильменя, Позёры (**Новгородскій** у.), произносятъ *о* «твердо и грубо», т. е. сильно закрыто (отмѣчено: м*у*на́хъ, о́ч*у*нь), *ѣ* (спорадически?) «почти одинаково» съ *и*, *ц* вм. *ч* и на оборотъ: оте́*ч*ь, о*ч*у́ (=отцу) и т. п.; отмѣчены частое *ё*: доми́шш*о*, восхрё́сеньё,

---

[1]) **Русск. Вѣстникъ** 1890 г., № 5, стр. 90.

[2]) **Морск. Сборникъ** 1859 г., № 9, стр. 22.

[3]) На основаніи замѣтки Н. М. **Каринскаго**.

[4]) Колосовъ говоритъ: «языкъ населенія Новгор. губ. представляетъ немало діалектическаго разнообразія, но отвѣтить научнымъ образомъ на вопросъ: какіе именно говоры можно различить на пространствѣ этой губ.,—я не вижу возможности».

хрёсьянсво, двойное твердое *ш*: е*шшó*, большу́*шшой*, *нн* вм. *дн*: ла́*нно*, ро*нн*ой, стяженіе гласныхъ: испива́мъ, мов*ó*, друг*ý* (другую), царсво небе́сн*о*, ф. род. на ов*а* (рядомъ тѣ же ф. на ов*о*), дат.-мѣстн. ед. ж. р. на *ы*, твор. мн. на *мъ*, 3 л. безъ *тъ*. мóж*о*, *е* (=есть), гляд*я́* (глядятъ). Сверхъ того: форма род.-вин. *тя* (=тебя), вин. ед. *ею́* (=ее), сравнит. ст. на *яё*: скор*яё*. Кое-гдѣ, въ отдѣльныхъ словахъ, *а* вм. *о*, *е*: ц*а*лкóвой, т*а*пе́ря [1]).

Деревня Ракома подъ Новгородомъ, рядомъ съ *и* вм. *ѣ*: б*и́*лова дня, имѣетъ *и* вм. *е* (безъ ударенія): ве́ч*и*ра, б*и́*л*и*нькой (=бѣленькій), даже *я* вм. *е*: ра́дост*я*нъ, ми́л*я*нькой, вѣроятно, вслѣдствіе близости большаго московско-петербургскаго тракта. Сверхъ того, отмѣчены ф. 3 л. работ*а*тъ (есть ф. 3 л. также безъ *тъ*), род. на ов*а* [2]).

Въ дер. Ямóкъ, Новгородскаго у., по Колосову, слышится *и* вм. *ѣ* постоянно; въ 15 верстахъ отъ него—изрѣдка.

Въ с. Эстьяны, того же у., отмѣчено *ишо* (=еще), ф. дат.-мѣстн. на *ы*, твор. мн. на *мъ* [3]), твор. мн. на *мы*: люд*мы́*, 3 л. ед. идё, ест*е́* (=есть), дѣеприч. строивш*е*.

Въ усадьбѣ Чаплино, Боровицкаго у., цоканье и *и* вм. *ѣ* (по*и́*халъ) уже рѣдки. Молодые люди стараются ихъ не употреблять, и они слышны главнымъ образомъ у пожилыхъ. Отмѣчено: гóрёнка, т*а*пе́рь, пш*а*ни́ца, поц*а*лу́й, бер*и́*т*и*, хот*и́*т*и* (2 л.), си́н*іе* море, прое́*жжый*, о*нн*ý (одну); формы дат.-мѣстн. ед. на *ы*: на черед*ы́*, и тв. мн. на *мъ*; членныя формы: на хорош*ыи*хъ коняхъ, на худ*ыи*хъ коровахъ; ф. возвр. з. на *са*, *се*, *си*. Повидимому здѣсь мягкія *д* и *т* иногда имѣютъ легкій свистящій оттѣнокъ [4]).

Въ селѣ Зимогорье, подъ г. Валдаемъ, по Колосову, *ѣ* звучитъ какъ *и*; въ 4-хъ верстахъ отъ него тотъ же *ѣ* произносится какъ *е*, а 5 верстами далѣе—опять какъ *и*. Въ Зимогорьѣ отмѣчены ф. 3 л. смек*а́*тъ, дат.-м. на *ы*. [5]). Въ самомъ Валдаѣ Колосовъ отмѣтилъ форму 3 л. ед. ест*е́*.

Говоръ д. Большая Будогоща, Тихвинскаго у., на лѣвомъ берегу р. Пчевжи, отличается рѣзкимъ *о* и сравнительно рѣдкимъ *ё* изъ *е*: поиде́т*е*, пойде́шъ, бр*е*внó, бре́в*е*нъ (род.); сверхъ того, *и* вм. *ѣ* и замѣна мягкихъ *д* и *т* через мягкія *г* и *к* или звуки близкіе къ послѣднимъ: пой*г*ём-кё. Дѣеприч. помиравш*е* [6]).

---

[1]) Новгородскій Сборн., вып. I (1865), ст. «Общій очеркъ образа жизни... жителей Новгород. губ.»;—Отечеств. Зап., т. 197, ст. «Позеры въ Новгородѣ».

[2]) Якушкинъ, Путевыя письма изъ Новгородской губ., Спб. 1860, стр. 29, 30 (то же въ «Сочиненіяхъ П. И. Якушкина», Спб. 1884).

[3]) Новгородскій Сборникъ, вып. III и IV.

[4]) На основаніи сообщенія А. Л. Погодина.

[5]) Новгор. Сб., II.

[6]) На основаніи сообщенія В. Н. Перетца. См. еще Жив. Стар. 1894 г., I.

Относительно цокающихъ говоровъ Устюженскаго у. (Перская, Никифоровская и др. волости) мы не знаемъ почти ничего. Отмѣчено (въ говорѣ Никифоровской вол.): *ч*ерква, *що*.

Говоръ Кириллова и ближайшихъ къ нему мѣстъ имѣетъ много общаго съ говорами вологодскими. Онъ имѣетъ *ц* (мягкое) вм. *ч* и на оборотъ: коба*ц*ёкъ, запла*ц*ю́, си́нни*ч*а (=сѣнница), частое *ё* изъ *е*: воспоме́нёшъ, поцёлу́й, *и* вмѣсто *ѣ* передъ мягкими согласными: б*и́*литьця (3 л. ед.), п*и*ньё (=пѣнье), *е* вм. *я* также передъ мягкими согласными: пе́тница, мягкое *к*: Пара́нь*кя*, пре́ниць*кя* (род.), *у* и *в* (=ў?) вм. *в* и *л* передъ гласными и въ концѣ словъ: де́*у*ка, ка*у*та́нъ, пи*у*ко́, подва́*в*ъ, погоня́*в*ка, по*в*но (=подва*л*ъ), *ф* вм. *х*: *ф*одить, *ф*орошо. Сверхъ того, есть *и* изъ *е* безъ ударенія: с*и*бе́ (дат.); форма род. можетъ оканчиваться на ов*а*; формы возвр. з. имѣютъ *ся*; мѣстоименіе звучитъ *що* и *шшо*; остатки формъ члена: жону́-*ту*, жо́ны-*те* [1]). Колосовъ отмѣтилъ въ кирилловскомъ говорѣ еще рѣдкость употребленія формы дат. мн. вмѣсто ф. твор. и на оборотъ.

Говоръ Ѳерапонтовской волости, Кирилловскаго у., повидимому, въ главномъ тотъ же, что и кирилловскій. Наблюдатель замѣчаетъ, что *о* въ немъ звучитъ «слишкомъ рѣзко»; имъ отмѣчены *и* изъ *ѣ* и *е* изъ *я* передъ мягкими согласными, *и* изъ *е* безъ ударенія: де́ла*и*те (2 л.), т*и*бя́, м*и*ня́, *ў* изъ *л* въ концѣ формъ прош. вр., *що* при *шшо*; объ *ф* изъ *х* онъ не упоминаетъ [2]).

О говорахъ Череповскаго у. мы имѣемъ рядъ данныхъ.

По словамъ Шевырева, говоръ Череповца и близкихъ къ нему мѣстъ похожъ на говоръ кирилловскій. Онъ указываетъ на *ц* (иногда мягкое) вмѣсто *ч* и на оборотъ: *ц*ово́, *ц*я́лъ, *ч*ена́, ку́ри*ч*а, на *и* вмѣсто *ѣ* передъ мягкими согласными: п*и́*сня, поткл*и́*ть, на *у* и *в* (т. е. *ў*?) вмѣсто *в* и *л*: де́*у*ка, по́*в*но, на мягкость *к*: Ва́нь*кё*, на мѣстоименіе *що* и *шшо*, на остатки формъ члена: че́ну-*ту*, ба́бы-*те* [3]).

Другой наблюдатель сообщаетъ данныя о говорѣ волостей Уломской, Дмитріевской, Колоденской, Горской, Хотовецкой и Мороцкой, той части уѣзда, которая сосѣдня съ Устюженскимъ у. Новгородской губ., съ Весьегонскимъ Тверской и Моложскимъ Ярославской. Онъ указываетъ на мѣну *ц* (мягкаго) и *ч* (болѣе мягкаго, чѣмъ въ нашемъ языкѣ): шве*ч*ю́, фран*ч*ю́зъ и т. п., на *и* изъ *ѣ*: л*и*съ, б*и́*лой, м*и́*сяць (но въ концѣ словъ повидимому *ѣ=е*), на *е* изъ *я*: гре́сь, гоне́ть, преду́, водено́й, запрега́ть (не всегда), на мягкое *шт* вм. *щ*: п*и́шт*я, *штю*ка, *шти*па́ть. Изъ формъ от-

[1]) Шевыревъ, Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, II, 106—111. Въ Кирилловѣ, говоритъ авторъ, «наиболѣе любопытное есть его нарѣчіе, которымъ говорятъ самые грубые простолюдины. Оно имѣетъ много сходства съ малороссійскимъ».

[2]) Вѣстникъ И. Р. Географич. Общ., ч. XI.

[3]) Шевыревъ, II, 111—114.

мѣчены ф. род. ед. ж. р.: т*ые*, сам*ые*, одн*ые*, тво*ѣ*, мо*ѣ* (*ѣ*=*е*?), ф. род. мн. словъ на *цъ*: купч*ей*, зайч*ей*, огурч*ей* (всегда), дат. мн. друг*іемъ*, 3 л. ед. *ески* (есть), ф. возвр. з. лай*си*, мой*си* (повел.), напил*сы*, женил*сы*, борот*цы*, ф. члена *те*, очень часто употребляющаяся при разныхъ ф. множ. ч.: кони-*те*, бапъ-*те* (род.) и т. п. [1]).

Наблюдатель, говорящій о части вышеозначенной территоріи, о Мороцкомъ приходѣ (близь границы Ярославской губ.), упомянувъ о мѣнѣ *ц* и *ч*, замѣчаетъ: «эта погрѣшность въ выговорѣ особенно разительна у жителей дер. Язина, такъ что съ перваго раза можно отличить Язинца по этому выговору» [2]).

Третій наблюдатель сообщаетъ данныя изъ говора Выксинскаго Троицкаго прихода: мѣна *ц* и *ч* или употребленіе «чего-то средняго» между этими звуками, *ё* во «многихъ» словахъ вм. *е*: крутóё óзёро, ёдúнъ, «иногда» *и* вм. *ѣ*: об*и́*дня, формы тв. мн. на *мъ*, формы дат. мн. и тв. ед. прилагат. на *ыемъ*: бѣл*ыемъ* платкомъ, по сух*іемъ* дорогамъ, формы возвр. з.: бойм*сы*, мóлим*сы*, шата*тьцы* [3]).

Въ текстахъ, записанныхъ Барсовымъ въ селѣ Логиновѣ, кромѣ мѣны *ц* и *ч* и *и* изъ *ѣ* передъ мягкими согласными: об*и́*дня, отмѣчены формы твор. мн. на*мъ* [4]).

О бѣлозерскомъ говорѣ мы знаемъ, что въ немъ часто *ц* (которое всегда мягко) вм. *ч*, нерѣдко *и* вм. *ѣ*: в*и́*теръ, в*и́*никъ, б*и*л*я́*е, целов*и́*къ, нерѣдко *е* вм. *я* (при слѣдующемъ мягкомъ согласномъ): петь (=пять), хресь*е́*нинъ, хоз*е́*инъ, встрѣчается *и* вм. *е* безъ ударенія: *и*шшó, н*и*д*и́*ля, т*и*б*я́*, т*и*б*е́*; двойное *ш* твердо: и*шшó*; *хв* замѣняется черезъ *ф*: *ф*ата́ть, *ф*óросъ (=хворостъ). Формы род. ед. муж. и ср. р. всегда на ов*о* (на ов*а* нѣтъ); тѣ же ф. женск. р. иногда на *ые* и *іе*: зъ больн*ы́е* головы, ни един*ые* писни, нетъ сúн*іе* краски, съ т*ы́е* стороны; формы неопред. накл. иногда сохраняютъ окончаніе *ти*: ся́с*ти* (=сѣсть), а ф. повел. н.— суффиксъ *и*: ся́д*и*, ся́д*и*те; ф. возвр. зал. всегда оканчиваются на *ся* (нѣтъ окончанія *съ*); ф. сравнит. степени имѣютъ окончаніе *яе*. Наблюдатель замѣчаетъ: «грамматическая сторона бѣлозерскаго говора поражаетъ отчетливостью и ясностью окончаній» [5]).

Колосовъ въ говорѣ Бѣлозерска отмѣтилъ еще *мм* вм. *бм*: о*мм*анъ, и указалъ на рѣдкость употребленія ф. дат. мн. вмѣсто твор. и наоборотъ.

---

[1]) Жив. Стар. 1893 г., III.

[2]) Новгородск. Сборникъ, V, стр. 39, 161.

[3]) Тамъ же, стр. 38—39.

[4]) Барсовъ, Причитанія сѣвернаго края, I, №№ 3 и 5. Въ текстахъ, записанныхъ въ другомъ (близкомъ) селѣ того же уѣзда отмѣчено еще: дв*и* избы, миня' тибя, формы род. на ов*а*, возвр. зал. на *си*, *ци*, остатки члена: руки-*те*, дядьям-*те* у ямы-*те*, плеча-*та* (Причит., II, стр. 84, 281).

[5]) На основаніи рукописнаго труда г. Порошина.

Говоры С.-Петербургской губ. принадлежатъ къ числу сильно цокающихъ.

Говоръ дер. Княжо́й горы, Лужскаго у., имѣетъ *о* очень закрытое (отмѣчено: мачуха, упять), *и* вм. *ѣ* (спорадическое): свири́пой, твердое двойное *ш*, формы дат.-мѣстн. на *ы*, твор. мн. на *мъ* (рядомъ—отъ люди—ф. дат. людьми́), 3 л. безъ *тъ*: плыве́, пома́хиває. Сверхъ того: мягкое *жд* вм. *жж* (вождя́тца). Звука *h* здѣсь нѣтъ [1]).

Въ говорѣ Яблоницкой волости, того же уѣзда (въ южной части), отмѣчено: хрёнъ, нитъ, зде́ (здѣсь). Въ одной изъ деревень этой волости (въ Запольѣ) *з* мягкое очень близко къ польскому мягкому *з*, т. е. звучитъ какъ очень мягкое *ж* [2]).

Говоръ Гдовскаго у. (сосѣдняго съ Псковской губ.) имѣетъ оканье не полное: *А*кси́нья, де́някъ (род. мн.), вы́пья (3 л. ед.), рядомъ съ нёсла́, рёбро́, вёдро́, даже *у*топри́; сверхъ того: *въ* тебя́ (=у тебя), ла́нно (ладно), и т. п. о*мм*ани́ть, *ишу*ка, ду́машъ, добр*ы* люди; формы род. ед. у жене́, дат.-мѣстн. ед. къ воды́, тв. мн. на *мъ*, 3 л. ед. безъ *тъ*: клюё. Наконецъ: добр*ыи*хъ и т. п., рядомъ съ до́брыхъ; вс*и*, вс*и*хъ и т. п. [3]). Сравни псковскіе говоры.

Въ говорѣ Шлиссельбургскаго у. (д. Марьино) отмѣчено мягкое *т* вм. мягкаго *к* и (вѣроятно, въ отдѣльныхъ словахъ) на оборотъ: *т*инь (кинь), *т*исть, *т*ишти́ и почки́ (почти) и твердое двойное *ш* [4]).

Говоръ Новоладожскаго у., при частомъ *и* вм. *ѣ*: би́лой, неви́ска, ни́ту, къ себи́, имѣетъ стяженіе гласныхъ: гулятъ, ска́зыватъ, ф. дат. вм. ф. твор., ф. 3 л. безъ *тъ* (поижжа́ё), а также *е* вм. *я*: горе́чь (=горячь) и *е* вм. *и* (въ отдѣльныхъ словахъ: зави́йте=заве́йте [5]).

Говоръ приоятскій, на берегахъ р. Ояти, у Ладожскаго оз., на границѣ губ. Новгородской и Олонецкой, имѣетъ *о* очень закрытое (отмѣчено: ч*у*лови́къ), *и* вм. *ѣ* почти всегда: св*и*тъ, *ли*съ, т*и*ло, дв*и* головы, сиби́ (=себѣ), ф. твор. на *мъ*, 3 л. безъ *тъ* (формъ на *етъ* и *ятъ* нѣтъ, всегда: несе́, лю́бя, но: несё*тца*; формъ на *и* и *у* также нѣтъ, всегда: лю́би*тъ*, нёсу́*тъ*), возвр. з. на *си* (дала́*си*, научи́л*си*). Отмѣчено *и* безъ ударенія вм. *е* въ м*и*ня́, т*и*би́, с*и*би́. Цоканье здѣсь не сильно [6]).

Говоры юго-восточнаго Прі онежья, Олонецкой губ., уѣздовъ Каргопольскаго и Вытегорскаго, по Колосову, одинаковы и имѣютъ *ц* (отчетливое) вм. *ч* постоянно (*ч* вм. *ц* не встрѣчено), *ё* изъ *е* часто, *и* вм. *ѣ* (передъ мягким*и* согласными): сми́ю, лети́ть, *е* вм. *я*

---

[1]) Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр., IV, ст. Диль-Адама.

[2]) Извѣстія отд. р. яз. и сл. Ак. Н. 1896 г., II.

[3]) Тамъ же.

[4]) На основаніи сообщенія В. Н. Перетца.

[5]) Одна пѣсня на этомъ говорѣ въ Новгородск. Сборн., II.

[6]) Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр., II, ст. Хрущова.

очень часто: *з*еть, ч*е́*шша (=чаща), повенц*е́*лись, мягкое *ц*, *и* вм. *е* безъ ударенія: р*и*бя́та, зна́*и*тъ, ф. дат.-мѣстн. на *ы* вм. *ѣ* (спорадически) и на *е* вм. *и*: по гряз*е́*, вин. ед. женск. р. *ей* и *ю*=её: схватилъ *ей*, неопред. н. си*к*ци=сѣчь (формъ дат. мн. вм. ф. твор. незамѣчено).

Описаніе Колосова можетъ быть пополнено слѣдующими данными.

Въ говорѣ Каргопольскаго края (=Каргопольскій у. съ сосѣдними частями Пудожскаго и Вытегорскаго у.) отмѣчено: *у* вм. *о* въ ск*у*ріе, очень мягкое *ч*, формы возвр. з. на *се*, *це*, остатки формъ члена [1]).

Въ говорѣ д. Ежезеро (Вытегорскаго у., Коштугской волости, въ 40 верстахъ къ югу отъ г. Вытегры): *у* въ ск*у*ря́е, п*у*дёмъ, *у*пя́ть, я́бл*у*къ (рѣдко), *и* изъ *е* безъ ударенія: б*и*сёда (даже: т*и*сь=тесть, дв*и*рь, спл*и́*тня), *и* изъ *ѣ* не только передъ мягкими согласными, но и въ концѣ словъ: мн*и*, тиб*и́*, дв*и*, на сукн*и́*, *ў* изъ *л* передъ согласными и въ концѣ словъ: бра*ў*, мо*ў*ця́ть, твердые губные въ концѣ словъ: любо*фъ*, се*мъ*, го́лу*пъ*, *щ*=*шч*, стяженіе гласныхъ: тёмн*а* ноць, тёмн*у* ноць, тёмн*ы* ноци (рѣже: тёмн*ыи*), зн*а*шъ, зн*а*тъ и т. д., формы род. на *оҺо*, дат.-мѣстн. ед. ж. р. на *ы*, им. ед. м. р. худ*э́*й, до́брэй, сла́ткэй, больш*э́*й, род., дат., тв., мѣстн. ед. ж. худ*э́*й, до́брэй и т. д., тв. ед. ба́б*э*й, мн*э*й (мной), тв. мн. сущ. и прилаг. на *мъ*, тв. мн. существ. на *мы*, дат.-тв. прилагат. на *ма*: гъ до́бры*ма* родителямъ, за до́бры*ма* людя*мы*, съ на́*мы*, 2 и 3 л. бь*е́*сьсе, ид*е́*, жг*е́*, ид*е́*мъ, ид*е́*те (съ *е*), 3 л. мн. ру́б*я*, шум*я́* (но всегда зна*тъ* и т. п., съ *тъ* послѣ *а*), 3 л. ед. *е* и *есте*, возвр. з. на *се* и *сё*; остатки формъ члена; сравн. ст. на *я́ё*. Звука *ч* не существуетъ (кромѣ группы *шч*), лишь мягкое *ц*. Переходъ *я* въ *е* неизвѣстенъ [2]).

Въ говорѣ с. Коштуговъ отмѣчено: берёз*ы*нька, молодёш*ы*нька, *ў* изъ *в*: дер*е́ў*ня, воро*ў*ка, ф. тв. мн. ва*мъ*, добры*ма* людь*мы*, 3 л. ед. ес*те*, 2 л. мн. повел. понату́ж*ы*тесь, остатки формъ члена: первую-*ту* недѣлю [3]).

Въ говорѣ волостей Ухотской, Шильдской и Тихманской (въ сѣверо-восточномъ углѣ Вытегорскаго у., въ сосѣдствѣ съ Каргопольскимъ и Кирилловскимъ у.) наблюдатель указываетъ на грубое, рѣжущее слухъ *о* (ябл*у*нь и еще нѣсколько словъ—съ *у* вм. *о*), на частое *ё* изъ *е* безъ ударенія: Стёпа́нъ, зёрно́, рождéньё, сéрцё, синёё, играётъ, даже телёга, на *е* изъ *я* передъ мягкими согласными: д*е́*дя, петь, отн*е́*ть, дьец*е́*къ, даже м*е́*коть (въ концѣ словъ *я* сохраняется: обидня), на *и* изъ *ѣ* подъ удареніемъ (вѣроятно, по преимуществу передъ мягкими согл.): р*и́*цька, зд*и*сь, об*и́*дня, до в*и́*ку, нев*и́*рной, на мягкія *жд* и *шт* вм. *жж* и *щ*: дро́*жди*, во́*жди*, е*ждя́*лъ, *штю*ка, ро*штя*, на мягкое *ц*, на *ф* вм. *хв*: *ф*остъ, *ф*оростъ, *ф*оя, на *мм* и *вв*, *в* вм. *бм*, *бв*: о*мм*анъ, о*вв*инц*е́*ть, о*вo*-

[1]) Жив. Ст. 1892 г., III.

[2]) Изв. отд. р. яз. и сл. Ак. Н. 1896 г., III.

[3]) Олон. Губ. Вѣд. 1893 г., №№ 19—22.

ровать, на стяженіе гласныхъ въ *мово́*, *игра́шъ*, *шага́тъ*. Затѣмъ, этимъ наблюдателемъ замѣчено: звукъ *г* «всегда съ густымъ придыханіемъ, близко къ *х*», а «тонкое *г* нигдѣ не слышится»; *ц* вм. *ч* обычно, и *ц* у мущинъ тверже, а у женщинъ «доходитъ до слащавости»; «замѣна звука *ц* звукомъ *ч* строго не соблюдается», и вм. *ц* иногда слышится звукъ средній между *ч* и *ц*, ближе къ *ч*. Сверхъ того, отмѣчено: *и* вм. *е* въ дв*и*ре́ми, мягкое *с* вм. *ч* (*ш*) въ сердесьнíй, молосьнíй, наросьнё и формы: род. ед. на *ово*, дат.-мѣстн. ед. фъ грез*е́* (въ грязи), фъ кров*е́*, пут*е́*, им. мн. колосьё, кореньё, кольё, неопр. те*к*ци, си́*к*ци (сѣчь), ле*к*ци, возвр. з. на *се*: поклонюсе, сошли*се*, одивай*се*, ср. ст. на *яя*: добр*я́я*, полн*я́я*, очень часто употребляющіеся остатки формъ члена: дорога-*то*, рѣки-*те*, поля-*те*. Рѣчь названныхъ волостей растянута; удареніе придаетъ гласнымъ почти двойную долготу сравнительно съ другими гласными; вообще же рѣчь имѣетъ какую-то особенную плавность и мелодичность [1]).

Относительно говора въ г. Каргополѣ намъ извѣстно, что въ немъ *ѣ* «выговаривается неправильно» (т. е. какъ *и*) только въ глаголѣ *ѣсть*, удерживая въ другихъ словахъ «правильный выговоръ» [2]).

Говоръ Петрозаводскаго у. (дер. Лембачева, въ 19 верстахъ отъ Петрозаводска) имѣетъ *ё* изъ *е* безъ ударенія сравнительно рѣдко: воскресе́ньё, скоре́ё, дубовыё, наш*о*, но слез*а́*, ребр*о́*, вед*у́*, бер*у́*, *о́*зеро, п*о́*грепъ и т. п. съ *е*; *е* безъ ударенія сохраняется (но н*и*де́ля), *ѣ*=*е* (но д*і*ется=дѣется, вис*и́*ть, свир*и́*пъ), *я* сохраняется (но п*е*ддеся́тъ), *ц* мягкое, конечные губные твердые: любо́*фъ*, се*мъ*, голу*пъ*, стяженіе гласныхъ: до́бр*а* мать (но дум*а*етъ), добр*ы* люди, *л* передъ согласными и въ концѣ словъ=*ў*: до́*ў*го, бы*ў*; формы род. мирово́во и станово́*h*о, е*h*о́, вод*е́* и вод*ы́*, дат.-мѣстн. ед. ж. р. на *и*, 3 л. ед. пла́ч*е*, лю́б*и*, но́с*и*, мн. ру́б*я*, лю́б*я*, сид*я́*, возвр. з. на *се* [3]).

Говоръ окрестностей озеръ Выгозера и Водлозера (въ сѣв.-зап. Пріонежьѣ) отличается «наклонностью» *ц* къ *ч* и *ѣ* къ *и*, но случаи, гдѣ вмѣсто *ц*—чистое *ч*, а вм. *ѣ*—чистое *и*, рѣдки и непостоянны; обыкновенно слышатся средніе звуки, которые наблюдатель затрудняется передать графически. Такъ, очень рѣдко говорятъ молоде́чь, б*и́*лой св*и́*тъ; обыкновенно слышно что-то среднее между молоде*чь* и молоде*ць*, между св*и*тъ и св*е*тъ. Здѣсь *о*—«чистое»; *ё* изъ *е* очень часто: сла́вноё, коро́вищ*о*, здра́фствуётъ, пря́*ж*очка, сѣятелёвичъ; *е* изъ *я* (спорадически): н*е́*нюшка; *ц* можетъ быть мягко: *ц*юдо, ли*ц*ё; есть стяженіе гласныхъ: нака́зыв*а*тъ; формы дат.-мѣстн. ед. на *ы*, твор. мн. существительныхъ и

---

[1]) Жив. Стар. 1893 г., III.

[2]) Кораблевъ. Этнографич. и географич. очеркъ г. Каргополя. М. 1851, стр. 68.

[3]) Изв. отд. р. яз. и сл. Ак. Н. 1896 г., II.

личныхъ мѣстоименій на *мы*: стола*мы*, на*мы* (рядомъ на *ми*), тв. мн. прилагат. на *ма*: дубовы*ма*, 3 л. безъ *тъ*: кýшаё, лю́бя (=любятъ), возвр. зал. на *се*, *си* и *со*: показа́ло*си*, закручи́нил*со*. Сверхъ того, *и* изъ *е* безъ ударенія въ м*и*ня́, и—что важно—*г* въ ф. род. ед.: добро*го*, не добро*во* [1]).

Говоръ Повѣнца и его уѣзда (сѣв. берегъ Онежскаго оз.) не имѣетъ важныхъ особенностей. Въ немъ отмѣчены частое *ц* (мягкое) вм. *ч*, частое *ё* изъ *е* (оружьё, *ё*=есть), спорадическое *и* вм. *ѣ*: сви*р*и*пой, зд*и*, гд*и*, мн*и*, стяженіе гласныхъ: де́л*а*тъ; формы род. на ов*а*, дат.-мѣстн. ед. на *ы*, твор. мн. существительныхъ на *мы*, а прилагательныхъ на *ма*, 3 л. безъ *тъ*.

Говоръ окрестностей оз. Кенозера и рѣки Моши (сѣв.-вост. Пріонежье) отличается «чистымъ» произношеніемъ *ц* (т. е. нѣтъ *ч* вм. *ц*, но *ц* вм. *ч* обычно), *ѣ*=*е* (*ѣ* «весьма рѣдко принимаетъ оттѣнокъ звука *и*»), частымъ *ё* изъ *е*, стяженіемъ гласныхъ, формами дат.-мѣстн. ед. на *ы*, твор. на *ма* (подъ ни*ма́*=подъ ними), 3 л. безъ *тъ* [2]).

По Рыбникову, въ Олонецкой губ. «множество разнорѣчій не только по уѣздамъ, но даже по волостямъ», изъ которыхъ два главныхъ: 1) заонежское и близкое къ нему пудожское и 2) каргопольско-вытегорское. По его словамъ, выдающіяся черты олонецкихъ говоровъ таковы: мягкія *ц* и *ч*: *ц*южой, молоде*ць*, умни*чя*; *а* послѣ *ж* вм. *е*: ж*а*нихъ, ж*а*ланной; *и* «иногда» изъ *е*: б*и*здиля (ничего недѣлающій), ц*и*рточька, и на оборотъ, звукъ близкій къ *е* «иногда» изъ *и*: гредня (гридня); *и* изъ *ѣ* «почти всегда, а на концѣ словъ и во флексіяхъ всегда»: р*и*ценька, св*и*тёлъ, гд*и*; мягкое *жд* въ по*ѣждя*не, прі*ѣждя*лъ; формы твор. мн. существит. на *мъ* и *мы*, а прилагат. и мѣстоименій на *ма*, 3 л. ед. на *ть* и безъ *ть* (съ *е*, не *ё*: веде́ть, также какъ въ веде́шъ, веде́мъ, веде́те), возвр. з. дава́ть*це*, колоти́ть*це*, сравн. степ. скур*я́е*, вѣрн*я́е* [3]).

По Шахматову, въ рядѣ говоровъ Петрозаводскаго, Повѣнецкаго и Пудожскаго уѣздовъ, на мѣстѣ древняго и орѳографическаго *ѣ*, подъ удареніемъ передъ твердымъ согласнымъ слышится узкое *е* (въ родѣ того, которое слышится въ д*е*нь), отличное отъ обычнаго въ такомъ случаѣ широкаго *е*: згор*е*ⁱло, нев*е*ⁱста и т. п. [4]).

---

[1]) Онежскія былины, собр. Гильфердингомъ (особенно введеніе, стр. XXXI). Въ текстѣ былинъ мы читаемъ: в*и*сть (вѣсть) на двор*и*, въ шатр*и* и т. п.

[2]) Тамъ же.

[3]) Рыбниковъ, Пѣсни, ч. IV, приложеніе. О говорахъ Олон. губ. смотри еще у Рыбникова, ч. III, стр. 347 сл., и у Барсова, Причитанія сѣв. края.

[4]) Изслѣдованія въ области р. фонетики, Варш. 1893, стр. 165.—Майновъ (Поѣздка въ Обонежье и Корелу, Спб. 1874, стр. 88) говоритъ слѣд.: «Заонежанинъ и говоритъ-то не такъ, какъ вообще сѣверякъ, и потому его говоръ сейчасъ узнаешь, и отличишь заонежанина въ толпѣ русскихъ крестьянъ. Удареніе онъ дѣлаетъ такъ, что иное слово сразу и не поймешь...; не стѣсняется онъ и буквами и

Переходимъ къ Архангельской губ. Колосовъ говоритъ, что въ ней *ё* изъ *е* рѣже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ (между прочимъ, чѣмъ въ Вологодской губ.), что *и* изъ *ѣ* рѣдко, что ф. род. можетъ оканчиваться на ов*а*, а форма возвр. з. на *сё* [1]).

Говоръ г. Онеги и его уѣзда имѣетъ частое *ц* (мягкое) вм. *ч* и на оборотъ: краса́вича, молотча́ (род. ед.), льютче (3 л.), частое *ё* изъ *е*: будё, полё, синёё, лёжытъ, *и* вм. *ѣ* въ концѣ словъ: фъ сундук*и́*, фъ Киев*и*, частое *е* изъ *я*: кн*е*сь, кн*е́*зя, бо*е́*ринъ, персн*е́*ми (тво́р.), сре-ж*е́*итс*е*, стяженіе гласныхъ: ду́м*а*тъ (рядомъ: ду́м*ае*тъ), смел*е́*, метн*е́*, скор*я́* (сравн. ст.,=смѣлѣе), твердыя двойныя *ш* и *ж*, спорадическое *и* вм. *е* безъ ударенія: м*и*ня́, по ре́ц*и*ньки, формы род. ед. ко*в*о, твор. мн. существит. на *мы*: уш*мы*, а прилагательныхъ и мѣстоименій на *ма*: стары*ма*, те*ма́*, 3 л. безъ *тъ*: будё (рядомъ: пекё*тъ*), возвр. з. на *се*; мѣстоименіе *що*. Сверхъ того, отмѣчено мягкое *с* вмѣсто *ч* (*щ*) передъ *н*: зыс*ь*ной голосъ, короле́ви*сь*ня, плата гудо́*сь*ная, и остатки формъ члена: глаза́-*те* [2]).

О говорахъ Архангельскаго у. мы знаемъ очень мало. Отмѣчено мягкое *ц* вм. *ч* (*ч* въ нихъ не употребляется), *а* въ ж*а*ла́нная, *и* вм. *ѣ* въ на ковр*и́* (при тоб*ѣ*), *е* изъ *я* въ пить*е́*мы (твор.), прот*е́*гивай, твердое двойное *ш*, формы род. ед. ж. р. *тэя* (?), дат.-мѣстн. ед. на *ы*, тв. мн. существ. на *мы*, а прилаг. на *ма*, возвр. з. на *се*, остатки формъ члена: ко злодѣю-*ту*, женидьбу-*ту* [3]).

О говорѣ большей части Шенкурскаго у. наши данныя также скудны. Въ немъ отмѣчены: *у* въ ск*у*рѣе, ч*ю*стовать (честовать=угощать), мягкое *ц* вмѣсто *ч*: *ця*съ, *цю*до, и на оборотъ: петни*ча* (рядомъ съ *ча*съ, петни*ця*), частое *и* изъ *е* и *я* безъ ударенія: н*и*ве́ска, м*и*дв*е́*ть, *ц*и́чько, м*и*ки́на, св*и*ти́на (святыня), частое *ё* изъ *е* (даже: дубовыё, им. мн.), *е* изъ *я*: печ*е́*ль, кач*е́*тъ, ч*е*сы́, *е*зыкъ, *це́*до (=чадо), *и* изъ *ѣ*: п*и*сня, ум*і*ю, м*и́*сець,

мѣняетъ ихъ по своему, то поступаясь малороссійскому языку, то цокая... Говоритъ обонежанинъ (и заонежанинъ).. медленно, съ разстановочкой, и притомъ такъ и распѣваетъ. Слышать, какъ говоритъ заонежанка (у нихъ распѣвность сильнѣе всего замѣтна), значитъ слышать отличнѣйшій речитативъ... Такъ ловко она вытянетъ гласную, смягчитъ согласную, подниметъ, опуститъ голосъ тамъ, гдѣ нужно, что рѣчь такъ и льется у нея». — Кромѣ чисто русскихъ говоровъ, въ Олонецкой губ. слышатся говоры корело-русскіе съ особенною фонетикою и акцентуаціей. О нихъ у Шахматова, стр. 316 (срв. Жив. Ст. 1892 г., IV, ст. Лѣскова).

[1]) «Вообще жители (Арханг. губ.) говорятъ нѣсколько протяжно, особенно на послѣднемъ слогѣ, удвояя гласные: нов*оо*й, говор*ии*шь». Журн. М. Нар. Пр. 1850 г., ч. 65, стр. 134 (=Арханг. Губ. Вѣд. 1847 г. № 30). По Далю, «пѣвучесть говора на западѣ Архангельской губ. уменьшается; она сильнѣе по Печорѣ, Мезени, Двинѣ».

[2]) Кораблевъ. Очеркъ нравоописательной этнографіи г. Онеги, М. 1853.— Памятники и образцы народн. языка и словесности (Изв. Ак. Н. III, IV).—Истоминъ, Пѣсни р. народа, I, Спб. 1894 (Андоверо).

[3]) Истоминъ. Мѣстности: посадъ Ненокса, Унской посадъ, д. Коскова гора.

стяженіе гласныхъ: ду́*машъ*, ду́*матъ*, твердое двойное *ж*, формы род. на *ова*, твор. мн. на *ма*: ша́пк*има*, лопа́т*ыма*, но́жык*има*, оре́х*има*, мѣстн. ед. во путе́ (отъ путь) [1]), неопр. н. жекчи́, возвр. з. на *се*; мѣстоименіе *що*. Говоръ остальной, нижней части того же уѣзда—тотъ же, что въ сосѣдней части Вологодской губ. [2]).

Въ говорѣ г. Кеми отмѣчено: мягкое *ц* вм. *ч* (*ч* нѣтъ), *ё* въ несцястьицё, будётъ, *а* изъ *е* въ жани́ть, *и* вм. *ѣ* въ ф. дат. шѣецк*и*, твердое двойное *ш*: спу*шшай*, *шш* въ уго*шшю* (угощу), род. зеленого и крутово, дат.-мѣстн. ед. ж. р. на *ы*, тв. мн. тѣ*ма* рѣцька*мы* [3]).

Сверхъ того, Колосовъ упоминаетъ, что въ Кемскомъ у. мѣстоименіе звучитъ *чо* и *цо*, а въ Мезени формы возвратн. зал. могутъ оканчиваться на *со*.

Большая часть говоровъ Вологодской губ. (вмѣстѣ съ сосѣдними Олонецкой, Архангельской, Костромской и Новгородской) составляютъ особую группу съ говоромъ (по Далю) «очень низкимъ».

Говоръ Вельска и его уѣзда употребляетъ и *ц*, и *ч*, но не такъ, какъ нашъ, а на оборотъ: до*ць*, те*ц*ётъ, сви*ц*а и ли*ч*о, сон*ч*о, *ч*витъ (съ *ц* мягкимъ); онъ имѣетъ *ё* изъ *е* очень часто: ясноё, бери́тё, даже: со службы царскіё (род. ед.), ясныё (им. мн.), *и* вм. *ѣ* почти всегда: ди́ло, н*и*ту, св*и*тъ, ко мн*и*, *е* изъ *я* передъ мягкими согласными постоянно: сие́ть, з*е*ть, засвице́й (=засвѣчай), гледя́ (3 мн.), стяженіе гласныхъ: дум*а*шъ, прим*а*тъ, формы род. на ов*о* (до́брово) и ов*а*, твор. мн. существит. и мѣстоим. на *мъ*: съ цёбота*мъ*, съ ва*мъ*, возвр. з. на *сё*, *цё*: выньсё. Сверхъ того, въ немъ *сц* вм. *щ*: пу*сц*ю, частое *и* вм. *е* безъ ударенія: ч*и*ло́ (=чело), л*и*бёдушка, пол*и*цю́ (=полечу), в*и*ди́ (=веди), м*и*ня́, т*и*бя́, и *ў* въ концѣ словъ и передъ согласными вмѣсто *в* и *л*: ста*ў* (=ставь), шо*ў* (=шолъ), ходи́*ў*, мо́*ў*ви*ў* (=молвилъ), во*ў*на. Мѣстоименіе *что* звучитъ и *што*, и *що*. [4]). Савваитовъ, говоря о говорѣ какой-то мѣстности

---

[1]) Арханг. Губ. Вѣд. 1856 г. №№ 1 и 2. Произношеніе словъ, читаемъ мы здѣсь, протяжно. Въ цѣломъ періодѣ и въ оборотахъ рѣчи дѣлаются особенныя разстановки, повышеніе и пониженіе ударенія, похожія на напѣвъ. Удареніе неправильное.—Матеріалы изъ Шенк. у. въ «Пѣсняхъ» Кирѣевскаго, вып. I, стр. 77—86, вып. V, стр. 130—132.

[2]) Жителей нижней части сосѣди-сѣверяне дразнятъ словами: куда ходи*въ*, куда поно*въ*? (Изв. И. Общ любит. естествозн. при Моск. у—тѣ, XXX, вып. 2, стр. 251).

[3]) Истоминъ.—Авторъ «Очерковъ западнаго Бѣломорья» разсказываетъ, какъ его везли гребцы-бабы изъ Сумскаго посада. «Странный говоръ ихъ поразилъ меня... Помимо особеннаго говора, страшной быстроты рѣчи, произношенія, поражало также и чрезвычайное обиліе мѣстныхъ словъ» (Русск. Вѣстн., т. 173, стр. 104).

[4]) Этнографич. Сборн., V (ст. Воронова); Вѣстн. И. Р. Геогр. Общ., ч. 25 (1859 г., ст. Воронова).

Вельскаго у., замѣчаетъ, что въ немъ «по большей части *ц* вм. *ч*, а иногда и на оборотъ; послѣднее рѣже», и что «*и* часто вмѣсто *ѣ*». Имъ отмѣчены, кромѣ *е* изъ *я*, *ў* вм. *л*, еще мягкое *жд* въ поеждяйте и ф. сравн. степ. поскоряя, побиляя [1]).

Говоръ Яренска и его уѣзда, повидимому, тотъ же, что говоръ Вельска. Отмѣчены: *ц* вм. *ч* («самая обыкновенная замѣна»; *ц*—мягко; оно передается наблюдателемъ черезъ *цс*), *и* вм. *ѣ*: по вúники úдемъ, Олексúй, Ондрúй (рядомъ: вмúсте, въ горсте́), *е* вм. *я*: пецéль, несцéсье, двáтцеть, взéли; *в* передъ согласными, по словамъ наблюдателя, всегда произносится «такъ твердо, что болѣе похоже на *у*, только короче послѣдняго»; такъ же звучитъ *л* «въ концѣ словъ, особенно въ формахъ прош. вр.»: взяў деўку, вúдеў; стяженіе гласныхъ часто: знашъ, сбирáсся, знатъ; двойное *щ* твердое: училишшо; мѣстоименіе звучитъ *штё* и *що*; формы сравн. степ. на *яя*. Что замѣчательно въ яренскомъ говорѣ это—сохраненіе звонкихъ (=звучныхъ): кадка, водка, родъ, зглядъ, рогъ [2]). Колосовъ указалъ въ яренскомъ говорѣ еще ф. род. на ова.

Говоры Сольвычегодска и Великаго Устюга съ ихъ уѣздами, судя по положенію ихъ между Вельскомъ и Яренскомъ и по сообщеніямъ Колосова и Бѣлоруссова, очень близки къ говорамъ вельскому и яренскому. Колосовъ отмѣтилъ въ сольвычегодскомъ говорѣ, кромѣ *ѣ*=*и* и *е* изъ *я*,—мягкое *ц* вмѣсто *ч* или звукъ средній между *ц* и *ч*, *и* вм. *е* какъ безъ ударенія, такъ изрѣдка подъ удареніемъ: видú (=веди), тичóтъ, силó, овúчка, *в* (т. е. *ў*?) [3]) вм. *л*: товковáть, довбúть, шовъ, стяженіе гласныхъ только въ формѣ 2 л: знашъ, ф. твор. мн. чашкима, огородыма, конима, красныма, ф. сравн. ст. на *яя*. Дмитріевъ въ великоустюжскомъ говорѣ, кромѣ мягкаго *ц* вм. *ч* и на оборотъ, *ё* даже въ люди добрыё, *ѣ* = *и*, *е* изъ *я* (передъ мягкими согласными) и стяженія гласныхъ (знатъ рядомъ съ знáётъ), отмѣтилъ *а* вм. *е* въ жалáю, *с* въ молосной, ясная мука, пшонисьникъ, *щ* = *шш*, твердое *л* въ сúлной, болной, болшушшой, *мм* изъ *бм*: оммы́ть, наконецъ *ў* вм. *в* и *л* передъ согласными и въ концѣ словъ: даўнó, дóўго, быў, кóлокоў, даже ўрáгъ, ўрёшъ (врешь), формы род. на ово и ова, дат.-мѣстн. ед. ж. р. двере́, доцере́, возвр. з. на *ця*, сравн. ст. силня́, крепця́, остатки формъ члена: бáбу-*ту*, бáбы-*ти*, сёло-*то*, мѣстоименіе *щё* и *штё*. Въ устюжскихъ пѣсняхъ, записанныхъ Савваитовымъ, отмѣчены только *ц* вм. *ч* (иногда мягкое: цястой, мостоцьку, но: мостоцыкъ), *и* вм. *ѣ*:

---

[1]) Москвитянинъ 1841 г., ч. 2, стр. 271—272 (смѣсь). Бѣлоруссовъ утверждаетъ: «во всѣхъ мѣстностяхъ Вологодской губ. звукъ *в*, происшедшій изъ *л*, произносятъ одинаково: какъ *в*, а не какъ *у*» (Р. Фил. В. 1887 г. № 4, стр. 226).— Нѣсколько текстовъ изъ Вельскаго у. въ Жив. Ст. 1895 г.

[2]) Вологодскій Сборн., IV, стр. 85—92.

[3]) Колосовъ опредѣляетъ этотъ звукъ какъ средній между *в* и *у*.

гр*и*ётъ, р*и*цька, *е* вм. *я*: м*и*сецъ, мѣстоим. *що*. Шевыревъ упомянулъ, какъ объ устюжской чертѣ,—объ *нн* вм. *дн*: ла*нн*о [1]).

Объ говорѣ Тотемскаго и Кадниковскаго у. мы знаемъ отъ Колосова, что въ немъ *о* можетъ звучать (въ отдѣльныхъ словахъ?) какъ *уо*: тр*уо*сь (=трость), что въ немъ обычны *ц* вм. *ч* и *ч* вм. *ц*, *ё* изъ *е* (особенно въ концѣ словъ: доброё, руки бѣлыё, но: ходите), *и* вм. *ѣ* передъ мягкими согласными: въ н*и*ге, къ нев*и*сте (при: нѣга, невѣста), *е* изъ *я* также передъ мягкими согл.: *е*йцо, сі*е*ть, сто*е*ть, твердое двойное *ш*: е*шш*о, *с* (изрѣдка) изъ *ч* (*ш*); моло*с*ной (=молочный), твердое *л* передъ *н*: бо*л*ной; кое-гдѣ въ немъ мягкое *к*: руч*кя*, лёгонь*кѣй*; ф. род. на ов*о* и на ов*а*; ф. возвр. зал. на *цо*: бит*цо*; ф. сравн. ст. на *яё*; мѣстоименіе *што*, *штё*, *щё*. Нѣкоторыя мѣстности (указано с. Вотча, Тотемск. у.) имѣютъ постоянно, передъ согласными и въ концѣ словъ, *в* (*ў*?) вмѣсто *л*: до*в*го, колоко*в*ъ, ли*в*ъ, рѣдко стяженіе гласныхъ: зн*а*ётъ, *мм* вм. *бм*: о*мм*анъ; ф. им.-вин. мн. на *ыё*; ф. дат.-мѣстн. на *е* вм. *и*: къ матер*е*; ф. возвр. з. на *сё*, *со*, *цо*: напивсё, дѣлаёт*со*, дѣлат*цо* [2]).

Изъ одного говора Тотемскаго у. (Харинская волость, с. Кептуръ) мы имѣемъ слѣд. данныя: оканье «часто въ увеличенномъ видѣ»: х*уо*рошый, *и* изъ *е* безъ ударенія: в*и*лицить, *и* изъ *ѣ* передъ мягкими согласными: в*и*рить (но об*и*хъ, об*и*мъ=обѣихъ), *е* изъ *я* также передъ мягкими согласными: оп*е*ть, д*е*телъ, мягкое *к* въ Федь*кё*, Вась*кя*, сулей*кю*, Сельмень*гя* («обиліе» подобныхъ окончаній), твердое *л* въ по*л*за, бо*л*но; формы твор. мн. на *мъ*, 3 л. возвр. з. на *тцы*, *тсе*, *чче*: приде*чче*, неопр. н. пе*к*чи, сравн. ст. едрен*яе*. При мѣнѣ *ц* и *ч*, *ч* вм. *ц* употребляется обыкновенно женщинами [3]).

Изъ одного говора Кадниковскаго у. (с. Корбанка) мы имѣемъ такія данныя: *ц* и *ч* мягкія: солн*чё*, клю*цё*вая; спорадическое *и* изъ *ѣ*: гр*і*ю, д*и*вицья; мягкое *к* въ минуточ*кя*, тётуш*кя*, голубуш*кю*, по малёхонь*кю*; формы род. ед. ж. р. и им.-вин. мн. на *ыё*: род. кирпицн*ыё* (и наш*ее*), им. как*іё*, тёмн*ыё*; мѣстоименіе *щё* [4]).

Изъ другаго говора того же уѣзда (волость Кремлевская, въ сѣверозападномъ углѣ уѣзда) мы имѣемъ слѣдующія данныя: *ц* мягкое употребляется вмѣсто *ч* часто, а *ч* является вм. *ц* «иногда»; *и* изъ *ѣ* передъ мягкими согласными; *е* изъ *я* передъ тѣми же согласными; *ў* изъ *в* и *л* передъ согласными и въ концѣ словъ: дѣ*ў*ка, до*ў*го, ход*иў*; *щ* звучитъ

---

[1]) Жив. Стар. 1893 г., III; Москвитянинъ 1842 г., ч. 6, стр. 312, 333; Р. Филол. Вѣстн. 1887 г., № 4; Шевыревъ, Поѣздка въ Кир.-Бѣл. мон., II, 115. Авторъ статьи въ Ф. В. отмѣтилъ въ Городишнѣ, Великоустюжск. у., мѣстоим. *счё*, *чё*, *цё* (рядомъ съ *щё*, *штё*).

[2]) Р. Фил. В. 1887 г., № 4.

[3]) Зап. Ак. Н., т. 71 (1893 г.), приложеніе къ протоколамъ.

[4]) Жив. Стар. 1894 г., I.

какъ твердое *шч*; нерѣдко *ф* вм. *хв* и на оборотъ: *ф*осъ, у*ф*атъ, *хв*орсі́ть, даже Хролô*ў* день. Формы род. ед. м. р. на ов*о*, а женск. р. на *ые* и *ыё*: дóбр*ые*, хорóш*ые*, род.-вин. jі*é* (ее), 3-го л. ед. съ *тъ*: даваё*тъ*, быва*тъ*, возвр. з. 2 л. ед. ругае*се*, дере*се* (съ однимъ *с*), 3 л. браніі́*це* (ед.), бранé*це* (мн.). Сравн. степень на *яя* и *іе* рядомъ: силь*ня*я и силь*ніе*.

О третьемъ говорѣ того же у. (центральныя волости уѣзда: Петряевская, Васьяновская, Шапшенская, Устьрѣцкая и др.) мы знаемъ лишь то, что вмѣсто *о* въ немъ слышится звукъ похожій на *уо*: к*уо*рóва, т*уо*лько, п*уо*мню, к*уо*ни, д*уо*ма, и что *к* въ извѣстныхъ случаяхъ мягко: ноць*кю* и т. п. [1]).

Въ говорѣ Грязовца Колосовъ отмѣтилъ *и* вм. *е* безъ ударенія въ т*и*бé, частое стяженіе гласныхъ: зн*а*тъ, и сверхъ того, среднее *л* въ формахъ прошедшаго врем.: зна*лъ*.

Въ говорѣ Никольскаго у. тотъ же Колосовъ отмѣтилъ *ц* вм. *ч* и *ч* (ясное) вмѣсто *ц*. Въ немъ извѣстно еще *и* вмѣсто *ѣ* и *е* вм. *я* передъ мягкими согласными [2]), мѣстоименіе *штё*.

Изъ цокающихъ говоровъ Тверской губ. мы имѣемъ кое-какія свѣдѣнія о говорѣ Тверскаго у., на границѣ съ Корчевскимъ у. Онъ имѣетъ не только *ц* вм. *ч*, но и *дз* вм. мягкаго *д*, *ц* вм. мягкаго *т*: *дз*éло, *дзядз*я, *ц*ебя́, у *ц*я; *о* въ немъ звучитъ, можетъ быть, закрыто (отмѣчено: *у*топрú, съ пáлк*уй*, зъ досáд*уй*); есть *е* изъ *л*: *е*ровóй, *е*йцó; стяженіе гласныхъ обычно: дзé*ла*шъ, дзé*ла*тъ, мо*в*ó, мо*м*ý; ф. род. *цея́*, 2 л. ед. возвр. з. ругаеш*стя*. Повидимому, есть случаи аканья (отмѣчено: мол*а*нья́). Возможно, что этотъ говоръ находится въ тѣсной связи съ бѣлорусскими говорами Тверской губ. [3]).

Сверхъ того, у насъ есть старыя свѣдѣнія о говорѣ г. Торжка. Наблюдатель самаго начала нынѣшняго столѣтія отмѣчаетъ: твердое *ц* вм. *ч* (*цы*щи=чище), *уо* изъ *о*: п*уо*ра, *и* изъ *ѣ* въ дв*и* нед*и*ли, теб*и* (дат.), гд*и*, н*и*тъ, *и* изъ *е* безъ ударенія: дýма*и*тъ. Рядомъ съ *о* и *ё* безъ ударенія: ёвó, вчорá,—случаи аканья: вúдн*а* дúл*а*. Форма возвр. з. проси*цы*; род. ед. мен*е* и теб*я* рядомъ [4]).

---

[1]) Тамъ же, 1895 г., III—IV.

[2]) «Сказки» Аѳанасьева.

[3]) Этнограф. Сб., I. Дзеканье, по Далю, слышится также въ Корчевѣ и въ Торжкѣ.—Бѣжечанки, по тому же Далю, «говорятъ невыносимо на распѣвъ, отрывая коротко всѣ слоги, кромѣ послѣдняго, который растягиваютъ».—Объ одномъ изъ цокающихъ говоровъ Бѣжецкаго уѣзда авторъ замѣтки: «О Бѣжецкомъ уѣздѣ и Теблишанахъ» (Москвитянинъ 1853 г., № 16), говоритъ: «интонація (у жителей с. Теблиши)—чижиная; какъ чижъ чиликаетъ, чиликаетъ, да наконецъ и протянетъ, такъ и Теблишанинъ».

[4]) Русскій дорожникъ для употребленія въ пути между столицами. Изд. 2-е. Спб. 1802, стр. 128.

Наконецъ, мы знаемъ, что говоръ д. Карцево, Новоторжскаго у.,— цокающій. Въ немъ отмѣчены формы тв. мн. на *мъ* и 3 л. мн. сидя [1]).

Одинъ изъ цокающихъ говоровъ Ярославской губ., въ Поситьѣ, Моложскаго у., и въ сосѣдней части Пошехонскаго у., имѣетъ не только *ц* вм. *ч* и *ч* вм. *ц*, но и мягкое *дз* вм. мягкаго *д*, мягкое *ц* вм. мягкаго *т*: *дз*ерёвня, па*дзи́*, *дз*верь, *ц*еси*ць*, *ц*ёмно́; *ё* изъ *е* въ немъ очень часто: безца́сцьё, вели́коё, идзи́цё, даже: песни весёлыё (им. мн.); двойныя *ш* и *ж* твердыя: и*шшу*, до*жжы*; формы дат. мн. вм. ф. твор. и на оборотъ: умываюсъ горюцьми слёза*мъ*, звейцёса ясны*мъ* сокола*мъ*, по глазь*ми*, по поля*ми* цысты*мъ*; ф. 3 л. безъ *тъ*: гуля (=гуляетъ); ф. род.-вин. *ця* (=тя), *цея́*, дат. *цеё*; ф. возвр. з. на *са*. Сверхъ того, здѣсь, какъ въ сильно акающихъ говорахъ, въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ въ этихъ послѣднихъ и, сверхъ того, послѣ *ш*,—мягкое *к*: косынь*кя*, солнышк*ё*, хорошень*кё*, горь*кяя*, горь*кю*ю, синень*кё*й, и въ концѣ словъ *ф* вм. *х*: во цюжы*фъ* людзя*фъ*, мое*фъ* ясны*фъ* оцей, и*фъ* (=ихъ) [2]).

Въ другомъ говорѣ Поситья (села Захарьина, Моложскаго у.) отмѣчены лишь частое *и* вм. *ѣ*: б*и*лой, д*и*тушки, вмист*и*, *е* изъ *я*: цюже́нинъ, провоже́той, снаре́нной (=снарядный), мягкое *к*: бирёзынь*кя*,—*кю*, *нн* вм. *дн* и еще *и* вм. *е*, обыкновенно передъ мягкими согласн., какъ безъ ударенія, такъ иногда и подъ удареніемъ: б*и*рёза, б*и*се́да, д*и́*р*и*во (=дерево), д*и*нь, *и*ль (=день, ель), *и*фти гости (=эвти), дв*и*р*и́*й (род. мн.). Но *дз* и *ц* вм. *д* и *т* нѣтъ [3]).

Въ Покровоситскомъ говорѣ (того же у.) «въ словахъ *мѣлъ*, *сѣра*, *вѣсъ*, *дѣло* буква *е* произносится какъ *е* въ словахъ день, весь, а не какъ буква *ѣ*; слѣдовательно, звукъ *е* приближается къ *и*» [4]).

Въ одномъ изъ говоровъ Пошехонскаго у. (с. Давшина), при мягкомъ *ц* вм. *ч* (*ця*съ) и частомъ *ё* изъ *е* (на́ш*о*, какъ ж*о*, копiёкъ), отмѣчены *и* вм. *ѣ* предъ мягкими согл.: св*и*ча́, св*и*тлiе, гор*и́*ть (=горѣть), Тимоф*і́*й, *е* вм. *я*: петь, стое́ть, *ф* вм. *х*: *ф*то (=кто), те*фъ*, въ око́шка*фъ*, формы дат. мн. вм. ф. тв. и на оборотъ: съ на*мъ*, съ е́те*мъ* подлы*мъ* людьми, къ на*ми*, гъ двора*ми* (употребленіе ф. твор. вм. ф. дат.—признакъ вѣжливости), ф. род. *тiя́*, *сiя́*, дат. *тiе́*, *сiе́* (рядомъ: тибя́, тибе́), возвратн. зал. на *сы*: занел*сы*, занимаёт*цы*, мѣстоим. *що* (при *што*). Сверхъ того, остатки формъ члена: конямъ-*те* и т. п. [5]).

---

[1]) Матеріалы въ «Пѣсняхъ» Шейна, стр. 479 сл.

[2]) Этногр. Сб., I; Памятн. и обр. народ. яз. и словесн. (Изв. Ак. Н., I): о Поситьѣ.—Р. Филол. В. 1878 г., № 2: о Пошехоньѣ.—О «сицькаряхъ» сс. Вайловскаго, Семеновскаго и Покровскаго—Яросл. Губ. Вѣд. 1856 г., №№ 31—32 (*ц* изъ *т*, тасы=тащи).—Изъ словъ Даля можно заключить, что дзеканье слышится также въ Череповскомъ у.

[3]) Этногр. Сб., I; Р. Фил. В. 1879 г. № 2.

[4]) Шахматовъ, Изслѣдованія въ области р. фонетики. Варш. 1893, стр. 165.

[5]) Этн. Сб., II. Авторъ помѣщенной здѣсь статьи сообщаетъ, что описанный

О цокающихъ говорахъ Владимирской губ. мы знаемъ очень мало. Колосовъ отмѣтилъ въ Муромскомъ у.: *Бу*городица, оч*ю*нь; отъ другаго лица намъ извѣстно, что въ говорѣ зарѣченской (на правомъ берегу Оки) части этого уѣзда (цоканье слышится лишь въ ней) распространено стяженіе гласныхъ: зн*а*шъ, зн*а*тъ, свово, св*у* сторону; форма род. ед. можетъ оканчиваться на ов*а*, ф. род. и дат. звучатъ *тея́*, *сея́*, *теѐ*, *сеѐ*. Въ слогахъ послѣ ударенія, мѣстами, болѣе или менѣе часто, нѣчто въ родѣ *а* вм. неударяемаго *о*, но «больше *о*, чѣмъ *а*»; *ч* вм. *ц*, повидимому, неизвѣстно [1]). Говоръ сѣверо-восточной части Мелековскаго у., повидимому, тотъ же, что въ Муромскомъ; только въ немъ, рядомъ съ *ц* вм. *ч*, есть изрѣдка и *ч* вм. *ц*: *ч*алко́вой. Въ другихъ частяхъ уѣзда рядомъ съ окающими говорами—акающіе, и тѣ и другіе съ цоканьемъ [2]).

Одинъ изъ говоровъ Покровскаго у. (Воронцовская волость, дер. Арханино и др.) имѣетъ рядомъ *ц*асъ, *ц*орный, но*ц*ъ и *ч*арь, сон*ч*а (только у старшаго поколѣнія; младшее говоритъ уже «правильно»); затѣмъ отмѣчено: *у*топри́, *у*гуре́цъ, *у*броза́ (образа), морѐ, полѐ, скоре́ѐ и скоряѐ, пѐтухъ; *и* вм. *е* безъ ударенія: б*и*рѐж*о́*къ, ве́т*и*ръ, бу́д*и*тъ; твердые гортанные въ пе*ко́*тъ, запря*го́*мъ (1 л.), *жго́*тъ, мягкое *к* въ Вань*кя*, толь*кѐ* и т. п., твердыя двойныя *ж* и *ш*, стяженіе гласныхъ: ду́м*а*шъ, ду́м*а*тъ, уме́тъ, ясн*ы* дни; форма тв. мн. фсе*мя́* (отъ *весь*); остатки формъ члена: каша-*та*, масло-*то*, бабы-*те*. Повидимому, есть случаи аканья [3]).

Одинъ изъ говоровъ Юрьевскаго у. (с. Бережокъ, въ 25 верстахъ отъ Юрьева) не только имѣетъ *ц* вм. *ч*, но и *дз*, *ц* изъ мягкихъ *д* и *т*: *дзе́*ло, *ц*ele̒га, строи*ц*ь. Въ немъ еще отмѣчено: ѐво (рядомъ съ котор*ай*, им. ед., *л*ахма́тка), *ш*=*шш* и *с* въ моло*с*ной [4]).

Говоръ Нижегородской губ., Ардатовскаго у. имѣетъ, рядомъ съ очень закрытымъ *о* (*у*ддыха́ць) и съ *ц* (твердымъ) вм. *ч* и *ч* вм. *ц*,—также *дз* вм. мягкаго *д* и *ц* (мягкое) вм. мягкаго *т*: отве*дзи́*, е́*дз*етъ, Мор*дз*ви́нъ, ба́*ц*юшка, пу*цѐ*мъ, неси*ц*и́. Стяженіе гласныхъ: зн*а*тъ, свово;

имъ говоръ слышится также на правомъ берегу Шексны (Моложск. у. Яросл. г.) и въ Череповскомъ у., а говоръ другихъ мѣстъ по сосѣдству (въ Пошехонск. у. по р. Югу и въ Вологодск. у.) отличается употребленіемъ не только *ц* вм. *ч*, но и на обор.: *ц*ѐбукъ, *ц*алове́къ, *ч*ерква, а также *шт* вм. *щ*: *шт*етина, е*шт*о, *шт*авель.

[1]) Труды Владим. Губ. Стат. Комит. VII, IX, X; Ежегодникъ Вл. Г. Ст. К., I. Говоръ зарѣченской части Муромскаго у. «отличается растянутостью: тутъ-то-т*иии*, болезн*ая*яяя» (Труды, X, 76).

[2]) Труды IX, Ежегодникъ I, IV; Уч. Зап. Каз. Ун. 1895 г., № 1 (ст. Будде).

[3]) Извѣстія отд. р. яз. и сл. Ак. Н. 1896 г., II.

[4]) Владим. Губ. В. 1854 г., № 24.

ф. дат. *цее*, *цеѐ* (=тебѣ); *щ*=*шч*: пу*шч*е; спорадическое *а* вм. *о* послѣ ударенія [1]).

Цокающіе говоры Арзамасскаго у. имѣютъ только *ц* вм. *ч* (часто). Въ одномъ отмѣчены: *ё* изъ *е* безъ ударенія: ц*о*вó, ц*о*лкóвой, стяженіе гласныхъ: зн*а*тъ, форма род. *тея́* [2]).

Въ другомъ (с. Слизнева): *ё* и *и* изъ *е* безъ ударенія: н*ё*сý, *ё*вó, ж*о*нá, л*и*пёшка, идёт*и* (2 л.), мягкія *д* и *т* съ свистящимъ оттѣнкомъ, близко къ *дз* и *ц*, стяженіе гласныхъ: б*а*ть=баять, формы род. *тія*, *сія*, дат. *тіе́*, *те*, *сіе́*. Въ концѣ словъ *а* вм. *о* безъ ударенія: ви́дн*а*, гóрьк*ай* (им. ед.); *ч* вм. *ц* только въ *ч*éркофь [3]).

Изъ окающихъ и цокающихъ говоровъ Симбирской губ. мы знаемъ о существованіи лишь одного—с. Кувакина, Алатырскаго у.

Передъ нами Вятская губ. съ ближайшею къ ней заволжскою частью Нижегородской, съ частями Костромской и Уфимской.

Колосовъ по говору дѣлитъ Вятскую губ. на двѣ части—сѣверную и южную, и находитъ, что *о* сильнѣе въ первой и слабѣе во второй. По словамъ Колосова, въ вятскомъ краѣ *о* звучитъ сильнѣе къ сѣверу, слабѣе къ югу; въ его говорѣ *ё* изъ *е* не особенно часто, *и* вм. *ѣ* спорадически, преимущественно передъ мягкими согласными: зд*и*сь, но: н*и*тъ; причемъ въ однихъ и тѣхъ же словахъ на мѣстѣ *ѣ* могутъ быть и *и*, и *е* (въ концѣ словъ всегда *е*); *е* вм. *я*: оп*é*ть, забр*е*ц*é*ло; твердыя двойныя *ж* и *ш* (о*шш*ó); то твердое, то мягкое *ц*; *с* изъ *ш*: яи*сь*ниця, диви*сь*никъ; формы дат. мн. вм. ф. твор. (съ плеча*мъ*), дат. мн. *имя́*, 3 л. безъ *тъ*, неопред. накл. на *ти*: сé*ти* (часто), также неопр. н. запре*к*чи; остатки формъ члена: дор*о*гу-*ту*; мѣстоим. *штё*, *що*.

По Васнецову, вятскій край можетъ быть раздѣленъ на три части: сѣверную (сѣверныя окраины Слободскаго и Глазовскаго у.), среднюю (южныя части Слободскаго и Глазовскаго у., уѣзды Вятскій, Нолинскій, Котельническій и Орловскій) и южную (южныя половины Уржумскаго, Елабужскаго, Яранскаго, Малмыжскаго у.); изъ нихъ въ средней слышится собственно вятскій говоръ, а въ южной другой, замѣтно отличающійся отъ вятскаго и приближающійся, а часто даже сливающійся съ казанскимъ [4]). Особенности собственно вятскаго говора: «грубое» *о*, иногда переходящее въ дифтонгъ *оу*: х*оу*р*оу*шó, п*оу*лё, п*оу*пъ

---

[1]) «Сказки» Аѳанасьева.—Р. Филол. В. 1879 г., № 2.—Этнограф. Сб. V, смѣсь (с. Кужендѣево).

[2]) Р. Филол. В. 1879 г., № 2, стр. 172—163.

[3]) На основаніи сообщенія г. Сереброва. «Послѣдняя гласная буква въ предложеніи произносится протяжно: гдѣ ты *бы*...*ылъ*?»

[4]) «Для крестьянъ южныхъ уѣздовъ чисто вятскій говоръ страненъ и служитъ предметомъ ихъ ироніи».

(=попъ), и особое («какъ бы глухое») *у*: х*у*д*ý*ли, н*ý*жикъ; частое *ё* изъ *е*: доброё, морё, полё, ёй, зáднёй; взаимная мѣна *ц* и *ч* [1]); мягкое *ц*: *ця́*рь, оте*ць*; *е* вмѣсто *я*: бá*е*ть, ба*ё*лъ, фс*é*чина (=всячина); формы неопред. накл. на *ти*: учи*ти*, роубота*ти*; остатки формъ члена: баба-*та*, бабу-*ту*, бабы-*те*, бабы-*ти*, окно-*то*, окну-*ту* [2]).

Савиновъ указываетъ у Вятчанъ мѣну *ц* и *ч* («замѣтное пристрастіе къ *ч*»), *е* вм. *я*: тер*é*ть врем*é*, *я* вм. *е* подъ удареніемъ (въ нѣсколькихъ словахъ): *ля́*гче, кр*я́*сло, ф. сравн. ст. на *яе* (тепл*яе*), мѣстоименіе *штё* и *що*. Онъ замѣчаетъ: «вообще вятское нарѣчіе такъ богато провинціализмами и особенностями выговора, различнаго въ сельскомъ и городскомъ населеніи, что заслуживаетъ вниманія нашихъ филологовъ» [3]).

Будде считаетъ характерной чертой вятскихъ говоровъ неударяемое *о* склонное къ *у* какъ въ слогѣ передъ удареніемъ, такъ и въ слогахъ удаленныхъ отъ ударенія [4]).

Мартыновъ говоритъ: «Говоромъ Вятчанинъ рѣзко отличается отъ своихъ сосѣдей, исключая, можетъ быть, только Костромичанъ. Вятчанинъ, если можно такъ выразиться, щокаетъ и цокаетъ». Онъ указываетъ на очень закрытое *о* (ч*у*во=чего), на мѣну *ц* и *ч*, на очень частое *е* вм. *я* (м*é*хче, *е*йчó), на особенную мягкость *ц* и *ч* (*ц*юдо и *ч*юдо, *ч*юлъ),

---

[1]) «Рѣчь какъ бы дѣлится на мужскую и женскую. Мужская рѣчь чакающая, а женская цокающая. Въ мужской рѣчи *ц* произносится какъ *ч*, въ женской на оборотъ—*ч* произносится какъ *ц*, а *ц* произносится мягко. Чакающая рѣчь грубовата, а цокающая, напротивъ, отличается мягкостью».

[2]) Календарь Вятской губерніи на 1892 г. Вятка, 1891.

[3]) Вѣстн. И. Р. Геогр. Общ. 1858 г., ч. 24, стр. 118. «По мѣрѣ того, какъ вы углубляетесь во внутренность вятскаго края, вы замѣчаете въ рѣчи жителей болѣе и болѣе итальянской пѣвучести (протяженіе голоса на послѣднемъ слогѣ), которая чрезвычайно непріятно дѣйствуетъ на ваше непривычное ухо».—Первое, чѣмъ отличается Вятчанинъ, это растянутость или пѣвучесть въ выговорѣ, которая замѣтна не только у простолюдиновъ, но и у всѣхъ, кто не выѣзжалъ за предѣлы Вятской губ.». Журн. М. Нар. Пр. 1850 г., ч. 65, стр. 148 (=Вятск. Губ. Вѣд. 1847 г., № 32).—По Колосову, Вятчане мѣстами говорятъ съ растяженіемъ гласныхъ, пѣвучею рѣчью: ничев*оо* и т. п. Кажется, всѣ гласные могутъ имѣть долготу. Растяженіе гласныхъ не всегда совпадаетъ съ удареніемъ, а проявляется и независимо отъ него. Явленіе этой долготы довольно рѣдко. Оно, насколько знаю, встрѣчается мѣстами только въ Вятскомъ и Слободскомъ уѣздахъ. Въ одномъ словѣ можетъ быть два долгихъ гласныхъ.» Замѣтки, стр. 64—65.—По Васнецову, въ собственно вятскомъ говорѣ въ концѣ *о* растяжимо: ну-*коо*, зерн*оо*, худ*оо*. Календ. Вятск. губ. на 1892 г., стр. 235.

[4]) Уч. Зап. Каз. Ун. 1896 г., № 10, стр. 30. По автору, «поговорка Вятчанъ не можетъ быть названа пѣвучей; она нисколько не похожа на поговорку подмосковныхъ крестьянъ или вообще акающихъ и скорѣе поражаетъ слухъ своимъ отчеканиваніемъ каждаго слога въ словѣ, чѣмъ плавностью, замѣчаемой въ пѣвучихъ великорусскихъ говорахъ.»

на *г*=какъ-бы *хг* (*хг*орохъ), на твердое двойное *ш*, на *нн* вм. *дн* (*ланно*), на ф. возвр. з. на *си* (случи́*лси*), на мѣстоим. *штё* и *щё* [1]).

Изъ говоровъ отдѣльныхъ мѣстъ Вятской губ. мы знаемъ о слѣдующихъ.

Въ говорѣ Вятскаго у. (сс. Вожгальское и Верхобыстрицкое) отмѣчены: мягкое *ц* вм. *ч* и на оборотъ, *ё* въ бу́дётъ, со тыё воды, ста́рыё старухи, даже жони́дьба, *и* изъ *е* въ сти*г*а́ть, т*и*бе, м*и*ня, *и*што́, *е* изъ *я* не только въ вз*е*́ть, загул*е*́ли, пр*е*́ницьки, но и въ вз*е*ла́, в*е*за́лъ, н*е*́сь, *и* изъ *ѣ* въ кл*и*ть, зд*и*сь, *я* въ др*я*́во, твердое двойное *ш*: тёш*ш*о, форма род. на ов*а*, тв. ед. съ ма́терь*ёвъ*, дат. мн. ко дверь*ми*, тв. мн. на *мъ*, дат. и тв. мн. *имя́*, 1 л. вид*ю* [2]).

Въ говорѣ Слободскаго у., кромѣ закрытаго *о*, близкаго къ *у* (п*у*́пикъ=попикъ, б*у*ло́то), *ё* изъ *е* «излюбленнаго здѣшнимъ нарѣчіемъ», переходящаго послѣ *г*, *к* даже въ *о*: мого́шъ, мого́тъ, мого́те (=можешь), «постояннаго» употребленія *ч* вмѣсто *ц* и «нерѣдкаго», *ц* вмѣсто *ч*, отмѣчены: долгое *и* изъ *ѣ*: кл*и*ть, св*и*чи, н*и*тъ, *е* изъ *я*: т*е*́нётъ, п*е*ть, даже: *е*зы́къ, в*е*за́ть, м*е*сно́й, твердое двойное *ш*: о*шш*о, пе*шш*о́ра, откуда простое *ш*: *ш*ока =щека, формы род. на ов*а*, формы дат. мн. вмѣсто ф. твор. и на оборотъ: ходитъ нога*мъ*, купилъ сукно дить*ми*, подошолъ къ на*ми*, формы твор. мн. *имя́* (=ими), формы неопред. накл. на *ти*: съѣ*сти* (=съѣсть), ф. неопред. накл. пе*кчи*, ф. сравнит. степ. на *яе*, мѣстоименіе *штё* и *що*. Сверхъ того: мягкое *ц*: *ц*ию, *с* вмѣсто *ш* передъ *н*: мо*л*осной, *мм* вм. *бм*: о*мм*анъ, иногда твердое *л* передъ *н*: колоко*лн*а, формы дат.-мѣстн. дочер*е*́, матер*е*́, лошад*е*́, печ*е*́, ф. 1 л. ед. коло*т*ю, вре*д*ю, пус*т*ю, бро*с*ю, мо*ж*у [3]).

Въ говорѣ Кайгорода мѣстоименіе *что* звучитъ *чо* [4]).

Говоръ Глазовскаго у. (Ухтымскаго прихода и смежныхъ мѣстъ) имѣетъ очень закрытое *о*: оц*ю*нно, частую мѣну *ц* и *ч* (*ц*юю, с*ч*есье=счастье, молоди*ч*а, лю*ч*ки=людски), частое *и* вм. *ѣ* передъ мягкими согл. и въ концѣ словъ: д*и*вки, кл*и*ть, с*и*сь=сѣсть, нельз*и*́, *е* изъ *я* передъ мягкими согласными: оп*е*́ть, бре*ч*а́ть (но: бр*я*́кнуть), ц*е*́ю (=чаю), спорадическое *и* вм. *е* безъ ударенія: т*и*бе́, ц*и*во́, стяженіе гласныхъ: б*а*тъ. ф. дат. мн. вм. ф. твор. и на оборотъ: зъ борона*мъ*, по луга*ми*, ф. 3 л. безъ *тъ*, «если передъ *тъ* должны быть два гласныхъ»: тоску*ё*, цю*ё*. мѣстоим. *штё* и *що*. Сверхъ того, ф. 3 л. возвр. з. чу́е*чча*, люб*у*́е*чча* и т. п. [5]).

---

[1]) **Братчина**, Спб. 1859, стр. 277 слѣд.

[2]) Матеріалы въ архивѣ И. Р. Геогр. Общ.

[3]) **Календарь** Вятской губ. на 1892 г.;—**Куропчевъ**. Слободской уѣздъ Вятск. губ. въ географич. и статистич. отношеніяхъ. Вятка, 1881.

[4]) **Кал.** Вятск. г. на 1892 г., стр. 211.

[5]) **Календарь** Вятской губ. на 1880 г. Составилъ Н. Спасскій.—Будде отмѣ-

Говоръ **Котельнича** и его уѣзда имѣетъ *ч* вм. *ц* (о *ц* вм. *ч* не упомянуто), ф. 2 л. ед. возвр. з. ругáе*шша*, бранú*шша* и т. п., ф. неопред. н. на *ти*: говори*ти*, мѣстоим. *штё* [1]). Сверхъ того (с. Вознесенское): *и* изъ *ѣ* въ ј*ú*дямъ (=ѣдемъ), ср*ú*тиньска вóлось, *е* въ петь.

Въ одномъ говорѣ **Орловскаго** у. (с. Истобенское) всѣ шипящіе мягки; еще: *ё* въ тожё, до самоё Вятки; мягкое *к*: верыш*ькé*фъ (род. мн.); *х* вм. *в* въ ф. род. мн.: товáро*х*ъ, и въ предлогѣ *въ*: *хъ* Полянахъ; стяженіе гласныхъ: ворóч*я*шь, протяг*á*шь, при перест*аа*мъ, 1 л. мн.; ф. род. ед. одн*oó*, безъ *в*, тв. мн. на *мъ*; мѣстоименіе *штё*. Въ другомъ (подъ г. Орловомъ) отмѣчено: Орлóўо, на л*ы*шадя́хъ, болшой. Въ одномъ говорѣ **Нолинскаго** у. (с. Нема) отмѣчено: *ц* (мягкое) вм. *ч* и на оборотъ и звукъ средній между *ц* и *ч*, глухое *ы* изъ *о*: гóр*ы*тъ (=городъ), п*ы*везў, ассимиляція гласныхъ: зн*аа*тъ, зн*аа* (3 л. ед.), формы дат.-тв. мн. *имя́*, 3 л. ед. и мн. безъ *тъ*: гывор*я́* (мн.), пывез*ý*. Въ другомъ говорѣ (д. Грязево, волость Пужинская): спорадическое открытое *о*: вóлось (=волость), *ё* и *и* изъ *е* безъ ударенія: будётъ, другіё (им. мн.), нóньц*и*, дэ́с*и*ть, *и* изъ *ѣ* въ нед*ú*ля, ассимиляція гласныхъ въ быв*áа*тъ (3 л.), робóт*аэ*тъ. Въ четвертомъ говорѣ (д. Бабики, подъ г. Нолинскомъ): *е* изъ *я* въ петь, *и* изъ *ѣ* въ н*ú*тъ, мягкое *к* въ толь*кя*, ф. тв. мн. съ лента*мъ*, 3 л. мн. говор*я́*; мѣстоименіе *щё* [2]).

Въ говорѣ **Уржумскаго** у. отмѣчены: рѣдкое употребленіе *ц* вмѣсто *ч* и на оборотъ, частое *ё* изъ *е*: *лягитё*, пóлё, э́дакіё воры, спорадическое *и* изъ *ѣ*: зд*и*сь, сн*и*къ (=снѣгъ), *е* изъ *я* (почти постоянно передъ мягкими, изрѣдка и передъ твердыми согл.): бречéть, горéчь, дéдя, вéзнуть, грéзной, дóч*ке* (изъ дóч*кя*; рядомъ, въ отдѣльныхъ словахъ *я* вм. *е*: л*я́*хче), твердое двойное *ш*, мягкое *к*: клю*кя*, вóйс*кё*, гóрь*кё*, губéрьс*кёй*, тóль*кё*, крючó*къ*, крюч*кё*мъ, двойное *м* вм. *бм*: о*мм*орокъ, о*мм*éнъ (=обмѣнъ), спорадическое *с* вмѣсто *ц* и *ш*: сарь (=царь), половиса, списъ (=спишь), формы род. ед. менé, дат. мн. имя́ (=имъ), къ лошадя́*ми*, мѣстн. ед. фъ костé, фъ грезé (=въ кости, въ грязи), неопред. н. дá*ти*, ходú*ти* и т. п., бе*х*чú, же*х*чú, сравнит. ст. на *яе*, мѣстоименіе *штё* (рядомъ по-*шчо*). Стяженіе гласныхъ рѣдко: дел*аё*тъ, зн*аё*тъ, копе*ё*къ [3]).

О говорѣ **Сарапульскаго** у. мы знаемъ лишь то, что въ немъ

тилъ въ Глаз. у. (с. Лима) *у* въ корó*у* (род.), при рублё*ф*ъ, твердое *л*: бол*ш*о, и ф. род. ед. у *ко* (=кого).

[1]) **Этнограф. Сб.**, V, стр. 88–89. Авторъ (Глушковъ) замѣчаетъ: «языкъ — есть чисто русскій; произношеніе словъ вообще просто и твердо».

[2]) **Уч. Зап. Каз. Ун.** 1896 г., № 10, стр. 31—32, ст. Будде.

[3]) **Магницкій**, Особенности русск. говора въ Уржумск. у. Вятск. губ. Казань, 1885. Тотъ же говоръ, по Магницкому, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Орловскаго уѣзда. Васнецовъ объ уржумскомъ говорѣ замѣчаетъ, что въ немъ *о* не только звучитъ «мягче», чѣмъ въ говорѣ вятскомъ, но даже переходитъ въ *а*: харомы, карова (?). **Кал. Вятск. г.** на 1892 г., 235.

есть *и* вм. *ѣ*: в*и*сь (=вѣсть), *е* вм. *я* (крич*е́*ть), ф. дат. мн. вм. ф. твор., ф. им*я́*=имъ [1]).

Говоръ Малмыжскаго у. имѣетъ «нѣкоторыя особенности, довольно замѣтно отличающія его отъ другихъ великорусскихъ». Отмѣчено *с* вм. *ц*: *с*эрква, *с*эловальникъ [2]).

О говорѣ ветлужскаго края наши свѣдѣнія крайне скудны. Мы знаемъ, что въ предѣлахъ Нижегородской губ. онъ таковъ же, какъ и во всемъ ветлужскомъ краѣ, что онъ отличается отъ говора горной стороны Волги, что въ немъ «всегда» *ц* вм. *ч* [3]), что ему свойственно стяженіе гласныхъ: зн*а*шъ, зн*а*тъ, заиндев*е*тъ (= -вѣетъ), так*а* тростычка [4]), что подъ г. Ветлугою *ц* мягко, есть *и* изъ *ѣ* (п*и*сьня, но д*е́*виця) и *е* изъ *я* (оп*е*ть), при формахъ тв. мн. на *мъ* [5]). Въ говорѣ Варнавинскаго, Ветлужскаго и Кологривскаго у. Костромской губ. отмѣчены лишь *ц* вм. *ч* и *в* вм. *л*: мо*в*чать [6]).

Изъ говоровъ Пермской губ. мы имѣемъ болѣе подробныя свѣдѣнія лишь о немногихъ.

Въ говорѣ Шадринскаго у. часто слышится *ё* изъ *е* безъ ударенія: ви́тёръ, тоску́ётъ, ва́ш*о*, куда́ ж*о*, *и* вм. *ѣ* передъ мягкими согл.: с*и*ть, полет*и́*ли, безд*и́*льникъ, даже: одол*и́*ла, *е* вм. *я* не только передъ мягкими, но (иногда) и передъ твердыми согл.: п*е*ть, па́м*е*ть, хоз*е́*инъ, п*е*тно́, вз*е*ла́, стяженіе гласныхъ: зн*а*шъ, зн*а*тъ, зн*а*мъ, твердое двойное *ш*: *шш*ока́, ф. род. на ов*о* и ов*а*, ф. твор. *имя́* (=ими). Сверхъ того: *и* вм. *е* безъ ударенія (спорадически): н*и*ди́ля, в*и*дёте, т*и*бе́; мягкое (иногда) *ц*; ф. 2 л. ед. возвр. з. берё*шша* и т. п.; остатки формъ члена: мужыка́-*то*, мужыку́-*ту*, мужыки-*те*, о мужыка́хъ-*ту* [7]).

Говоръ г. Чердыни и Чердынскаго у. очень близокъ къ шадринскому. Отмѣчены: *и* вм. *ѣ*, *е* вм. *я*, стяженіе гласныхъ, твердое двойное

---

[1]) Календарь Вягской губ. на 1880 г., стр. 79.

[2]) Современникъ, т. 59 (ст.: «Народн. бытъ въ сѣвер.-вост. Россіи»). Говоръ подъ Царевосанчурскомъ—«протяжный на букву *а* (свысока)», т. е. акающій? Кал. Вятск. г. на 1893 г., стр. 259.

[3]) Вѣстн. И. Р. Географ. Общ. 1858 г., ч. 23, стр. 164. Въ ветлужск. краѣ (Нижегор. губ.) были деревни, выселенныя изъ Тульской губ., акающія (стр. 163). Рѣчь Ветлужанъ отличается «весьма растянутымъ произношеніемъ слоговъ, имѣющихъ на себѣ удареніе, и весьма краткимъ произношеніемъ прочихъ слоговъ, отчего происходитъ неровность въ рѣчи, весьма непріятная для слуха».

[4]) Графъ Н. Толстой. Заволжскіе очерки. М. 1857.

[5]) На основаніи сообщенія г. Ястребова. Даль указываетъ въ Макарьевскомъ уѣздѣ особенно сильную мягкость *ц*: *цярица*.

[6]) Матеріалы для геогр. и статист. Россіи. Костромская губ. Спб. 1861, стр. 498.

[7]) Матеріалы для знакомства съ пермскими говорами въ Пермскомъ Сборникѣ, томы I и II, М. 1859—60, и въ «Сказкахъ» Аѳанасьева.

ш, ф. род. на ов*а*, дат.-мѣстн. гъ дочер*е́*, на ел*е́* (на ели). твор. мн. прилагат. и мѣстоименій на *мя*: столами дубо́вы*мя*, фсе*мя́* городами (даже: цвето́чк*имя* аленькимя), 1 л. ед. зле*тю́* (=взлечу), неопр. н. *легчи́*. Сверхъ того, *и* вм. *е* безъ ударенія (изрѣдка): *и*шо́ (=еще) [1]).

То же можно сказать о говорѣ Кунгурскаго у. Колосовъ отмѣтилъ въ немъ (и въ говорѣ Пермскаго у.) формы сравн. степ. на *яя*: добр*я́я*, и мѣстоименіе *чо* или *цо*.

О говорахъ Соликамскаго и Ирбитскаго у. мы знаемъ лишь то, что *о* въ нихъ звучитъ очень закрыто (отмѣчено: б*у*дли́вая, кл*у*б*у́*къ), что *и* можетъ быть на мѣстѣ *ѣ* [2]) и что *с* въ ирбитскомъ говорѣ (по Колосову) иногда замѣняетъ *ц*: улиса, сарь, а губныя *п* и *ф* въ исходѣ словъ всегда звучатъ твердо: кора*пъ*, любо*фъ*.

Въ говорѣ Екатеринбургскаго у. (д. Черноусова) отмѣчено *у* изъ *о*: на *у*собицу, *и* изъ *ѣ* передъ мягкими согласными: с*и́*ни, засв*и́*чивать, даже: нев*и́*стушка, *е* изъ *я*: р*е*бина, чуж*е*нинъ, тр*е*сла, *и* изъ *е* безъ ударенія: кл*и*но́вой (при кл*и*нъ-дерево), дубов*и*нькой, *и*що, стяженіе гласныхъ: св*о*м*у́*, быв*а́*тъ, *с* изъ *ц*: лис*о́*, кольс*о́*, сарь, молоде*с*ъ (при мягкомъ *ц*: се́р*ця*, лу*цё*къ=лучокъ), формы род. на ов*а*, дат.-мѣстн. ед. ж. р. на з*а́*вод*е*, тв. мн. на *мъ*, сравн. ст. свѣтл*ѣ́*; мѣстоименіе *чо*. Сверхъ того: въ говорѣ Кыштымскаго завода: заѣ*жд*яй; въ говорѣ Уткинскаго завода: и*што́* (еще), ф. 2 л. возвр. з. добье*шша* [3]).

Въ говорѣ Верхотурья отмѣчены: мѣна *ц* (мягкаго) и *ч*: ви́*ця* и ви́*ча*, стяженіе гласныхъ: бе́г*а*тъ, бе́г*а*мъ, твердое двойное *ш*: *шшока́*, формы дател. мн. вмѣсто ф. твор.: за губ*а́мъ*, формы дат. мн. *имя́*, *емя́*, *фсемя́* (=имъ, всѣмъ), формы род. фсе́*и*хъ, дат. фсе́*и*мъ и т. д. (=всѣхъ, всѣмъ [4]).

Въ говорѣ Богословскаго завода (Верхотурскаго у.) отмѣчено: ал*іе*тца, д*и*вья красота, улиса, платьисо, товари*шшы*, ф. 2 л. возвр. з. загляди*шша*.

Въ говорѣ печорскаго края (с. Усть-цыльма) *о* «иногда какъ-бы приближается къ короткому *у*»: п*у*шо́лъ д*у*мо́й; *ё* изъ *е* безъ ударенія не особенно часто: са́*ж*онъ (род. мн.), зна́*ё*тъ, зна́*ё*шъ, но: бер*у́*, нес*у́*, бе́р*е*къ (=берегъ); *ц* (мягкое) вмѣсто *ч* какъ-будто постоянно: *ц*яша, *ц*юдо, а *ч* вмѣсто *ц* или совсѣмъ не употребляется, или очень рѣдко; *и*

---

[1]) Даль отмѣчаетъ въ чердынскомъ говорѣ еще формы неопр. н. на *ти*: ходи*ти*.

[2]) Скудные матеріалы въ Запискахъ Уральскаго Общ. любител. естествознанія, томы III и VII, Екатеринбургъ, 1875—83.

[3]) Шишонко, Отрывки изъ народнаго творчества Пермской губ. Пермь, 1882. Даль сообщаетъ, что въ Екатеринбургѣ слышится (равно какъ и въ Верхотурьѣ) *ф* вм. *х*: добры*фъ*.

[4]) Вѣстн. И. Р. Географ. Общ., кн. X, 1854 г.

вмѣсто *ѣ* спорадически: мн*и*, тоб*и́*, на стол*и́*, фъ го́род*и* (но: све*т*ъ, све́цька, све́телъ); *е* изъ *я* не только передъ мягкими, но (иногда) и передъ твердыми согласными: д*е́*дя, зеть, фсяка фсе́цина, благословле́ть, светой, се́дутъ (=сядутъ); стяженіе гласныхъ: зн*а*тъ (но: мо*е*го и т. д.); двойное *ж* иногда твердо: до*жж*у́, до*жж*о́мъ; *ф* въ концѣ словъ всегда твердо: любо́*фъ*, кро*фъ*; формы твор. мн. существительныхъ на *мы*, прилагательныхъ на *ма*: бѣлы*ма* рука́*мы*, шыроки*ма* река́*мы*; ф. 3 л. ед. безъ *тъ*: несё (рядомъ: несё*тъ*); ф. возвр. з. на *се*; остатки формъ члена: хлѣбо-*тъ*, каша-*та*, ма́сло-*то*, кашу-*ту*, в-ызбушки-*ты*, кони-*ти*; мѣстоименіе *цё* (=что). Сверхъ того: *ѣ* произносится «значительно мягче *е*»; формы род. ед. сохраняютъ древнее *г*: до́бро*г*о, тво*е*го [1]).

О цокающихъ говорахъ южнаго Пріуралья у насъ нѣтъ свѣдѣній.

Сибирь въ діалектическомъ отношеніи намъ очень мало извѣстна. Главная часть ея русскаго населенія состоитъ изъ переселенцевъ съ нашего цокающаго сѣвера, прибывшихъ въ Сибирь въ XVII в. Понятно, ихъ говоры имѣютъ очень много общаго съ говорами Архангельской, Вологодской, Вятской, Пермской губ. и разница между ними состоитъ по преимуществу въ словарномъ матеріалѣ [2]). Лишь немногіе изъ нихъ, сѣверно-сибирскіе, выработали себѣ подъ вліяніемъ инородческихъ языковъ новыя черты. Такъ, «выговоръ нѣкоторыхъ звуковъ и тонъ разговора, или повышеніе и пониженіе голоса въ рѣчи, характеръ вокализаціи у русскихъ туруханскихъ уроженцевъ отличаются почти тѣми же особенностями, какъ и у Остяковъ. «Напримѣръ, подобно Остякамъ, они вмѣсто *ч*, *ш*, *ж*, *р* выговариваютъ *с*, *з* и *л* или *рл*: посолъ, осень,

[1]) На основаніи сообщенія Ѳ. М. Истомина. Онъ замѣчаетъ: «рѣчь произносится довольно быстро, какъ-бы говоркомъ, и вся сила ударенія сосредоточивается на самомъ концѣ реченія или фразы, очень часто на приставочномъ словцѣ *вѣдь* или *да*; при этомъ повышеніе голоса на удареніи можно измѣрить октавою (сравнительно съ остальною рѣчью)». Примѣры: масло-то однако, парень, я и позабылъ ве́ть. Цяшу-ту потъ кашу-ту хошь взялъ лй? Цяшу-ту взялъ да́; масла-то набъ было взеть да́. Цё ино́! Инъ правда твоя́.

[2]) «Въ Туруханскѣ нѣкоторые казаки и мѣщане умѣютъ говорить по-остяцки и по-тунгузски. А на низу Енисея и за тундрой Русскіе почти вовсе и не говорятъ по-русски, а по большей части говорятъ на мѣстныхъ инородческихъ языкахъ... Въ самомъ русскомъ туруханскомъ нарѣчіи изъ 66 словъ число мѣстныхъ, какія мы успѣли записать такъ сказать на лету, до 33 словъ чисто остяцкихъ и тунгузскихъ и словъ 8 финнскихъ, употребляемыхъ и въ архангельскомъ русскомъ нарѣчіи». Извѣстія Сибирск. отд. И. Русск. Географич. Общ., т. III (1872), стр. 189—190, ст. Щапова. (О «русско-сибирской народности» вообще и ея языкѣ въ частности см. еще «Этнографическіе очерки Сибири». Анучина, въ Ремесленной Газетѣ 1876 г.).

больсой, зарко, ме*рла* (=мѣра), *аль*сынъ [1]). «Всѣ коренные жители Нижнеколымска картавятъ», замѣняя *р* и *л* черезъ *j* и мягкое *т* черезъ *ч*: иба=рыба, ёмъ=ромъ, юди=люди, тепей=теперь, пьиехаи=пріѣхали, *ч*её=тѣло, *ч*еёнокъ=теленокъ. Они «вставляютъ якутскія слова, употребляютъ якутскую фразировку и не совсѣмъ свойственное русской рѣчи построеніе» [2]). «Въ Обдорскомъ краю замѣчается то же явленіе. Но такъ какъ обдорское населеніе состоитъ большею частью изъ сравнительно недавнихъ пришельцевъ, то оно не такъ распространено и не такъ рѣзко выражено, какъ въ Туруханскомъ и Колымскомъ краяхъ. Сюсюканье встрѣчается лишь у природныхъ Обдорянъ, и то не у всѣхъ». Они имѣютъ и *л*, и *р*, но смѣшиваютъ свистящіе и шипящіе (даже *ж*олото, *ж*убы). «Сюсюканье, или сладкоязычіе есть явленіе, общее всѣмъ сѣверно-сибирскимъ поселеніямъ. Оно усиливается по направленію къ востоку и сѣверу» [3]).

Изъ говоровъ западной Сибири мы имѣемъ нѣсколько данныхъ о говорѣ с. Усть-Ницынскаго, Тюменскаго округа, Тобольской губ. Отмѣчено: *ч* «иногда» вм. *ц* и *с* «почти всегда» вм. *ц*: улиса, сэрьква, молодесъ, *и* «часто» изъ *ѣ*: в*и*рить, зв*и*рь (*ѣ* въ в*ѣ*ра, б*ѣ*съ произносится «правильно»), твердое двойное *ш*: дружы*шшо*, *шшу*ка, и наконецъ «самая типичная особенность»—«средній звукъ между *в* и *у*» (т. е. *ў*?) на мѣстѣ твердаго *л* въ концѣ и серединѣ словъ: бра*ў*, ходи*ў*, па*ў*ка Остатки формъ члена: домо-*тъ*, дома-*та*, дому-*ту*, домомъ-*то*, домá-*те*, домовъ-*то*, домамъ-*те*, домами-*те*, о домахъ-*то*; вода-*та*, воды-*то*, водѣ-*то*, водой-*то* [4]).

Говоръ большаго села Самарова, Тобольскаго округа, повидимому, сильно подвергся вліянію литературнаго языка, и въ немъ остаются лишь остатки прежнихъ особенностей. Отмѣчено: *и* вм. *ѣ* въ с*и*ти, с*и*ни, в*и*никъ, изув*и*чить, над*і*ятца, но обыкновенно *ѣ*=*е*; *е* изъ *я* въ оп*е*ть, м*е*чикъ, д*е*веть, т*ы*сеча, запрег*á*ть, *ч*ех*ó*тка, но: п*я*ть, гр*я*сь, вил*я*ть; *с* въ *с*ар*á*пать; твердыя двойныя *жж* и *шш*; *вв* и *мм* вм. *бв*, *бм*: о*вв*од*и*ть, о*мм*áнъ; стяженіе гласныхъ: зн*амъ*, игр*амъ*; формы род. на ов*а*, тв. мн. те*мя* людьми,

[1]) Тамъ же. стр. 190.

[2]) Тамъ же, стр. 162.—Сибирскій Сборникъ (Ядринцева) 1887 г. Спб. 1887 г., стр. 16.—Верхоянскій Сборникъ, составл. Худяковымъ (Труды Восточно-Сибирск. отд. И. Р. Геогр. Общ.), Иркутскъ, 1890.

[3]) Бартеневъ, На крайнемъ сѣверо-западѣ Сибири. Спб. 1896, стр. 20;—Жив. Стар. 1894 г., I, ст. Бартенева. О кяхтинско-маймачинскомъ яз. мы считаемъ излишнимъ распространяться: онъ не принадлежитъ къ числу русскихъ говоровъ.

[4]) Жив. Ст. 1894 г., I. «Пѣвучесть и растянутость произношенія», говоритъ наблюдатель, вызываютъ насмѣшки со стороны сосѣдей, которые имѣютъ «особую интонацію».

худы*мя*; сравнит. ст. скор*я́*, сильн*я́*; остатки формъ члена: титьку-*ту*. Сверхъ того: *е* «сохраняется», но т*и*бя, с*и*бя, *и*шшо; ф. дат. и мѣстн. ед. ж. р. и ф. дат. и тв. мн. «правильны» [1]).

Въ юго-западной части Томской губ. говоры разнообразны. Въ Тарѣ и въ другихъ мѣстахъ акаютъ; у казаковъ на Иртышѣ говоръ средній между окающимъ и акающимъ; казаки на Алтаѣ слегка акаютъ; напротивъ, казаки около Петропавловска сильно окаютъ. Отмѣчено: *с* почти всегда вм. *ц*: *с*ана́ (цѣна), я́*и*са (въ деревняхъ внутри Томской губ.), формы дат.-мѣстн. ед. на пут*е́*, на лошад*е́*, горст*е́*, мѣстн. ед. на т*е*мъ, на ч*е*мъ, тв. мн. *имя́* (ими), неопр. н. пе*к*чи, ля́*к*чи [2]).

Сверхъ того, мы имѣемъ отрывочныя данныя изъ другихъ мѣстъ западной Сибири. Звукъ *ё* въ бё́ру, нё́су отмѣченъ въ Ишимскомъ у.; *и* изъ *е* подъ удареніемъ: л*и́*бедь, дв*и*рь, д*и*нь, т*и*сть, п*и́*тля, п*и́*чка, м*и*льница, рядомъ съ *и* изъ *ѣ* передъ мягкими согласными,—тамъ же; *с* изъ *ц* («почти всегда»)—тамъ же; мягкое *к* въ Ва́чь*кя*, чай*кю*—въ Туринскомъ у.; мягкія *ж* и *ш*: *ж*ярь, *ш*ягь, мо*жь*но, то*шь*но—въ Тарскомъ у.; формы у мен*е́*, у теб*е́*, у себ*е́*—тамъ же; формы 2 л. возвр. з. годи*шша*, брани*шша*—въ Курганѣ. Затѣмъ отмѣчены безъ точнаго указанія мѣста (въ у. Ишимскомъ, Курганскомъ и Тарскомъ, Тобольской губ.): *ѣ* въ м*ѣ*ра, с*ѣ*ра, в*ѣ*съ звучащее «большею частью» какъ наше *е* въ день, с*ѣ*ть, м*ѣ*рь; *ё* въ здоро́вьё, полё, чи́стоё, мн. ч. дубо́выё, сравн. ст. бѣляё; *и* изъ *е* безъ ударенія: бу́д*и*тъ, ле́б*и*дь, вѣ́т*и*ръ, проща́йт*и*; *я* изъ *е*: взё́ть, дё́дя. хозё́йка, *е*дро́, петакъ; *т* изъ *к*. въ *т*и́нуть, *т*исе́ль, и на оборотъ: *к*и́хо, *к*етрать; твердое *ц*; твердыя двойныя *ж* и *ш*; *мм* изъ *бм*: о*мм*анъ; стяженіе гласныхъ; формы тв. мн. на *мъ* и на *мя*: добры*мя* людьми, фсе*мя́*, дат. мн. *имя́*, возвр. з. на *се*; сравнит. ст. на *яя*, *яе*, *яё*, *я* (скор*я*) [3]).

Наконецъ, мы имѣемъ указаніе, что великорусское населеніе Алтая имѣетъ очень закрытое *о* (отмѣчено *у*пять, д*у*ко́ль, *у*тко́ль), двойное твердое *ш*, стяженіе гласныхъ (подним*а*тъ), формы род. на ов*а* и мѣстоименіе *чо* (=что) [4]).

---

[1]) Лопаревъ. Самарово, село Тобол. губ. и округа. Изд. 2-е. Спб. 1896.

[2]) Этнограф. Сборникъ, VI, ст. Потанина. Данныя изъ Томскаго округа (волости Ояшинская, Кайлинская, части волостей Уртомской и Тутальской)—въ Жив Ст. 1895 г., III—IV. Говоръ акающій (старики акаютъ замѣтно сильнѣе, чѣмъ молодые), но главныя особенности—окающихъ говоровъ: *с* часто вм. *ц*, стяженіе гласныхъ: зн*а*тъ, крутящ*а* гора; ф. тв. мн. *имя*, 1 л. носю, косю. шу*т*ю; мѣстоименіе *чё*.

[3]) Изв. отд. р. яз. и сл. Ак. Н. 1896 г., III.

[4]) Вѣстн. И. Р. Геогр. Общ. 1858 г.. ч. 24, стр. 106—108;—Журн. Мин. Нар. Пр. 1894 г., № 5. стр. 65. Гуляевъ о говорѣ населенія алтайскаго Сузунскаго завода (Томской губ.) говоритъ: онъ «тотъ же. что въ сѣверо-восточныхъ частяхъ европейской Россіи. грубый для непривыкшаго къ нему уха... по самой интонаціи,

Говоръ, говоритъ наблюдатель,—одинъ и тотъ же во всей восточной Сибири: въ Иркутскѣ, въ низовьяхъ Ангары, на Илимѣ, въ Верхнеудинскѣ, въ Нерчинскѣ, по Шилкѣ и Амуру, въ Камчаткѣ, у Охотскаго моря; всѣ жители восточной Сибири «считаютъ его своимъ». Въ немъ, при мѣнѣ *ц* и *ч*, *о* звучитъ очень закрыто (отмѣчено даже: н*у́*ги=ноги, на т*у́й* стороне, д*у́*ле =доле, подг*у́*рье), нерѣдко *и* вм. *ѣ*: хл*и*бъ, пере*и́*халъ, и *е* вм. *я*: оп*е́*ть; встрѣчается *и* вм. *е* и на оборотъ: с*и*мь (=семь), шал*е́*ть (=шалить), бр*е́*тца (= бриться); «повсемѣстно» *в* вм. твердаго *л*: бы*в*а (=была), *в*ошка (=ложка; въ нѣсколькихъ словахъ?); *т* вм. мягкаго *к*: *т*ину (=кину), рукавич*ти*, реч*те* (=рѣчкѣ; въ нѣсколькихъ словахъ?); *нн* вм. *дн*, *кн*: ла*нн*о, три *нн*и (=дни), су*нн*о (=сукно); *вв* вм. *бв*: о*вв*одить, о*вв*арно́й; *с* вм. *ш*: пасня, сесть (=шесть), наси (въ нѣсколькихъ словахъ?); *х* вм. *ф* въ формахъ род. мн.: изъ мешко*хъ*, прутьё*хъ*; формы дат.-мѣстн. на *ы*, род.-дат.-твор.-мѣстн. на *ей*: съ т*ей* жоной, съ как*ей* стороны, въ одн*ей* шкуре; ф. дат. мн. вм. твор. и на оборотъ: съ рука*мъ*, по людь*ми*, дат. и тв. мн. *имя́*, неопр. н. бекчи, мокчи (=мочь), взясть (=взять), гнасть, достасть, сля*чча* (=шляться), сравн. ст. на *яе* [1]).

О смѣшанномъ и сильно пострадавшемъ отъ вліянія инородцевъ говорѣ Верхоянскаго округа Якутской губ. мы имѣемъ немного данныхъ. Въ немъ есть случаи аканья: ч*а*во́, с*а*бе́, т*а*пе́ръ, рядомъ съ перв*уё* ме́сто, ка́мушёкъ, случаи *и* изъ *ѣ*: н*и́*ту, *е* изъ *я*: оп*е́*ть, *с* изъ *ц*: *с*аръ, *с*ерква (при мягкомъ *ц*), *в* изъ *л*: вы*в*омать, твердое *р*: ца*ръ*, мо*ро*, пр*а*тать, твердые гортанные въ мо*го́*мъ, (1 мн.), воло*ко́*тъ, стяженіе гласныхъ: зн*а*шъ, робе́шъ; формы род. мн. отъ песцё*хъ*, лисицё*хъ*, медведё*хъ*; тв. мн. съ ни*ма́*, съ этим*а* людьми, 1 л. сер*д*ю, неопр. н. легчи,

---

похожей въ оживленномъ разговорѣ на речитативъ» (Пам. нар. яз. и словесн. при Изв. Ак. Н. II).

Рядомъ съ Великоруссами на Алтаѣ живутъ говорящіе по-бѣлорусски раскольники изъ Вятки и Черниговской губ., извѣстные у сосѣдей подъ названіемъ «Поляковъ»; другая часть ихъ, «семейскіе», живутъ за Байкаломъ (Записки Зап.-Сибирск. отд. И. Р. Геогр. Общ., кн. II, Омскъ, 1880, стр. 97).

[1]) Извѣстія Сибирск. отд. И. Р. Геогр. Общ., IV, Иркутскъ, 1873 г., ст. Ровинскаго. Авдѣева говоритъ объ Иркутскѣ: «кто пріѣдетъ прямо изъ Москвы или Петербурга,... его слухъ жестоко пострадаетъ отъ тамошняго выговора» (Записки и замѣчанія о Сибири, М. 1837, стр. 10). «Самый языкъ и манера выражаться тамъ чисто русскіе, и если бы не противная интонація, или аксанъ, какимъ отличается выговоръ иркутскихъ жителей, то у нихъ можно было бы искать истиннаго русскаго языка. Но эти возвышенія и пониженія голоса, эти грубыя ударенія на *о*—чрезвычайно непріятны, особенно тому, кто не привыкъ къ нимъ или отвыкъ отъ нихъ. Надобно прибавить, что такой выговоръ только простолюдиновъ. Въ разговорѣ другихъ только отзывается областная грубость аксана» (Отеч. Зап. 1848 года. т. 59, ст. «Воспоминанія объ Иркутскѣ», стр. 131).

лягчи; остатки формъ члена: фъ кать-*ту* (кадь), ноги-*те*, святымъ-*те*, косами-*те*. Въ синтаксисѣ этого говора рядъ своеобразныхъ чертъ; напримѣръ, предлогъ *къ* въ немъ не всегда употребляется: пришолъ этому мору, пришолъ медведямъ [1]).

---

[1]) Верхоянскій Сборникъ, стр. 238 сл.

II. Бѣлорусское нарѣчіе.

Мы не будемъ говорить о границахъ бѣлорусскаго нарѣчія съ языками литовскимъ и польскимъ и съ нарѣчіемъ великорусскимъ. Граница его съ нарѣчіемъ малорусскимъ можетъ быть опредѣлена лишь условно [1]): если мы тѣ переходные говоры, которые имѣютъ вмѣстѣ бѣлорусскія аканье и дзеканье и сѣверно-малорусскіе дифтонги, отнесемъ къ числу бѣлорусскихъ, а тѣ, въ которыхъ, при малорусскихъ дифтонгахъ, слышится или только аканье, или только дзеканье,—къ числу малорусскихъ, то южная граница бѣлорусскаго нарѣчія будетъ нами проведена приблизительно по серединѣ Черниговской губ. [2]) и по теченію Припети въ

---

[1]) Смотри карты Риттиха и Кояловича (при «Лекціяхъ по исторіи западной Руси»). Микуцкій въ своемъ «Отчетѣ» говоритъ: «Границы бѣлорусскаго нарѣчія довольно вѣрно обозначены Шафарикомъ въ его извѣстномъ «Славянскомъ народописаніи». Нужно только прибавить, что часть Смоленской губ., по крайней мѣрѣ уѣздъ Порѣцкій, и часть Черниговской губ., по крайней мѣрѣ уѣздъ Суражскій, должно причислить къ бѣлорусскому говору. Часть Гродненской губ., а именно уѣзды Брестскій, Кобринскій и отчасти Пружанскій, а также Пинскій уѣздъ Минской губ., принадлежатъ къ южнорусскому, или малорусскому говору.» Извѣстія Ак. Н., IV, 110 слѣд.

[2]) «Малороссіяне, составляя почти $^2/_3$ всего населенія губерніи, сплошною массою заселяютъ уѣзды Конотопскій, Борзенскій, Нѣжинскій, Козелецкій, юго-восточную часть Остерскаго, степную Сосницкаго и наконецъ южныя части Черниговскаго, Кролевецкаго и Глуховскаго... За рубежемъ черноземной полосы, къ сѣверу, поселенія Малороссіянъ встрѣчаются лишь какъ весьма рѣдкія исключенія.» Малоруссы «всѣхъ живущихъ къ сѣверу отъ нея (р. Десны) вообще называютъ Задесенцами и и считаютъ ихъ Литвинами, не смотря на то, что въ такъ называемомъ Степкѣ, Сосницкаго уѣзда, преобладаетъ чисто южнорусскій типъ.» Календарь Черниговской губ. на 1887 г., стр. 679—680.—«Чистый типъ Бѣлорусса въ полной силѣ является только въ уѣздахъ Мглинскомъ, Суражскомъ, Новозыбковскомъ, Стародубскомъ и отчасти Городненскомъ.» Матеріалы для географіи и статист. Россіи. Черниговская губ., стр. 533.—«Уже около Глухова и Кролевца попадаются то небѣленыя избы, то телѣги съ двумя узкими досками по бокамъ, то волъ, запряженный товарищемъ съ лошаденкой...; но нарѣчіе въ этой мѣстности все еще носитъ рѣзкій отпечатокъ малорусскаго. Сѣверные же уѣзды Черниговской губ. принадле-

предѣлахъ Минской губ., то южнѣе Припети (въ Мозырскомъ уѣздѣ), то сѣвернѣе (въ Пинскомъ) [1]), а западная—почти по серединѣ Гродненской губ. [2]).

Бѣлорусское нарѣчіе—не болѣе, какъ третье, западное, или акающе-дзекающее поднарѣчіе великорусскаго нарѣчія, наиболѣе близкое по своимъ особенностямъ къ южно-великорусскимъ сильно акающимъ говорамъ. Оно отличается отъ южно-великорусскаго поднарѣчія слѣдующимъ.

Неударяемое *у* можетъ не составлять слога: *ў*дáрыць (два слога), и приближаться къ *в*, даже переходить въ *в*: *в*дáрыць.

Древнее (=орѳографическое) *в*, какъ твердое, такъ и мягкое, передъ согласными (въ ихъ числѣ и *j*-мъ) и въ концѣ словъ обыкновенно (не всегда) звучитъ какъ *у* не составляющее слога: *ў* томъ, дзé*ў*ка, здарó*ў*я (=здоровье), крó*ў*ю (=кровью), Пятрó*ў*; это *ў*, находясь послѣ гласныхъ, вмѣстѣ съ этими послѣдними составляетъ одинъ звукъ-дифтонгъ. Предлогъ-префиксъ *въ* можетъ переходить въ *у* составляющее слогъ: *у* томъ (два слога), или даже въ *ув*, *уво*: *ув* аўсé (=въ овсѣ), *ува* снé (во снѣ). Еще отмѣтимъ: *ув*éсь (=весь), *ў*ся́ и *у*ся́ (=вся).

Древнее (=орѳографическое) твердое *л* въ серединѣ словъ передъ согласными [3]) и въ концѣ формъ прошедшаго времени обыкновенно звучитъ также какъ *у* не составляющее слога, образуя вмѣстѣ съ предъидущими гласными одинъ звукъ-дифтонгъ: во*ў*къ (=волкъ), то*ў*стъ, вó*ў*на, спа*ў* (=спалъ), ишó*ў* (=шолъ), бы*ў*.

жать къ ней только административно: въ нихъ начинаетъ развертываться передъ вами Литва.» Русскій Вѣстникъ, т. 46, стр. 192, ст. Ковальскаго.

[1]) «Сѣверо-восточная часть Пинскаго уѣзда, гдѣ на географическихъ картахъ обозначены деревня Хотыничи, Бобрикъ, Малковичи, Лунинъ, Богдановка и друг., есть едва ли не самая скудная и мало населенная мѣстность Минской губ... Жители составляютъ переходъ отъ бѣлорусскаго племени къ малорусскому. Этимъ они отличаются отъ своихъ сосѣдей. Переходъ этотъ замѣчается яснѣе всего въ выговорѣ, который почти въ каждой деревнѣ особый». Такъ, напримѣръ, въ деревнѣ Хотыничахъ, первой по тракту изъ Минска въ Пинскъ, говорятъ х*адзили*, въ слѣдующей деревнѣ, Бобрикѣ,—х*одили*, еще далѣе, въ Плоскиняхъ,—ходы*лы*. Памятная книжка Виленскаго генералъ-губернаторства на 1868 г., Спб. 1868, стр. 63, ст. Быковскаго.

[2]) «Заблудовское нарѣчіе, на которомъ говорятъ.... живущіе въ 40 деревняхъ вокругъ м. Заблудова,—рѣзко отличается.... отсутствіемъ измѣненія буквы *о* на *а*. Это какъ-бы переходный типъ отъ бѣлорусскаго къ малороссійскому. За рѣкою Наревъ уже нѣтъ измѣненія буквы *д* на *дз*, свойственнаго бѣлорусскому языку, и вообще въ Бѣльскомъ уѣздѣ языкъ замѣтно отклоняется отъ бѣлорусскаго, переходя въ малороссійскій, которымъ говорятъ Надбужане.» Бобровскій, «Можно ли одно вѣроисповѣданіе принять въ основаніе племеннаго разграниченія Славянъ западной Россіи» (изъ Русскаго Инвалида 1864 г.), стр. 31—32.

[3]) Немало исключеній (подъ вліяніемъ аналогіи): пчо*л*ка, кабы*л*ка, маһі*л*ка, һарэ*л*ка.

Гортанное *г* звучитъ всегда какъ латинское *h*. Звукъ *g*—только въ полонизмахъ и германизмахъ.

Древнія мягкія *д* и *т* передъ гласными и въ концѣ словъ въ большей части говоровъ звучатъ какъ очень мягкія *дз* и *ц*, изъ которыхъ *дз*—одинъ звукъ-дифтонгъ: *дз*еть (=дѣдъ), *ц*íха, би*ць* (=бить). Древнія *д* и *т* звучатъ какъ *дз* и *ц* также передъ мягкимъ *в*: *дз*ве, *дз*веръ (=двѣ, дверь), *ц*вярдзíць, ча*ц*вёртый (=четвертый). Группа *ждз* обыкновенно переходитъ въ *ждж*: *ждж*и (=жди), *ждж*ець (=ждетъ), бар*ждж*éй (=борзѣе) [1].

Древнее мягкое *р* въ значительной части говоровъ звучитъ твердо: за*рá*, һа*рý*, һа*рэ́*ць, һа*ры́*ць (=заря, горю, горѣть, горитъ), ца*ръ*.

На мѣстѣ нашихъ сочетаній мягкихъ согласныхъ съ *j* въ значительной части бѣлорусскихъ говоровъ слышатся двойные мягкіе согласные: вясé*лля* (=веселье), сó*ллю* (=солью, твор. ед.), сви*ння́*, су*дзьдзя́* или су*дьдзя́*, плá*цьця* или плá*тьця* (=платье), даже иногда пе*рря* (=перье), откуда могутъ быть простые мягкіе согласные: вясé*ля*, сви*ня́*. Но: *бь*ю, *пь*ю и т. п., при *ллю*.

Шипящія *ж* и *ш* звучатъ всегда твердо. Шипящее *ч* также, повидимому, звучитъ тверже, чѣмъ у насъ: *чы*, рэ*чы*нька и т. п. Мѣсто нашего двойнаго мягкаго *ж* въ большей части бѣлорусскихъ говоровъ занято твердою группою *ждж*: па*ждж*áй.

Свистящее *ц* изъ древняго *ц* и изъ *ч* звучитъ твердо: *ц*эпъ, и ясно отличается отъ *ц* изъ древняго *т*.

Звука *ф* въ значительномъ большинствѣ бѣлорусскихъ говоровъ совсѣмъ нѣтъ; его мѣсто въ заимствованныхъ словахъ занято или *х*, *хв*, или *п*: *Х*ранцýсъ, *Хв*ёдаръ, *хв*óртка, трá*п*лю, *п*ляшка, *П*илíпъ.

Древніе (=орѳографическіе) звонкіе согласные въ концѣ словъ звучатъ какъ соотвѣтствующіе глухіе (кромѣ *в*): дру*х*ъ, мядзвé*ць* (=другъ, медвѣдь); при этомъ наши мягкіе губные звучатъ твердо: карá*бъ*, се*мъ* (=семь).

Изъ ф о р м ъ мы должны отмѣтить: формы имен.-вин. ед муж. р. прилагательныхъ и мѣстоименій могутъ быть на *ый* или *ы*, на *íй* или *и*, на *эй*: сляп*ы́й* или сляп*ы́* или сляп*э́й*, дру*һ́ий* или дру*һи́* или дру*һéй* (=другой); но т о й (=тотъ, рядомъ съ т э й), с е й. Рядомъ формы им. ед. и род. мн. существительныхъ на *ей*: салав*ей*, һасьц*éй*.

Формы мѣстн. ед. муж. и ср. р. и дат.-мѣстн. ед. женск. р. могутъ быть съ древними свистящими: на парó*зи*, на*зé*, ру*цэ́*, са*сé* (=ногѣ, рукѣ, сохѣ), до*ч*ы или до*ц*ы, хазяю*с*ы; рядомъ (въ сѣверныхъ говорахъ): на парó*һи*, ру*кé*, са*хé*, дó*чки*.

---

[1]) Бѣлорусское *ц* (изъ *т* мягкаго) по своему звуку нѣсколько отличается отъ великорусскаго: тогда какъ въ великорусскомъ *ц* обѣ его части—*т* и *с*—протягиваются равномѣрно, въ бѣлорусскомъ вторая часть *ц*—*с*—протягивается больше первой. Журн. М. Н. Пр. 1890 г., № 11, стр. 178. ст. Карскаго.

Формы дат. и мѣстн. мн. на *ёмъ*, *ёхъ*: людзёмъ, ћасьцёмъ, касьцёмъ, людзёхъ и т. д. (рядомъ: на *ямъ*, *яхъ*).

Формы род.-вин. мяне́, цябе́, сябе́, дат.-мѣстн. табе́, сабе́.

Формы род.-вин. на *ћо́*, *о́ћа*, *аћа*: яћо́, сляпо́ћа, до́браћа; вмѣсто маяћо́, тваяћо́—обыкновенно майћо́ (вмѣсто маяму́—майму́).

Формы род. ед. женск. мѣстоименій и прилагательныхъ могутъ быть на *е́*, *ыя*: яе́ (=её), мае́ (изъ моее́), тые́, до̀брыя, дрући́я; рядомъ: мае́й (или—въ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ говорахъ—мае́й) и т. п. Форма *яе́*—также вин. п.

Формы дат.-твор.-мѣстн. (а иногда и род.) ед. женск. р. прилагательныхъ и мѣстоименій могутъ быть на *эй*: сляпэ́й, тэй; рядомъ: сляпо́й, той, маёй и т. п.

Формы твор. ед. кимъ, чимъ, ўсимъ, тымъ, им. мн. ўси. тыя, род. ўсихъ, тыхъ, дат. ўсимъ, тымъ и т. д. (рядомъ: ўсе, ўсехъ и т. д.).

Формы мѣстн. ед. кани́ и т. п., маи́мъ и т. п., тымъ (рядомъ: кане́, маёмъ, томъ).

Формы им.-вин. мн. мае́, твае́ и т. п. (рядомъ: маи́, маи́хъ, маи́мъ).

Формы 3 л. ед. и мн. на *ть*: вядзе́ць (съ *е*, не *ё* [1]), будзиць; формы ед. ч. могутъ быть безъ *ть*: вядзе́, бу́дзя (но обыкновенно: лю́биць и т. п., вядзе́тца и т. п.); рядомъ: ё́сць и ё или *е* (=есть).

Формы 1 л. мн. могутъ быть на *мо*: будзямо́, е́жма (отъ *ѣсть*, повел. н.).

Формы настоящ. вр. мыю, рыю и т. п. (=мою, рою), повелит. н. мый, мы́йця, бій и би, би́йця и би́ця.

Формы повелит. накл. съ шипящими на мѣстѣ нашихъ гортанныхъ: испячы, памажы (=помоги) и т. п. Формы неопредѣленн. накл. на *ть* и—рѣже—на *ти*: рабиць, рабици.

Формы возвратн. зал. на *ся*: кажу́ся, кажу́сь (но: кажытца), изрѣдка на *си*.

Большая часть бѣлорусскихъ говоровъ имѣетъ формы зват. п. на *е*: по́пя, Ива́ня (=попе); нѣкоторые говоры—также формы зв. п. на *у*: сва́тку, сынку, карава́ю.

Нѣкоторые изъ нихъ сохраняютъ древнія формы им.-вин. двойств. ч. женск. р.: дзве жане́, руцэ́, сасе́ (=двѣ жены, руки, сохи); большая часть ихъ утратила древнія формы двойств. ч. муж. р.: два воўки́, два дварцы́. Форма род.-мѣстн. отъ *два—двохъ*; рядомъ: *двухъ*.

Сверхъ того, отмѣтимъ, что въ бѣлорусскихъ говорахъ на мѣстѣ нашего *о* (=древне-русск. *ъ*) послѣ *р* и *л* какъ подъ удареніемъ, такъ —

[1]) Формы 2 л. ед. и мн. изъявит. н. и 1 и 2 л. мн. повел. н. также съ *е*: вядзе́шъ, вядзе́ця (=ведёте), вядзе́мъ, вядзе́ця (=ведите). Нерѣдко впрочемъ и вядзёмъ, вядзи́це.

чаще — безъ ударенія можетъ быть *ы*: ў кр*ы*ви́, тр*ы*сци́нка, бл*ы*ха́; что на мѣстѣ нашего *и* въ началѣ словъ можетъ слышаться *и* не составляющее слога (не *j*): *й*шовъ, *й*грацьь, *й*дзе; что предлоги-префиксы *изъ* и *съ* могутъ звучать какъ *зъ* передъ гласными, передъ *j*, *в*, *л*, *м*, *н*, *р*: *зъ* аднаћо́, *зъ* адно́ю, *зъ* ёю (=изъ одного, съ одною, съ нею), зварыцъ, зняць; что предлогъ-префиксъ *съ* можетъ также звучать *изъ*, *исъ*: *изъ* адно́ю, *из*дзе́лаць; что мѣстоименіе 3-го лица обыкновенно звучитъ *ёнъ*, *яна́*, *яно́*, *яны́* (на югѣ: *в*онъ, *в*ана́, *в*ано́, *в*аны́); что формы 2 л. ед. звучать дас*и́*, яс*и́* (=дашь, ѣшь).

Мѣстоименіе этотъ звучитъ или *е́*тый, или *ћ*этый.

Словарный матеріалъ сѣверо-восточныхъ бѣлорусскихъ говоровъ лишь немногимъ отличается отъ словарнаго матеріала сосѣднихъ говоровъ великорусскихъ (*якъ*=какъ, полонизмы); въ южныхъ и юго-западныхъ говорахъ онъ близокъ къ словарному матеріалу малорусскаго нарѣчія [1]).

Бѣлорусскіе говоры дѣлятся на двѣ группы: на говоры 1) цокающіе и 2) не цокающіе.

I. Цокающіе говоры очень немногочисленны. Они слышатся въ сѣверной полосѣ и въ сѣверо-восточномъ углу бѣлорусской территоріи— въ Витебской, Смоленской и Тверской губ.

Въ смѣшанномъ говорѣ пограничной съ Псковскою губ. мѣстности Себежскаго у., кромѣ *дз* и *ц* изъ *д* и *т*, отмѣчены частое *я* изъ *е*: л*я*жу́, в*я*дзе́, п*я*ке́, вм*е́*я (=умѣетъ), н*я* мо́ж*а*, род.-вин. ед. цяб*е́* и цяб*я*, род. на *во*: ница*во́*, рядомъ съ ф. на *го*: май*го́*, 3 л. ед. безъ *тъ*: вядз*е́* (съ *е*), пляш*а*, хо́дз*я*, лю́б*я*, ва́р*я*, рядомъ съ формами на *ць*: вядзе́*ць*, настоящ. врем. н*о́*я (=ноетъ), повелит. накл. п*е́*йця. Замѣна *ч* черезъ *ц* постоянна, такъ что звука *ч* нѣтъ: *ц*ымъ, кру*ц*ы́на [2]); встрѣчаются формы твор. мн. на *мъ*: съ падру́шка*мъ*, зъ гаряцы*мъ* слязá*мъ*. На употребленіе въ этомъ говорѣ *ў* изъ *у*, *в*, *л* нѣтъ указаній (отмѣчено лишь *в* въ *в*га́-

---

[1]) Лучшій трудъ по бѣлорусскому нарѣчію—«Очеркъ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи», Карскаго, М. 1886. Краткая, но не дурная характеристика бр. нарѣчія въ «Календарѣ сѣверо-западнаго края на 1889 г.», изд. Запольскимъ, М. 1889. Единственный, очень неполный словарь—«Словарь бѣлорусскаго нарѣчія», Носовича, Спб. 1870. О звукахъ бѣлорусскаго нарѣчія писали: Чечотъ во введеніи къ «Piosnki wieśniacze znad Niemna i Dzwiny», Wilno, 1846, Безсоновъ во введеніи къ своимъ «Бѣлорусскимъ пѣснямъ», М. 1871, и Шейнъ въ приложеніи къ своимъ «Бѣлорусскимъ народнымъ пѣснямъ», Спб. 1874.

Указатель матеріаловъ по бѣлорусскому нарѣчію—статья Ельскаго: Słówko o materyałach służących do badań gwary, etnografii i literatury białoruskiej», въ варшавской газетѣ Chwila 1886 г., №№ 17—23.

[2]) «Читатель, безъ сомнѣнія, замѣтилъ отсутствіе буквы ч и замѣну ея буквою *ц*. Эта особенность говора—причина названія цвикуновъ». Пам. книжка Витебской губ. на 1865 г., Спб. 1865 г., стр. 88.

сицъ, *в*мéя), также какъ на употребленіе двойныхъ мягкихъ согласныхъ, одного твердаго *р* (отмѣчено рядомъ: х*ра*сцѝцель и. цяпé*ръ*) и *зъ* вмѣсто *съ* (отмѣчено: *с*вядзé, *с*нѝмя=снимет) [1]).

Въ говорѣ другой мѣстности того же уѣзда (имѣніе Горoватки), кромѣ *дз* и *ц*, частаго *я* изъ *е* (*я*мý, дз*я*цéй, с*я*бé, н*я* бьéць, рядомъ съ *и*: цв*и*ты́, п*и*растáну), отмѣчены частое глухое *ы* изъ *а*, *о* послѣ твердыхъ согласныхъ, даже въ слогѣ передъ удареніемъ: с*ы*бáка, з*ы*дáли (=задали), п*ы*вáтка (=повадка), р*ы*б*ы*тáць, п*ы*м*ы*гáць, б*ы*я́лись, гóл*ы*съ, рядомъ съ *а*: х*а*р*а*шó, к*а*рóва, м*ала*дзéцъ, двойные мягкіе согласные: абражэ*ння*, абли*чча*, жы*ццё*, си*ллю* (=силью, силою), частое твердое *р*: п*рá*мо, г*ра*бý (=гребу), звя*ры́*, цяпе*ръ* (рядомъ: бя*рё*за, цяпé*ръ* и т. п.), формы им. ед. на *ей*: якé*й*, такé*й*, другé*й* (рядомъ: лих*óй*), род.-вин. цяб*é* и циб*я́*, мян*é* и мин*я́*, род. на *во*: ца*вó*, рядомъ съ ф. на *го*: я*гó*, май*гó*, дóбры*га* и т. п., дат. мн. людз*é*мъ, 3 л. ед. идз*é*ць (рядомъ: вядз*é*ць и т. п.), повел. накл. б*ей*, возвратн. зал. на *си* (изрѣдка): малѝли*си*. Мѣна *ч* черезъ *ц* часта, но непостоянна: *ц*ыста, вя*ц*эрня, рушни*цó*къ и т. п. На употребленіе *ў* изъ *у*, *в*, *л* нѣтъ указаній (отмѣчено лишь *в* изъ *у* и *л*); *зъ* вмѣсто *съ*, повидимому, рѣдко. Можно отмѣтить еще: б*у*лó, б*у*вáла [2]).

Говоръ одной мѣстности **Велижскаго** у. отличается не очень сильнымъ аканьемъ. Въ немъ *я* вмѣсто *е*: л*я*жы́ть, гр*я*хѝ, м*я*нé, н*я* пóйдить, рядомъ съ *и*: н*и*слá, гр*и*хѝ, св*и*тáя, j*и*нá (=она), даже ц*ы*ты́ри, дянёц*ы*къ; глухое *ы* вмѣсто неударяемаго *а*, *о* послѣ твердыхъ согласныхъ въ серединѣ словъ (очень часто даже въ слогѣ передъ удареніемъ): п*ы*хáть (=пахать), с*ы*слáть (=сослать), р*ы*сплáкатца, ў гóр*ы*ди, Ивáн*ы*ва, я́нгел*ы*въ (ангеловъ), с*ы*гряшы́ла; сверхъ того: дóбр*ы*ю (вин. ед.); *ў* изъ *в* и *в* (?) изъ *л*: да*в*жны́, сыслá*в*; двойные мягкіе согласные: И*льл*я́, збавлé*ньн*я (но Ма*рь*я); *зъ* вмѣсто *съ*, *изъ*: *зъ*ядать, *зъ* мéртвыхъ; мѣна *ц* и *ч*: *ц*агó, *ц*ас*óц*ыкъ, сéр*ч*а, *ч*ерьква. Мягкія *д* и *т* сохраняются: ся*дѝть*, *д*янёцыкъ (однако отмѣчено: а*дз*ёжа); мягкое *р*—также: х*ря*стѝтиль, т*рё*хъ, чé*р*ъква; формы 3 л. ед. обыкновенно съ *ть*. Еще: двойное мягкое *с* вмѣсто мягкихъ *ст*: мѝлы*сьси* (=милости) [3]).

Говоръ другой мѣстности того же уѣзда (с. Узкое) — съ такимъ же аканьемъ (н*я*сý, м*я*нé, з*я*млю́, с*ы*мá=сама, п*ы*шлá, м*ы*я́=моя, к*ы*ня́, д*ы*цкá=дочка), съ мѣною *ц* и *ч* (мá*ц*ыха, жанѝт*ч*а), съ мягкимъ *р*

---

[1]) Матеріалы, плохо записанные, въ двухъ **Памятн. книжкахъ Витебской губ.** на 1865 и на 1866 гг., Спб. 1865—1866, ст. Серебренникова.

[2]) Матеріалы, плохо записанные, въ рукописномъ трудѣ **П. Θ. Альхимовича** (архивъ И. Р. Геогр. Общ.); къ этимъ матеріаламъ очень близки по языку тексты у **Шейна**, Бѣлорусскія народныя пѣсни (Спб. 1874), стр. 482 слѣд.; въ нихъ только *ц* вм. *ч* (рядомъ съ древнимъ *ч*), формы им. ед. бóж*ы* свéтъ, твор. мн. гарацы*мъ* слязá*мъ*, повел. накл. пиця (=пейте), пайдзé*мъ*. Эти тексты, какъ всѣ вообще матеріалы, изданные Шейномъ, записаны не вполнѣ удовлетворительно.

[3]) **Бѣлорусскій Сборникъ**, Романова, V (Витебскъ, 1891).

(пр*я*жа), съ формами 3 л. ед. на *ць*, но безъ мягкихъ *д* и *т*: при*дзé**ць*. Въ этомъ говорѣ можно еще отмѣтить спорадическое *у* вмѣсто неударяемыхъ *о* и *ы*: п*у*вялá (=повела), п*у*маглá, муж*у*кú, и с*ы*йцасъ=сейчасъ [1]).

Говоръ мѣстечка Усвяты, Витебскаго у., отличается частымъ употребленіемъ *я* вмѣсто *е*: т*я*бé, п*я*рúна (но: *лижáть*), и глухаго *ы* вмѣсто *а*, *о* послѣ твердыхъ согласныхъ: м*ы*хáю, н*ы*шлá, у ст*ы*гáхъ, у г*ы*сп*ы*дáхъ; мягкое *р* сохраняется. Замѣна *ч* черезъ *ц* непостоянна: рукавó*ц*ыкъ, п*ц*óлка. Отмѣчено рядомъ: *д*явúца, пыт*á**ть* и т. п. (часто) и мылы*дзé*цъ [2]).

Въ говорѣ деревень Васьковичи и Козловичи, того же у., отмѣчены *дз* и *ц*, всегда твердое *р*, двойные мягкіе согласные (даже пé*рр**я*), формы имен. ед. на *ы*: дóбр*ы*. Замѣна *ч* черезъ *ц* непостоянна: *ц*óрный и *ч*амý [3]).

Говоръ неизвѣстной мѣстности того же у., кромѣ *дз* и *ц*, имѣетъ сильное аканье (глухаго *ы* нѣтъ): п*а*н*а*сúць, пáн*а*мъ (твор. ед.), з*я*лё-ный, н*я*дзéля, па нáш*а*му, бéл*ая* (=бѣлое); но *и* изъ неударяемаго *е* обычно: дз*и*сятникъ, j*и*нá (=она), в*и*сялýха, дýр*и*нь, на мóрдз*и*, дóбр*и* (=добрѣ), пазвóльц*и* (=позвольте), скажыц*и*; двойные мягкіе согласные (даже: смé*р*ию, твор.); мягкое *р*. Замѣна *ч* черезъ *ц* очень часта, но не постоянна: ў*ц*óра (=вчера), при: ув-а*ч**ч*у (=въ очью); рядомъ съ нею вмѣсто *щ* слышится *шц: яшцó* (=еще), пра*шц*áлась. Формы род. ед. ницó*хъ* (=ничего), твор. мн. (изрѣдка) на *мъ*, 3 л. на *е* (нерѣдко): нясé, возвратн. зал. на *си* (изрѣдка): павитáл*иси* [4]).

Цокающій говоръ Дубокрайской волости, Городокскаго у., имѣетъ, кромѣ *дз* и *ц*, менѣе сильное аканье: б*я*рёмъ, ставáйц*я* (2 л. мн.) рядомъ съ п*ы*казáць, к*ы* Христý, мúл*ы*сцина; двойные мягкіе согласные мягкое *р*; замѣна *ч* черезъ *ц*: *ц*ысть, жэ́м*ц*ухъ, и на оборотъ: *ч*áрства. Формы дат.-мѣстн. на *ы*: старан*ы́*. Отмѣчено *у* вмѣсто *о*: п*у*брядý, Б*у*г*у*рóдзица [5]).

О цокающемъ говорѣ с. Рибшева и другихъ мѣстъ Порѣцкаго у. наши свѣдѣнія очень скудны. Отмѣчено, кромѣ *дз* и *ц*: б*я*рú, м*я*н*я́*, с*я*страá, н*я* дóлга, *я*гó, т*ы*гó; *ў* вмѣсто *в* и (въ концѣ формъ прош. вр.) вмѣсто *л*; мягкое *р*; *зъ* вмѣсто *съ*: *зъ* мáцирью. Замѣна *ч* черезъ *ц* очень часта: нои*ць*. Группа *во* замѣнена дифтонгомъ *ўо* въ д*ўо*ръ; группы *ов*, *ев*—звукомъ *у* въ крус*у*áлася, кук*у*áла, нац*у*áла (=красовалася); группа *ву* утратила *в* въ дзé*у*шка, группа *дн* перешла въ *нн*: ра*нн*óй, а*нн*ú

---

[1]) Тамъ же, IV, № 49.

[2]) Матеріалы у Шейна, Пѣсни, стр. 74, 146, 166, 177, 216.

[3]) Матеріалы тамъ же, стр. 71, 152, 163. Изъ неизвѣстной мѣстности, съ частымъ *ц* вм. *ч*,—стр. 153.

[4]) Москвитянинъ 1843 г., ч. IV, разсказъ «Гецыки».

[5]) Бѣлорусскій Сборникъ, V, стр. 398.

(=одни). Формы им. ед. на *ой* (варан*ой*) и на *ый*, род. на *во* (варан*ова*, та*во*) и на *го*, род.-вин. мян*я*, цяб*я*, мѣстн. ед. на тэй, 3 л. ед. только на *ть* (*е́сь*=есть). Сверхъ того, въ этомъ говорѣ важная черта— спорадическія *з* и *с* вмѣсто *ж* и *ш*: *за́*лко=жалко, заз*ги́*=зажги, ва цу*зы́*хъ людзёхъ, *ло́зы*цка=ложечка, *са*цёръ=шатеръ, сярдзёцусько [1]).

Цокающій говоръ Поникольской волости, Бѣльскаго у., повидимому, почти тожественъ съ говоромъ рибшевскимъ. Отмѣчено: *дз* и *ц*, двойные мягкіе согласные, аканье (ня*си́*, ня*су́*, ня*ду́*жа, *жа*на́; но: кры*ва́*ть=кровать), *ў* вмѣсто *в* и *л* (шо*ў*къ, даже сто*ў*=столъ) [2]), *ўо́* вм. *во*: д*ўо*ръ, *у* вм. *ов*: ск*уа́*ць=сковать, кук*уа́*ла, *у* вм. *ву*: дзé*у*шка, *нн* вм. *дн*: гало́*нн*ая, а*нн*о́, формы им. ед. на *ы* и на *ой*: я́р*ы* воскъ, свят*о́й*, друг*ой*, род. мян*я́*, цяб*я́*, твор. множ. на *мъ*: за драва́*мъ*, 3 л. ед. на *ець*, возвр. зал. на *ця* (не *ца*): покло́нюп*ця* (3 л. мн.). Замѣна *ч* черезъ *ц*: ру́*ц*ка, *ц*у́ю, и изрѣдка *ж* черезъ *з*: ло́*з*ацка (=ложечка) [3]).

О цокающемъ говорѣ д. Буланиной, Духовщинскаго у., свѣдѣнія очень скудны. Частое *я* изъ *е*: пялян*а́*, ряб*я́*та, при: гул*я́ить*; *дз* и *ц* (рядомъ: гул*я́*ить и т. п.); двойные мягкіе согласные; мягкое *р*; *ў* вмѣсто *в* и (въ концѣ формъ прош. вр.) вмѣсто *л*; *у* вм. *ов*, *ыв*: дi*уа́*лась, цал*уа́*ла, укр*уа́*ла; *нн* вмѣсто *дн*: ро́*нн*ая, а*нн*а́; формы им. ед. на *ой*: дараг*ой*, род. ма*во́* (=моего), при я*го́*, мѣстн. на даро́*ги*, 1 л. мн. изъявит. н. аддадзёмъ. Замѣна *ч* черезъ *ц*: клю*ц*ы́, крылé*ц*ка [4]).

О говорѣ села Пречистаго, того же уѣзда, мы знаемъ лишь то, что въ немъ обычно *ц* вмѣсто *ч* [5]).

Говоръ с. Бобровки, въ юго-западной части Ржевскаго у., имѣетъ очень сильное аканье (*ы* изъ *а*, *о* нѣтъ), съ «грубымъ», т. е. очень открытымъ *а*: *аба*раці́уся, во́р*а*нъ, *я*го́, в*я*зу́, н*я*дзéля, з*я*мл*я́*, так*о́я*, по́л*я* (рядомъ *и* изъ *е*: дз*и*рéвня, дзéр*и*во, мо́ладз*и*цъ, гаво́рьц*и*, 2 л. повелит. н.); *дз* и *ц*; двойные мягкіе согласные (даже Ма*рря*=Марья); мягкое *р*. Употребленіе *ў* вмѣсто *у*, *в* и (лишь въ концѣ формъ прош. вр.) вмѣсто *л*; частое *зъ* вмѣсто *съ*, *изъ*: *з*матрю́, *з*вида́ння, *зъ* ба́ни, *зъ* лéсу, даже *з*винн*я́*, *з*мéлась (=свинья, смѣлость). Мѣна *ц* и *ч* часта и взаимна: до*ц*ъ, *ц*асъ и *ч*а́рства, ву́лич*а*. Формы им.-вин. ед. на *ый*, *ой* и *эй*: ву́мн*ый*, ўтар*о́й*, любéзн*ай* и ряб*э́й*, худ*э́й*, бальш*э́й*; род.-вин. мян*é* и мин*я́*,

[1]) Шейнъ, Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверозападнаго края. Томъ I, часть I (Спб. 1887), №№ 184, 195, 198, 403, 450, 562, 563, 593, 596, 656; часть II (Спб. 1890), стр. 419 слѣд.

[2]) Матеріалы такъ дурно записаны, что трудно сказать что-либо о произношеніи *р*.

[3]) Шейнъ, Мат., т. I, ч. I, №№ 113, 118—120, 143, 454, 479, 557: ч. II, стр. 392 сл. Изъ неизвѣстной мѣстности Бѣльскаго у.: ч. I, № 284.

[4]) Тамъ же, ч. II, стр. 425 сл.

[5]) Смоленскій Этнографич. Сборникъ, Добровольскаго, ч. I, Спб. 1891, стр. 43.

цябе́ и цибя́, майго́; дат.-мѣстн. на руке́, на ру́цки; род.-дат.-мѣстн. маладэ́й, сляпэ́й; дат. мн. людзе́мъ; 3 л. ед. всегда на *ть*; настоящ. вр. ры́ю и т. д.; повел. н. идзе́мъ (съ *е*). Сверхъ того: формы род. ницо́хъ (= ничего), дат.-мѣстн. на *ы*: на галавы́, твор. мн. «всегда» на *мъ*, твор. ед. каки́имъ ро́дамъ. Мѣстоименіе *що* [1]).

II. Не цокающіе говоры. Говоры Виленской губ. представляютъ одно цѣлое, имѣя *ў* вмѣсто *в* и *л*, *дз* и *ц*, постоянно твердое *р*, *зъ* вмѣсто *изъ*, *сг*. Аканье очень сильно: глухое *ы* или совсѣмъ не слышится, или очень рѣдко; *и* вмѣсто *е*, *я* очень рѣдко (мине́, цибе́, нихай). Двойные мягкіе согласные слышатся очень часто, но не постоянно; въ Ошмянскомъ у. отмѣчено: зе́лья, засто́лья (рядомъ: шча́сця и т. п.), въ Трокскомъ: баяргэ́; они иногда замѣняются простыми согласными: трокск. заруча́ня. Формы им. ед. обыкновенно на *ы*: малады́, дат.-мѣстн. могутъ быть на *эй*: ошмянск. ў тэй карчо́мца, 3 л. ед. въ Дисненскомъ уѣздѣ обыкновенно на *ець*, въ Трокскомъ—и на *ець*, и на *е*, въ Вилейскомъ и Лидскомъ—обыкновенно на *е*: дае́, пытáя, шы́я (= шьетъ), повелит. накл. би (= бей, Трокск. у.). Сверхъ того, можно отмѣтить: спорадическое *у* вмѣсто *о* безъ ударенія: вилейск. ў чо́рнумъ, трокск. кали́нунька, лидск. на чирво́нуй калини, на харо́шуй, во́бруць (= оброть), спорадическое *дж* вмѣсто *ж* изъ *д*: вилейск. нинави́джу, трокск. ви́джу, раджу́, спорадическое твердое *с* вмѣсто мягкаго: ошмянск. сыдзі́, ошмянск. и трокск. сэ́рца; префиксъ *от* иногда звучитъ *од*: дисненск. и лидск. *ад*мыка́ць, *адъ*ехаць и т. п.; формы им.-вин. мн. трокск. дварэ́, галубэ́, лидск. караблé; род. ед. трокск., лидск. мaго́, рядомъ съ майго́, маяго́; род. мн. ж. р. иногда на *óў*: сястро́ў (= сестеръ) и т. п.; формы повел. накл. ошмянск. памале́мся, лидск. глядзе́ця (2 л.). Начальное *а* часто имѣетъ передъ собою придыханіе *г*: гарэ́хъ, гара́ць (= орать) [2]).

Не цокающіе говоры Витебской губ. дѣлятся на двѣ группы.

Одна (Дриссенскій, Полоцкій, Лепельскій, Городокскій уу.) отличается, кромѣ *дз* и *ц*, постоянно или почти постоянно твердаго *р*, двойныхъ мягкихъ согласныхъ, *зъ* вмѣсто *съ*,—довольно сильнымъ аканьемъ (глухое *ы* очень рѣдко, только во второмъ слогѣ передъ удареніемъ и въ слогѣ слѣдующемъ за удареніемъ), при частомъ употребленіи *и*: мине́

---

[1]) Этнографич. Сборн., I.—«Сказки» Аѳанасьева.

[2]) Тексты въ Русск. Филол. Вѣстн. 1889 г., № 2 (Трокск. у.), въ Виленск. Вѣстн. 1888 г., №№ 104—122, ст. Карскаго (Ошмянскій у.), у Вериги, Podania białoruskie, Lwów, 1889 г. (Лидск. у.), въ Этнографич. Сборникѣ, I. ст. Юркевича (Лидскій у.), въ Сборникѣ памятниковъ народнаго творчества въ сѣверо-западномъ краѣ, Вильна, 1866 г. (Дисненск. и Вилейскій у.), у Дмитріева, Собраніе пѣсенъ, сказокъ, обрядовъ и обычаевъ крестьянъ сѣверо-западнаго края, Вильна, 1869 г. (Дисн. у.), и у Шейна, Матеріалы, т. I.

(и мяне́), *і*е́ (и *я*е́), ў жыц*и* (но: жні́ця, 2 мн.), сл*и*за́ (и сляза́), п*и*ту́шо́къ (и пятушо́къ), ж*ы*на́ (и ж*а*на́), се́*и*ць (и се́яць), ра́нн*і*я, им. ед. (и ра́нн*я*я). Формы им. ед. на *ы* и *ый* (малад*ы́* и —*ы́й*), 3 л. ед. обыкновенно на *ець*. Еще отмѣчено: *у* вм. *о* безъ ударенія: зъ гарэ́лк*у*ю, *дж* вмѣсто *ж* въ гля*дж*у́ (Лепел. у., с. Дубровка). Формы им. ед. котъ шэ́р*эй* (Полоцк. и Город. у.), им. мн. ўс*е*, род. ўс*е*хъ и т. д., дат.-мѣстн. ед. малад*э́й* (Лепел. и Город. у.), творит. мн. на *мъ*: надъ звязда́*мь* (Городокск. у.), мѣстн. ед. на син*е́*хъ (Леп. у.), 1 л. ед. на *ая*: высыл*а́я* (Город. у.), возвратн. зал. на *си* (*ци*): аста́ну*си*, аста́ц*ии* (Леп. у.) [1]).

Къ этой группѣ принадлежитъ также говоръ части Витебскаго уѣзда: (с. Вороново и др.) [2]).

Другая группа (главнымъ образомъ въ другой части Витебскаго уѣзда: волости Велшиковская и Королевская, село Маделино и др.), совпадая съ первою въ прочихъ чертахъ, отличается отъ нея слабымъ аканьемъ. Въ ней глухое *ы* вмѣсто *о*, *а* является очень часто, даже въ слогѣ передъ удареніемъ: м*ы*я́ (=моя), к*ы*ня́, к*ы*па́ць, м*ы*л*ы*да́, ш*ы*р*ы*ка́, кр*ы*с*ы*та́ и т. п., дзе́в*ы*ч*и*къ (род.), б*ы*га́т*ы*га, рядомъ съ *я* и *и* вмѣсто *е*: м*я*не́, в*я*дзе́ць, с*я*стра́ и т. п., б*и*рэ́ць, с*и*стра, с*и*ло́, в*и*сялу́ха, ч*и*рназё́мъ, ж*ы*луды́ (даже: запр*ы*га́ць=запрягать). Еще отмѣчено: *у* вм. *о*: сух*у*та, ф. им. ед. на *ы* (но: так*ей*), дат.-мѣстн. т*эй*, мѣстн. на ра*цэ́* (рѣкѣ), повел. н. *би*, зъядзё́мъ (съѣдимъ), возвр. з. пытаюцц*о* [3]).

Группа не цокающихъ смѣшанно-переходныхъ говоровъ [4]) С м о л е н с к о й губ., уѣздовъ Смоленскаго (сс. Даньково, Шаталово, Киселевка, Чепищево и др.), Ельнинскаго (сс. Бердибяки, Крутиловка, Сухой Починокъ, Проверженка), Порѣцкаго (с. Иньково), Красненскаго (с. Холощево), Духовщинскаго (сс. Пречистое и Шиловичи), Бѣльскаго (сс. Шоп-

---

[1]) Тексты у Ч е ч о т а, Piosnki, 1846 г. (см. также введеніе), у Шейна, Пѣсни и Мат. тт. I и II, въ Б ѣ л о р у с с к. С б., т. V.

[2]) Тексты у Шейна и въ Б ѣ л. С б., V (отмѣчены ф. дат.-мѣстн. на *тэй* рэцэ, у буйн*эй* галаве́, повел. н. *пи*, неопред. н. на *ць* и на *ци*: хадз*ици*).

[3]) Ш е й н ъ, Мат., т. I, ч. I, и т. II. Вѣроятно, этому говору принадлежатъ матеріалы Н и к и ф о р о в с к а г о въ «Очеркахъ простонароднаго житья-бытья въ Витебской Бѣлоруссіи». Витебскъ, 1895. Здѣсь, примѣчаніе 11-е, мы читаемъ: «*всѣ* неударяемыя твердыя гласныя произносятся какъ *ы*»; «неударяемое *е* произносится за *и* безъ исключенія»; «буква *т* передъ мягкими гласными и *ь* произносится какъ умягченное *ц*»; «нѣтъ *дз*, потому что буква *д* передъ мягкими на самомъ дѣлѣ не даетъ такого звука». Но въ матеріалахъ мы читаемъ: пир*а*рѣвъ, вяно́къ и т. п. Тамъ же: им. ед. м. р. на *эй*, род. ед. ж. т*эй*, 2 л. ед. маис*ы*ця.

[4]) При корректированіи этой страницы мы получили письмо отъ В. Н. Д о б р о в о л ь с к а г о, изъ котораго видно, что нѣкоторые изъ означенныхъ здѣсь говоровъ— цокающіе. В. Н. Добровольскій пишетъ: «Въ Духовщинскомъ у. цоканье замѣчается къ сѣверу отъ Духовщины (напр. оно замѣчается въ с. Бересневѣ, въ с. Шиловичахъ) и тянется непрерывно къ сѣверу. Цоканье въ с. Шиловичахъ проявляется въ самой

тово и Дунаево) и Рославльскаго (сс. Лѣтошники, Романовка, Митюли), составляетъ одно цѣлое. Въ нихъ нѣтъ *дз* и *ц*, сохраняется мягкое *р*; но двойные мягкіе согласные; *ў* вмѣсто *в* и *л* (однако *л* въ серединѣ словъ нерѣдко сохраняется: паўзў и да*л*блю, а мѣстами даже въ концѣ формъ прошедш. вр.); *зъ* вмѣсто *съ*: *зъ* вами, *зн*яли. Аканье сильнѣе нашего: *а* вмѣсто *о* послѣ твердыхъ согласныхъ является не только въ первомъ, но даже и во второмъ слогѣ передъ удареніемъ: х*а*рашó, пр*а*даю, *г*алавá; глухое *ы* передъ удареніемъ рѣдко: п*ы*вядў, м*ы*я́=моя, ст*ы*ю, к*ы*зá, но тотчасъ послѣ ударенія очень часто: катóр*ы*му, дарóг*ы*й (твор.), чи́ст*ы*га (род.), плáк*ы*ть; *я* и *и* изъ *е* въ слогѣ передъ удареніемъ употребляются рядомъ: м*я*нé и м*и*нé, с*я*стрá и с*и*стрá, но: п*и*р*я*скóчить, ч*и*р*и*пáха, стóйт*я*, стайт*я* (2 л.), мор*я* (им.), бывá*и*ть, дéла*и*ть, у гóрыд*и*, у астрóз*и*; встрѣчается *и* изъ *я*: *и*нá (=яна, она). Сверхъ того, неударяемыя *о* и *ы* послѣ согласныхъ могутъ замѣняться черезъ *у*, а *о* и *а* въ началѣ словъ (послѣ гласныхъ)—черезъ *и*: л*у*мáю, х*у*вáю, п*у*пá (=попа), пáлк*у*й, муж*у*кá, б*у*ваю, *и*пять (при *а*пять), *и*ўсá (=овсá), *и*днáча, *и*мбáръ, на *и*гни́ (на огни). Сверхъ того, есть случаи *е* изъ ударяемаго *я*: кричéть, глéдючи. Двойное мягкое *с* замѣняется черезъ мягкія *ст*: бай*сьтя*, задўмыи*сьтя* (2 л. возвр. з.), валó*стя* (=волосья), *сте*шъ (=ссешь, сосёшь). Изъ формъ отмѣчено: им. ед. на *эй* и *ой*: тэй, крив*э́й*, так*éй*, бальш*э́й* и крив*óй*, малад*óй*, род. на *го* и *во*: я*гó* и я*вó*, ча*гó*, ничó*га* и ча*вó*, май*гó*, мя*гó* и маи*вó*, дóбры*га* и дóбры*ва*, род., дат., твор., мѣстн. ед. женск. на *эй*: адн*э́й*, як*éй*, свят*эй* и т. п. (рядомъ на *ой*), род.-вин. мянé, тябé, яé, дат. ед. тябé, сябé (рядомъ съ болѣе обычными т*а*бé, с*а*бé), им. мн. на *эя*, *эи*: малад*э́я*, дамав*э́я*, чуж*э́я*, так*éя* (рядомъ на *ыя*, *ыи*), им. мн. ўс*и*, род. ўс*и*хъ и т. д. (рядомъ ўс*е*, ўс*е*хъ), дат. мн. дит*é*мъ, гась*тé*мъ, мѣстн. дит*é*хъ, гасьт*é*хъ, 3 л. ед. на *ть* (*ёсть*; на *е* очень рѣдко: мóж*а*). 3 л. мн. на *ють* вмѣсто *ять*: хóд*ю*ть, 2 л. повел. накл. п*ий*, п*и* (Смол. у.), п*ей*. Сверхъ того: *л* звучитъ иногда твердо передъ твердымъ *н*: си*л*но (Смол. у.); *с* звучитъ твердо въ *сы*йчасъ; *жд* переходитъ въ *жд*ж въ *жд*ж*и* (=*жди*), *жд*жешъ; *дн* переходитъ въ *нн*: рó*нн*ый (Росл. у., с. Романовка; Духовщ. у., с. Шиловичи). Формы дат.-мѣстн. ед. съ свистящими: на парóз*и*, на дарóз*и*, и формы съ гортанными рядомъ; ф. дат.-мѣстн. ед. женск. р. могутъ быть на *ы* (Ельн. и Бѣльск. у.), а ф. твор. мн.—на *мъ* (Бѣльск. у.): на галав*ы́*, падъ нагá*мъ*; ф. имен. мн. могутъ быть — по-великорусски—

сильной степени, оно сопровождается и чоканьемъ: отечь, при: доцъ. Цоканье замѣчается около станціи Гусиное (Могилевск. губ.), Моск.-Брестской жел. дор.; распространяясь въ сосѣднія мѣстности Красненскаго и Смоленскаго у., оно переходитъ въ Порѣцкій у. (сс. Иньково, Лойно, Мамошки, Аретово, Борода, Луги, Низъ). Около Щучья озера цоканье ослабѣваетъ, проявляясь болѣе въ части Порѣцкаго у., прилегающей къ Бѣльскому у.»

на *а* (Бѣл. у.): галас*а́*; ф. producт. на *е* (кромѣ Бо́ж*а*) неизвѣстны; ф. возвр. з. могутъ быть на *са* (Ельн. у.) [1].

Говоръ Рославльскаго у., с. Краснозаборья, отличается отъ предыдущихъ говоровъ только болѣе частымъ употребленіемъ глухаго *ы*: п*ы*ха́ть (=паха́ть), р*ы*б*ы*та́ть, г*ы*в*ы*ря́ть, пр*ы* на́съ (=про насъ), к*ы*гда́, ма́тушк*ы*й (твор.). Другія особенности въ немъ тѣ же: мягкія *д* и *т*, мягкое *р*, двойные мягкіе согласные, *ў* вм. *в* и *л*, частое *я* вм. *е* рядомъ съ *и*: мяне́, *я*му́, пусти́т*я* и ўз*и*ла́, н*и* влави́ли, *у* вм. *о*: п*у*вила́, п*у*пла́чъ; формы род. на *го* и *во*: та*го́* и *яво́*, хыласто́*га* и пріятны*ва*, им. мн. на *э́я*: зылат*э́я*, 2 л. ед. возвр. з. кида́*исьтя* (рядомъ: даку́пи*сься*) [2].

О другихъ бѣлорусскихъ не цокающихъ говорахъ Смоленской губ. мы почти совсѣмъ не имѣемъ свѣдѣній и можемъ сказать лишь то, что въ приднѣпровскихъ селеніяхъ Красненскаго у., рядомъ съ двойными мягкими согласными и *зъ* вмѣсто *съ*, слышатся *дз* и *ц* и встрѣчаются формы род. на *во*: сва*во́* [3].

Говоры сѣверной (бо́льшей) половины Могилевской губ., кромѣ *дз* и *ц*, *ў* вм. *у*, *в*, *л*, *зъ* вм. *изъ*, *съ* и *изъ*, *исъ* вм. *съ*, имѣютъ всѣ, болѣе или менѣе часто, *у* вм. *а*, *о*, *ы*: паёх*у*ў, п*у*х*у*ва́ю, п*у*па́ (=попа), м*у*ж*у*ки́, б*у*ло́, *е* вм. *я* подъ удареніемъ въ гле́дзючи, дре́нно, *дж* вм. *ж* изъ *д*: ви́*дж*у, твердое *л* передъ твердыми *н* и *ц*: си́*л*ный, во́*л*ный, па́*л*цы и т. п., твердое *с* въ с*ы*ча́съ, с*э́*рца и т. п., формы им. ед. т*э́й* и т*ой*, малад*э́й* и малад*ы́й* (на *ы* нѣтъ), род. ед. женск. р. ма*е́*, т*ые́* и т*ы́я*, сляп*ы́я*, до́бр*ыя*, ва́ш*ыя*, друг*и́я*, так*е́я* (рядомъ съ ма*е́й*, до́бр*ай*, так*е́й*), дат.-твор.-мѣстн. ед. тэй, адн*э́й*, мѣстн. ед. на кан*и́*, на канц*ы́*, род. мн. (изрѣдка) сястр*о́ў* (=сестеръ), дат. мн. людз*е́*мъ, 3 л. ед. *е́сиъ*, 3 л. мн. во́зюць, 2 л. повелит. п. б*и*, п*и*, неопр. н. на *цъ* и (изрѣдка) на *ци*: е́с*ци* (=ѣсть), дане́с*ци*, возвр. зал. (изрѣдка) на *си*: сабра́ли*си*. Формы producт. п. употребляются, но рѣдко.

Одинъ говоръ Сѣнненскаго у. имѣетъ въ однихъ мѣстахъ мягкое *р* (трёмъ и т. п.; рядомъ, нерѣдко: ца*ръ*, мо*ра*=море и т. п.); въ другихъ только твердое *р*. Глухое *ы* послѣ твердыхъ согласныхъ вмѣсто *а*, *о* безъ ударенія—какъ въ сосѣднихъ говорахъ Витебской и Смоленской губ., т. е. даже въ слогѣ передъ удареніемъ: адд*ы*ла́, д*ы*ста́ць, ск*ы*ка́ць, к*ы*ня́, аста́л*ы*ся пяро, р*ы*з*ы*йшлиси; *я* вм. *е* вполнѣ обычно: бяри́, в*я*ли́кій, *я*му́, идзи́ц*я*, вывяў (рядомъ: б*и*да́, *и*на́, ў ле́с*и*, по́*и*съ и т. п.). Предлогъ-префиксъ *отъ* изрѣдка звучитъ *одъ* въ *од*ымкнуць и т. п. Формы вин. ед. до́бр*аю*, до́бр*ыю*, мѣстн. ед. ны вако́шк*у*, им. мн. т*э́я*, 3 л. ед. на *ецъ* (*ёсъ*=есть).

[1] Смоленскій Этногр. Сб., чч. I и II.

[2] Русск. Фил. Вѣстн. 1884 г. № 3.

[3] Смоленскій Вѣстникъ 1892 г., №№ 14, 45. Текстъ изъ того же уѣзда— у Безсонова, Калѣки, стр. 118.

Другой говоръ того же у. (с. Ульяновичи и др.) — отличается отъ предъидущаго постоянно твердымъ *р* и рѣдкимъ употребленіемъ *ы* вмѣсто *а*, *о* въ слогѣ передъ удареніемъ (но: пла́к*ы*ць, ко́з*ы*чка). Формы им. мн. як*е́я* дзярэ́въя [1]).

Говоръ Оршанскаго у. близокъ къ первому говору Сѣнненскаго у., но имѣетъ только твердое *р*. Глухое *ы* даже передъ удареніемъ: м*ы*я́, к*ы*за́ць и т. п.; *у* вмѣсто *о*, *а*, *ы*: п*у*мага́ць, пр*у*гожый и т. п. [2]).

Одинъ говоръ Горецкаго у. (Городищенская волость и др.) также близокъ къ первому говору Сѣнненскаго у.: глухое *ы* даже передъ удареніемъ: д*ы*са́да, р*ы*дня́, *у* вм. *о*: аб*у*бра́ть; но отличается отъ него сохраненіемъ мягкихъ *д* и *т*: *д*е́тки, *т*яперь; *р* въ немъ мягко: пи*ря*ме́нить [3]).

Въ другомъ говорѣ (с. Любиничи съ его волостью и др.) глухое *ы* повидимому, очень рѣдко; *и* вм. *е*, *я* не такъ часто, какъ *я*: абн*и*ла́, се́*и*ць, *и*на́ (но: мяне́, цябе́, нясі́, цярьпе́ць, на зямле́ и т. п.). Другія черты: мягкое *р* (даже—въ отдѣльныхъ случаяхъ—вмѣсто твердаго: адба*ря́*нивац), формы твор. мн. на *мы*: рука́*мы*, ва́*мы*, людзь*мы́*, мѣстн. мн. на лясо́*хъ* (=лѣсахъ) и т. п., 3 л. ед. на *ець* (на *е*—рѣдко; *ёсць* и *ё* [4]).

Прочіе говоры этого уѣзда—переходные отъ перваго говора ко второму. Напримѣръ, говоръ г. Копыся имѣетъ *дз* и *ц* при твердомъ *р* и сильномъ аканьѣ; говоръ с. Святошицъ—*дз* и *ц* при мягкомъ *р* и *ы* изъ *о*: д*ы*ста́л*ы*сь и т. п. [5]).

Одинъ говоръ Чаусскаго у. (Гладковскій приходъ, въ юго-зап. части у.) близокъ къ говору Оршанскаго у.: *дз* и *ц* (спорадически *д* и *т*: *т*ябе́), мягкое *р*, глухое *ы* изъ *о*, *а* даже въ слогѣ передъ удареніемъ: б*ы*ра́мъ (=борамъ), танц*ы*ва́ць, пад*ы* мно́ю (не часто), к*ы*лыхни́ся, скры́п*ы*чка, жо́н*ы*къ (род.), *и* изъ *е*, *я*: н*и*ха́й, ве́ч*и*ръ, в*и*сяла́ (рядомъ съ *я*). Формы 3 л. ед. всегда на *ць* [6]).

Другой говоръ того же у. (Городецкая волость, въ сѣверо-восточной части у.) отличается отъ предъидущаго очень частымъ употребленіемъ мягкаго *р*, даже вмѣсто твердаго: п*ря*жы́ць (=прожить), д*ря*ць (=драть), *ря*бе́ць (=робѣть), ку́че*ря* (=кучера), и очень рѣдкимъ употребленіемъ глухаго *ы* вмѣсто *о*, *а* (только во второмъ слогѣ передъ удареніемъ, и то рѣдко. Формы мѣстн. ед. на купц*у́*, на то́м*у* све́ци, тв. мн. на *мы*: слава́*мы*, го́рька*мы* слязь*мы́*; 3 л. ед. всегда на *ць* [7]).

---

[1]) Бѣлор. Сборн. (особенно в. III).

[2]) Бѣлор. Сборн., IV, №№ 9 и 15.

[3]) Шейнъ, Мат., т. I, ч. II, стр. 641, 655, 669.

[4]) Бѣлор. Сб., IV, №№ 10, 23 и др.

[5]) Шейнъ, Мат., т. I, ч. I. Въ копыськомъ говорѣ отмѣчено: ви*джу*, до́*жжы*къ, *ада*мкну, форма им. ед. добр*ы*.

[6]) Тамъ же.

[7]) Бѣлор. Сб., IV, №№ 2, 29, 33, 34, 41.

Съ этимъ говоромъ очень сходенъ одинъ говоръ Могилевскаго у. (с. Полыковичи, на сѣверо-востокъ отъ г. Могилева). Онъ имѣетъ мягкое *р*. Глухое *ы* изъ *о*, *а* въ немъ очень рѣдко.

Другой говоръ (Княжицкая волость, на сѣв.-западъ отъ Могилева, не далеко отъ с. Полыковичей, сс. Нѣжково, Браково) имѣетъ твердое *р* и формы 3 л. ед. на *е*: идз*е́*, заку́су*я* (=закусываетъ), про́с*я* (=проситъ), хо́дз*я* и т. п. (ф. на *ець* и *иць* гораздо рѣже). Аканье очень сильное (но: *и*на́, рядомъ съ *я*на́ и *й*на́, на даро́з*и*). Формы род. ед. е́т*ыя* ма*е́* дачки́, твор. мн. свата́*мы*, и́*мы*, касця́*мы* [1]).

Говоръ Мстиславскаго у.: мягкое *р*, сильное аканье (*ы* вмѣсто *о*, *а* очень рѣдко, *и* вмѣсто *е*, *я*—чаще); формы им. мн. т*э́я* гро́шы, 3 л. ед. на *ець* (*ёсь*=есть) и—рѣже—на *е* [2]).

Говоръ Чериковскаго у. почти тожественъ съ говоромъ Мстиславскаго. Можно отмѣтить лишь болѣе частое глухое *ы* во второмъ слогѣ передъ удареніемъ и въ слогѣ послѣ ударенія: н*ы* кани́, д*ы*гада́тца, рабо́т*ы*иць, изрѣдка встрѣчающееся мягкое *р* вмѣсто твердаго: ста*ря́*тца, формы им. мн. так*е́я*, бальш*э́я*, мѣстн. п. мн. на ляс*о́хъ*, на мх*о́хъ*, 3 л. ед. одинаково часто на *ець* и на *е* (даже: гаво́р*я*, ви́дз*я* [3]).

Одинъ говоръ Климовицкаго у. (с. Забѣлышино, въ южной части у., близъ границы Рославльскаго у.) отличается, кромѣ мягкаго *р* (даже: сты*ря*целный=старательный), сравнительно частымъ употребленіемъ глухаго *ы* вмѣсто *а*, *о*, иногда даже въ слогѣ передъ удареніемъ: н*ы* за́ўтра, п*ы*ста́виць, укл*ы*ня́йся, и *и* вмѣсто *е*, *я*: пл*и*са́ць, се́*и*ць. Формы 3 л. ед. на *ець* [4]).

Другой говоръ того же у. (с. Тиманово, близъ г. Климовичи, къ юго-западу) отличается отъ предъидущаго тѣмъ, что въ немъ рядомъ съ *р* мягкимъ (даже: ста*ря*тца) встрѣчается *р* твердое: ў го́*ра*сци (= въ горести), падгава́*ру*иць; употребленіе глухаго *ы* очень ограничено (изрѣдка во второмъ слогѣ передъ удареніемъ). Можно отмѣтить формы дат. мн. бацьк*о́*мъ, кавал*е́*мъ.

Въ третьемъ говорѣ (с. Забычанье, въ южной части у., на границѣ Чериковскаго у.) отмѣчены, рядомъ съ формами 3 л. на *ець*, формы на *е*, даже: гаво́р*а* и т. п. [5]).

---

[1]) Тамъ же, №№ 7 (Полыковичи), 38, 42, 76.

[2]) Тамъ же, дополненія, №№ 8, 11, 43, 44, 45, 47. У Шейна, Мат., т. I, ч. II, стр. 355, нѣсколько пѣсенъ будто-бы изъ с. Монастырщины. Мст. у., съ мягкими *д* и *т* и съ нерѣдкимъ твердымъ *р* вмѣсто мягкаго. Сравни въ Бѣлор. Сб. (№ 43) сказку изъ того же села.

[3]) Бѣлор. Сб., III, стр. 254; IV. №№ 75, дополн. 2, 13, 18, 46, 53, 58.

[4]) Тамъ же, IV, дополн., №№ 1, 16, 52.

[5]) Тамъ же. III.

Одинъ говоръ Быховскаго у. (сс. Городище, Читринка, м. Пропойскъ и друг. [1]) имѣетъ твердое *р* и очень сильное аканье (*ы* вмѣсто *о*, *а* неизвѣстно, *и* вм. *е*, *я* рѣдко: мяне́, няси́, змяя́, вядро́, но: у даро́зи, ина́); формы мѣстн. на у́сёмъ маимъ ца́рству, дат. мн. брато́мъ, атцо́мъ, кучаро́мъ, твор. мн. на *мы* и на *ма*: харо́шымы напи́ткамы, свайм*ы* рука́мы, дзяцьмы́, и́мы, нага́ма, кнута́ма, слязáма, мѣстн. на твято́хъ, 3 л. ед. на *ець* и на *е*: идзе́ць и и́дзя, пусциць и пу́сця, бъё, ёсь (= есть), *есь* (= ѣстъ), 1 л. мн. дадзёмъ, повелит. н. уцякáйма.

Другой говоръ (с. Гайшино, въ южной части у., на границѣ Чериковскаго у.) отличается отъ предъидущаго тѣмъ, что имѣетъ то мягкое, то вмѣсто мягкаго твердое *р*, и тѣмъ, что въ формахъ им. ед. женск. р. и 3 л. ед. передъ *а* иногда отсутствуетъ *j*: та*а* до́бра*а* баба, зна́*а*, ду́ма*а*, гоня́*а*, ска́зу*а* (= сказываетъ), завиду*а* (рядомъ: тая, зная и т. п.). Формы дат. пятухо́мъ, твор. нога́мы, 3 ед. на *ець* и—чаще—на *е*, 1 мн. маго́мъ (= можемъ) [2].

Говоры южной половины Могилевской губ. болѣе разнообразны, чѣмъ говоры сѣверной.

Одни изъ нихъ (въ юго-восточной части Рогачевскаго и въ большей части Гомельскаго у.) близки къ послѣднимъ и мало отличаются другъ отъ друга. Они имѣютъ, кромѣ обще-могилевскихъ чертъ, мягкія *д* и *т*, твердое *р*, сильное аканье (зямля́, гуляя́шъ, пасе́ямъ, 1 л. мн., пайди́тя), предлогъ-префиксъ *одъ* (рядомъ съ *отъ*), формы им. ед. на *ый* (но той), мѣстн. мн. на *охъ*: на мужыко́хъ, балато́хъ, 3 л. ед. на *е* (хо́дя и т. п.) и на *ить*, 1 л. мн. на *омъ*: идо́мъ, запраго́мъ, сатко́мъ, заграбо́мъ, неопр. н. на *ти* (часто; мѣстами [3]) «почти совершенно оставлено окончаніе *ть*»): бе́кти (= бѣчь) и т. п.; въ формахъ 3 л. мн. употребляется окончаніе *ути*: ска́чути (мѣстами «окончанія *уть* избѣгаютъ»). Сверхъ того, въ нихъ, то чаще, то рѣже, слоги *вя*, *мя*, *вё* и т. п. замѣняются—

---

[1]) Этотъ говоръ Романовъ называетъ друтскимъ: онъ употребляется на р. Друти и въ треугольникѣ между нею и Днѣпромъ, какъ въ Быховскомъ, такъ и въ Рогачевскомъ у. Бѣл. Сб., III, стр. XV.

[2]) Бѣлор. Сб., III.—У Шейна, Мат., т. I, ч. I, тексты изъ с. Бовки, Быховскаго у., на востокъ отъ Ст. Быхова. Въ нихъ *ы* вм. *о*, *а* очень часто, даже передъ удареніемъ: кыня, зыгыда́ю, стыя́ть, пы сыда́хъ; то *дз* и *ц*, то мягкія *т* и *д*; то твердое вмѣсто мягкаго, то мягкое *р*.

[3]) Въ Дятловицкой волости. Г-жа Радченко. Гомельскія народныя пѣсни. Спб. 1888 (введеніе).—«Въ Гомельскомъ уѣздѣ . . . свой говоръ, нѣсколько отличающійся отъ бѣлорусскаго языка всего сѣв.-западнаго края. . . Рогачевскій уѣздъ (къ сѣверу отъ Гомельскаго) есть уже настоящая Бѣлоруссія. Эта разница отчасти находитъ себѣ объясненіе въ экономическомъ положеніи крестьянъ Гомельскаго уѣзда. Съ сѣверомъ они не имѣютъ никакихъ связей, и потому постепенно забывается бѣлорусскій яз.; а на югъ часто отправляются на заработки, и тамъ заимствуютъ малорусскія слова и пѣсни. Тамъ же, стр. IX.

по-малорусски—через *въя*, *мъя*, *въё* и т. п.: ўр*э*мъя (=время), за*въя*съ (=завязъ), и употребляются формы им.-вин. ср. р. и нарѣчія на *э*: харашэ́, и мѣстоименіе *що* (иногда рядомъ съ *шо*), при *што*. Формы им. ед. муж. и дат.-мѣстн. ед. женск. р. въ родѣ т*эй*, сляп*э́й* и им. мн. въ родѣ т*э́я*, сляп*э́я* на югѣ Могилевской губ. рѣдки.

Изъ этихъ говоровъ говоръ с. Перерость и близкихъ къ нему мѣстъ Гомельскаго у. (въ юго-восточной части у., близь границы Новозыбковскаго у.) имѣетъ, кромѣ указанныхъ особенностей, также формы 3 л. мн. на *ять* вмѣсто *ють* (при отсутствіи ударенія): лята́*ять*, лята́*яти*, дабега́*ять* и т. п. [1]).

Другіе говоры юга Могилевской губ. болѣе своеобразны.

Это—одинъ изъ говоровъ Рогачевскаго у. (м. Городецъ, близь г. Рогачева, на юго-востокъ отъ него, с. Нисимковичи). Онъ, имѣя большую часть чертъ общихъ ему съ сѣверными говорами Могилевской губ. (между прочими очень сильное аканье, мягкія *д* и *т*, рядомъ съ *дз* и *ц*, твердое *р*, *дж*, твердое *л* въ сі́*л*на, па́*л*ца и т. п., формы твор. мн. на *мы*, 3 л. ед. на *е*, неопр. накл. на *ти*), отличается отъ нихъ частымъ употребленіемъ *у* вмѣсто неударяемыхъ *а*, *о*: запла́к*у*ў, г*у*во́рацъ, св*у*ёй (дат.), частымъ опущеніемъ *j* передъ *а* и *у*: залата*а* уздэчка, се́на то́*а* (=то́е), тро́*а* су́такъ, чужы*а* ко́ни, прасты*а*, разу́мны*а* (им.-вин. мн.), ты*а* ра́дасци (род. ед.), жывы*а* вады́, гно́*а*мъ (тв. ед., =гноемъ), дабяга́*а*, спра́шу*а* (=спрашиваетъ), пайма́*а*мъ (1 л. мн.), сва*у́*, ту́*у* часъ, збру́*у* (вин.). Сверхъ того: слоги *вя*, *мя* и т. п. могутъ замѣняться черезъ *въя*, *мъя*: ўрэ*мъя*, да*въ*ёсъ; формы 1 л. мн. на *омъ*: паедо́*мъ* (=поѣдемъ), вядо́*мъ*, маго́*мъ* (при во́зьмямъ), формы 3 л. мн. на *ти* (изрѣдка): падо́хну*ти*. Наконецъ, твердое двойное *ш*: ве́*шшы* (=вещи), пу*шшу́*; *ы* въ наг*ы́* (род.); *ф* вм. *хв*: у*ф*ачу́ [2]).

Это—другой говоръ того же уѣзда (с. Озераны). Въ немъ [3]) обращаютъ на себя вниманіе очень закрытыя *а* и *о*, которыя наблюдателемъ были приняты за *о* и *у* [4]), или—быть можетъ—уже вполнѣ развившіяся *о* и *у* на мѣстѣ нашихъ ударяемыхъ *а* и *о*: ско́ска (=сказка), ко́жа (=каже), до́й (=дай), дуво́й, ступо́й, номъ (=намъ), кро́дзешъ, чосъ, жо́ли (=жали), слядо́ми (=слѣдами), пёцъ (=пять), ўзе́ли, ме́са, ўсе́кій и т. п., п*у́*сли (=послѣ), хл*у́*пцы, дар*у́*гай (твор.), пр*у́*ся (=про-

---

1) Этотъ говоръ названъ у Романова **переростовскимъ** («юго-восточная часть Гом. у.»). Бѣл. Сб., III, IV.

2) Бѣл. Сб. III. Говоръ мѣст. Жлобина отличается отъ говора с. Нисимковичей менѣе частымъ опущеніемъ *j* и употребленіемъ мѣстоименія *шо*, рядомъ съ *што*.

3) Романовъ, называющій этотъ говоръ **озеранскимъ**, говоритъ, что онъ распространенъ въ западной части Рогач. у., на границѣ съ Минской губ., и наиболѣе рѣзкимъ является въ Озеранскомъ приходѣ.

4) По Романову, «звукъ *о* произносится почти какъ *у*: м*у*й, г*у*л*у*ва̀».

ситъ), в*у́*ко (=око), пл*у*тъ, хв*у*стъ, *ю*нъ (=ёнъ), *ю*й (=ёй), *ю*, *ю*сь (=ё, ёсть), *лю*хъ (лёгъ), н*ю*съ, кул*ю*сы (=колёса), ц*ю*плый, жыв*ю*мъ (1 л. мн.), бъяц*ю*сь (=бьетесь), ўс*ю* сва*ю́* сяло́ (=всё) и т. п. Употребленіе *у* на мѣстѣ неударяемыхъ *о* и *а* очень часто, такъ что *о* замѣняется черезъ *у* чаще, чѣмъ черезъ *а*: г*у*л*у*ва́, п*у*р*у*сла́, ч*у*л*у*ви́ча (зв.), зд*у*ро́ва, нав*у*ри́ли(=варили), ви́д*у*ю (=вѣдаю), чар*у*вики. Затѣмъ, *ѣ* звучитъ какъ долгое *и*: хл*и*пъ («какъ бы хл*іи*пъ»,=хлѣбъ), мядзви́цъ, *и́*хаць. зус*и́*къ (=засѣкъ), пув*и́*шу, дз*и́*лаць, ц*ы́*лый, р*ы́*заць. Сверхъ того: *дз* и *ц*, твердое *р* и другія черты общія говорамъ Могилевской губ., сохраненіе (иногда) древняго *е* безъ ударенія, отсутствіе *j* въ *а*къ (=якъ), здуро́ва*а*, бу́жа*а* мо́церъ (=божья матерь), зна́*а*, умоля́*а*, папыта́*а*мъ (не часто), формы 3 л. ед. на *е* (хо́дз*я*), 1 л. мн. на *омъ*: начн*о́мъ*, напад*у́мъ*, повел. н. худзе́мъ. Глухое *ы* очень рѣдко; *я* вм. *е* обычно: м*я*не́, пер*а*в*я*ду́, бе́га*я*; формъ твор. на *мы* не отмѣчено [1]).

Это—говоръ южной полосы Гомельскаго у. (сс. Марковичи и Старо-Юрковичи съ волостью послѣдняго), имѣющій кое-что общее съ говоромъ озеранскимъ, именно иногда *и* (какое?) вмѣсто *ѣ*: *и́*хали, д*и́*ло, ц*ы́*лая няд*и́*ля, р*ы́*зать (=рѣзать), и отсутствіе *j*: до́бра*а*, до́бру*у*. Сверхъ того: мягкія *д* и *т*, твердое *р*, спорадическое неударяемое *о*, частое *я* вмѣсто *е*: *я*на́, м*я*ла́, *я*е́, в*я*се́льля, н*я*сли́, б*я*ры́, запрага́йт*я*, рядомъ съ *и*: л*и*те́ть, н*и*ве́хна, з*и*лёная, н*и*ма́, во́з*и*ра; изрѣдка твердые согласные (по-малорусски): ўс*э* (=всё), м*э*ть (=медъ; Юрковичи); изрѣдка (по преимуществу послѣ губныхъ) *и* вм. *ы*: в*и́*шла, коро́в*и* (им. мн.), в*и* (=вы), в*и*с*и*ха́ть, с*и*но́чки (при няве́ск*ы*, им. мн.); *вья*, *мья* и т. п. вм. *вя*, *мя*: *пья*ть, *вьё*съ (=везъ), сто *вьё*рстъ; формы твор. мн. на *мы*, 3 л. ед. на *е* (хо́д*я*), 3 л. мн. на *ять* вм. *ють:* гуля́*ть*; бу*ў*, бу*ла́*; мѣстоименіе *що* [2]).

Романовъ сводитъ говоры Могилевской губ. къ тремъ:

1) центральному, ч и с т о м у б ѣ л о р у с с к о м у, въ уу. Сѣнненскомъ, Чаусскомъ, большей части Могилевскаго, западныхъ частяхъ Оршанскаго и Горецкаго, съ дзеканьемъ, твердымъ *р*, съ формами 3 л. ед. на *ть*. Изъ Могилевской губ. онъ направляется въ Витебскую и Минскую губ. и переходитъ во всей своей чистотѣ въ Дисненскій и Вилейскій уу. Виленской губ.;

2) в о с т о ч н о м у, въ уу. Климовицкомъ, Чериковскомъ, Мстиславскомъ, восточныхъ частяхъ Горецкаго и Оршанскаго, сѣверной части Сѣнненскаго, съ дзеканьемъ, мягкимъ *р*, формами 3 л. ед. на *ть*. На сѣверѣ онъ сливается съ говоромъ смоленскимъ, направляется къ Днѣпру и затѣмъ, за Днѣпромъ, переходитъ въ Витебскую губ., гдѣ наполняетъ

---

[1]) Бѣл. Сб., III.

[2]) Бѣл. Сб., IV, №№ 60, 102. Шейнъ, Мат., т. I, ч. I (здѣсь еще: им. ед. сиз*ой*, род. *табя*, вин. *яё*, что сомнительно).

Витебскій, часть Городокскаго и Невельскаго уу. и сливается въ Велижскомъ у. съ говоромъ смоленскимъ цокающимъ;

3) южному, въ у. Гомельскомъ и большей части Рогачевскаго (сѣверная граница на востокѣ, въ Климовицкомъ у.,—рѣка Бесѣдь, на западѣ—граница Сѣнненскаго у.), безъ дзеканья, съ твердымъ *р*, съ формами 3 л. ед. на *е*. Онъ переходитъ въ Минскую губ. [1]) и имѣетъ въ ней значительное распространеніе, пока не сливается съ окающимъ говоромъ. Этотъ говоръ разбивается на много подговоровъ, изъ которыхъ важнѣйшіе перерестовскій, озеранскій и друтскій [2]).

Говоры Минской губ. дѣлятся на три группы: сѣверо-восточную, западную и южную.

Говоры сѣверо-восточной группы очень близки къ сосѣднимъ говорамъ Виленской, Витебской и Могилевской губ. и отличаются сильнымъ аканьемъ и употребленіемъ *дз* и *ц*, *ў* вм. *у*, *в*, *л*, двойныхъ мягкихъ согласныхъ, твердаго *р*, твердыхъ шипящихъ (даже двойныхъ: цё*шша* = тёща, да*жджы* = дожди) и *с* въ *сэ*рца, *сы*ножа́ць и т. п., *зъ* вмѣсто *изъ*, *съ*, формъ дат.-мѣстн. съ свистящими, дат. и мѣст. гасц*е́мъ*, гасц*е́хъ*.

Въ говорѣ Борисовскаго у. (сравн. говоры виленскій и витебскій) нерѣдко употребленіе *и* вм. *е*: л*и*та́ла, пл*и*ла́, у набо́р*ы*=въ наборѣ и т. п. (рядомъ: м*я*до́къ, л*я*ці́ць, н*я*се́ць, сейц*я*; с. Волосовичи); формы им. ед. на *ы*, дат.-мѣстн. ед. т*эй*, 3 л. ед. въ однихъ мѣстахъ обыкновенно на *ець* (сс. Волосовичи, Лотыголичи), въ другихъ, къ югу отъ первыхъ, обыкновенно на *е* (м. Холопеничи; даже: хо́дз*я*), повел. н*и*, *би*, п*и*. Формы зват. п. обычны: му́ж*у*, нягадзя́*ю*; рядомъ съ формою *цябе́*—форма *це* (род.-вин.): ў *це* (=у тебя).

Въ говорѣ сѣверной, большей [3]) части Минскаго у. (сравн. говоръ виленскій) употребленіе *и* вм. *е*, повидимому, очень рѣдко (въ концѣ формъ дат.-мѣстн.); двойные мягкіе согласные иногда замѣняются простыми: свин*я́*; формы им. ед. на *ы* и на *ый*, 3 л. ед. въ однихъ мѣстахъ обыкновенно на *ець* (рѣдко на *е*; с. Лусково), въ другихъ обыкновенно на *е* (но хо́дз*я* и т. п. извѣстны; м. Койданово, д. Грычино), 3 л. мн. хо́дз*юць* (с. Лусково), возвратн. зал. на *ця*: гадзі́ц*ця* (с. Лусково).

Объ одномъ изъ говоровъ этой части уѣзда — объ говорѣ Семково-Городецкой волости—мы имѣемъ болѣе свѣдѣній. Употребленіе *и* вм. *е* въ немъ отмѣчено въ б*и*рагі́ (= берега, им. мн.), с*и*рабро́, н*и*с*и*цё (= несете), ў ха́ц*и*; *дж* отмѣчено въ гля*дж*у́ и ви*дж*у; формы им. ед.

---

[1]) По г-жѣ Радченко, гомельскій говоръ слышится въ Рѣчицкомъ у. Минской губерніи.

[2]) Бѣл. Сб., III, введеніе.

[3]) Съ м. Койдановымъ включительно (на юго-западѣ, въ 40 верстахъ отъ Минска). На основаніи сообщенія В. З. Завитневича.

на *ый*, род. ед. женск. *тый*, сляп*ый* бабы, глух*ій* дзéўки, мѣстн. ед. на кан*ú*, на гвóздзик*у*, род.-дат.-твор.-мѣстн. ед. ж. р. *таéй*, *тэй* и *той*, адн*аéй*, адн*эй* и адн*óй*, дат. мн. пан*óмъ*, хлапц*óмъ* (и—чаще—пан*áмъ* и т. п.), тв. мн. ачы́*ма*, ушы́*ма*, пáр*ма* (= парами), мѣстн. мн. у двар*óхъ*, у грудз*ѣ́хъ*, 3 л. ед. хáп*а*, гул*я́*, съ долгимъ *а*, при гул*я́я*, гуля*ецъ*, 1 л. мн. вядзёмъ, нясёмъ (при вядзёшъ, нясёшъ), хадз*ёмъ*, хадз*ёма*, пóйдзи*ма* (повел.), 2 л. мн. повел. изрѣдка нясéця, хадзéця (при обычномъ нясíця и т. п.), 3 л. возвр. на *ица*, неопр. н. пéкци и пякцí и т. п. Формъ им. мн. на *э́* (вал*э́*) нѣтъ [1]).

Сверхъ того, въ говорѣ мѣстечка Волма (въ 40 верстахъ отъ Минска) и окрестныхъ деревень, Минскаго же у., отмѣчено *óў*, *éў* изъ *ав*, *ал*: з*óў*тра (= завтра), д*óў* (= далъ), каз*óў*, ўз*éў* [2]).

Говоръ части Игуменскаго у.: употребленіе *и* вм. *е* рѣдко (дз*и*сятникъ, м*и*нé, н*и*хай, у камор*ы*, но: на марóз*я*, на стр*э́*с*я*, на чужой старóнушц*а*, новыя сéн*я* = сѣни), встрѣчается *у* вм. *о*: шшы́р*у*я = щирое, на крупéньк*у*мъ бяра́шку́ (с. Микуличи), на жóўт*у*мъ пясóчку (м. Узды), изрѣдка *дж*; формы им. ед. на *ы*, им. мн. блин*э́*, вал*э́* (= волы), купц*э́* (м. Узды и с. Цитво), 3 л. ед. на *е*, повелит. 2 л. ед. ч. *жджы* (= жди), 1 л. мн. хадзёмъ (с. Цитво), 2 л. мн. завéця (м. Узды), возвр. з. садзи*са* (с. Цитво).

О говорахъ части Бобруйскаго у. наши свѣдѣнія крайне скудны. Употребленіе *и* вм. *е*, повидимому, рѣдко (дат.-мѣстн. дарóз*и*, свáс*и* и т. п., но: кусá*я*шъ, рáду*я*тца, ед.; д. Михалево); двойные твердые шипящіе иногда замѣняются простыми: *я́ш*еръ (= ящеръ, д. Михалево); нерѣдко *дж*; формы им. ед. на *ы* и на *ый*, мѣстн. ед. на хвóстик*у*, зват. рабóтничк*у* (с. Жилинцы), дат.-мѣстн. ед. *тэй*, им. мн. стральц*э́* (с. Жилинцы), каральк*é*, павадк*é*, касничк*é* (= поводки, коснички; д. Михалево), твор. мн. плячы́*ма*, свячы́*ма* (= свѣчами, д. Михалево), 3 л. ед. въ однихъ мѣстахъ обыкновенно на *ецъ* (с. Бацевичи), въ другихъ обыкновенно на *е* (д. Михалево; даже: хóдз*я*, с. Жилинцы), 1 л. мн. бýд*амъ* (д. Михалево), повел. н. свар*э́*цеся, памир*э́*цеся (= сваритесь, миритесь; Городокъ). Сверхъ того, употребляется *j* передъ начальнымъ *а* въ началѣ рѣчи и послѣ словъ, оканчивающихся на гласные: *я* (= а, союзъ), *я*гóнь (с. Жилинцы), и два *е* сливаются въ одно: см*е*шъ, ум*е*шъ (д. Михалево) [3]).

---

[1]) На основаніи сообщенія А. А. Розенфельда.

[2]) Р. Филол. Вѣстн. 1895 г., № 3, ст. Карскаго.

[3]) Тексты изъ разныхъ мѣстъ этихъ уѣздовъ Минской губ. — у Шейна, «Пѣсни» и «Мат.», тт. I и II. — Вполнѣ возможно, что въ нѣкоторыхъ говорахъ, нами здѣсь описанныхъ, слышатся дифтонги *уо*, *ie*, не отмѣченные въ текстахъ Шейна.

Извѣстные намъ говоры Рѣчицкаго у. всѣ съ *дз* и *ц* (рядомъ съ которыми изрѣдка мягкія *д* и *т*), твердымъ *р* и формами 3 л. ед. на *е* и *ицъ*. Въ одномъ изъ нихъ, м. Горваля, можно отмѣтить только частое *я* вм. *е* (но: на яво́р*ы*, мѣстн.) и форму 1 л. мн. по́йд*амъ*. Въ другомъ говорѣ, с. Колки, при аканьѣ и частомъ *я* изъ *е*, кажется, послѣ ударенія спорадически сохраняются *о* и *е*. Сверхъ того, въ немъ *у* вм. *ы* (спорадически): п*у*та́ли (пытали), нав*у́*ми, нав*у́*хъ (= новыми, новыхъ), кап*у́*цики (= копытики), им. мн. мало́тцэ, твор. мн. тры*ма́* (= тремя), 1 л. мн. на *мо*, 2 л. мн. повел. н. кладзе́ця, неопр. накл. на *ци* (рядомъ на *ць*), возвр. зал. на *са* [1]). Въ третьемъ говорѣ, д. Рудни, Якимовичской волости, при аканьѣ и *я* изъ *е*, также, кажется, *о* и *е* послѣ ударенія сохраняются. Еще въ немъ: *у* вм. *ы*: исъ сало́м*у*, часав*у́*е (им. мн.), в*у́*цяну; им. ед. утар*о́й* (?), дат. ма́миньки (?), 3 л. идзё*ць* (?), паймá*е*, возвр. з. зары́у*се*, напъ*ю́са*. Въ пятомъ говорѣ, Дубицкой волости, кромѣ аканья и спорадическаго *дж* (са*джу́*), отмѣчено: Иванов*уй* (род. и дат.), Ива́нов*у*го, не́б*гё*съ (род.), в*у* (вы), зу́б*у* (им. мн.), г*у́*ляу. 3 л во́зьм*ець*. Наконецъ, въ говорѣ с. Мухоѣдсвъ отмѣчено: *е́ки* (им. ед.) *е*къ (якъ), в*у́*скочили [2]).

Изъ говоровъ Мозырскаго у., тоже съ *дз* и *ц* (спорадически также *д* и *т*) и формами 3 л. ед. на *е*, мы знаемъ кое-что лишь объ одномъ (неизвѣстной мѣстности). Онъ отличается сильнымъ аканьемъ и частымъ употребленіемъ *я* вм. *е*: залато́г*а*, варано́г*а*, далё*ка*, бо́ж*а*, зват. (но: на паро́з*и*, на ха́ц*и*, на рэ́чц*ы*). Формы им. ед. на *ы*, 1 л. мн. пайдо́*мъ*, ся́дзь*ма*, павячара́й*ма* [3]).

Говоры западной группы отличаются соединеніемъ аканья съ оканьемъ, т. е. сохраненіемъ болѣе или менѣе часто неударяемыхъ *о* и *е*, при *дз* и *ц*, твердомъ *р*, *дж*, *зъ* вмѣсто *съ* и рядомъ съ *съ*, *одъ* вм. *отъ*, формахъ им. ед. на *ы*: до́бр*ы*. Формъ им. ед. на *эй*, дат.-мѣстн. ед. на *эй*, им. мн. на *эя* въ этихъ говорахъ не отмѣчено.

Одинъ изъ говоровъ Новогрудскаго у. (Щорсовская волость) [4]) сохраняетъ неударяемое *о* послѣ ударенія и неударяемое *е* какъ послѣ ударенія, такъ часто и передъ нимъ [5]): старо́*го*, пи́во*мъ* (твор.), кита́й*кою* (тв.), сэ́рц*о*, со́нц*о*, пагуля́ньё, зле*та́е*ць, пры*лега́е*ць, че*цвё*рты, ў

---

[1]) Шейнъ, Мат., т. I, ч. I.

[2]) Тамъ же, т. II, стр. 52, 610, 469.—Жив. Стар. 1894 г., I, 110, 113.—Янчукъ говоритъ какъ объ особенности рѣчицкихъ говоровъ — о замѣнѣ *ы* через *у*: *му* = мы, с*у*нъ, б*у*къ, б*уй*стрый = быстрый. Сборникъ свѣдѣній...

[3]) Тексты у Запольскаго, Бѣлорусская свадьба и свад. пѣсни, Кіевъ, 1888.

[4]) «Piosnki wieśniacze z nad Niemna... są zebrane w Nowogródzkiem we włości Szczorsowskiej (на границѣ Виленской губ.), najbardziej w Przeŝliczce, i kilka w Dałmatowszczyźnie».

[5]) «Porównywając dialekt nadniemnowy z naddzwińskim... w pierwszym ma przewagę samogłoska *e*, a w drugim *a*».

селé, залат*ы́е*, люб*ы́е* (им. мн.), стрэч*áе*; рядомъ: т*а*бé, з*о*л*о*ты́, ў д*а*рóзе мядокъ, у вянку. При этомъ неударяемое *о* послѣ ударенія можетъ звучать какъ *у*: на цих*у*мъ Дунаю, на бéленьк*у*мъ кáмени, у трэ́ц*ю*мъ поли (рядомъ: цих*о*мъ), неударяемое *а* съ предъидущимъ *j* или мягкимъ согласнымъ послѣ ударенія—какъ *е*: пó*е*съ, хóдз*е*ць, а неударяемое *е* передъ удареніемъ—какъ *и*: н*и*мá, м*и*нé, ц*и*пéръ (рядомъ: н*е*мá, м*е*нé, ц*е*пéръ). Сверхъ того, группа: согласный+*j* сохраняется: ку*цья́*, вé*цье*, га*льё*, пагуля́*ньё* (но: весé*ле*); формы имен.-винит. мн. жэньц*э́*, касьц*э́* (= жнецы, косцы), сват*э́* (= сваты), дам*э́*, двар*э́*, пастушк*é*, дзеўк*é*, люodз*е*; 3 л. ед. обыкновенно на *е* (рѣдко: скáч*ець*), но: *есць*, *ёсць*, *есть* (= есть), *есць* и даже *есци* (= ѣстъ); 1 л. мн. иногда на *мо*: рóби*мо*, седзи*мó*; повелит. накл. съ *е*: жнé*це*; неопр. накл. на *ць* и на *ци*; возвр. зал. на *ся* и *ца*, *се* и *це*: прасíла*се*, смеюц*це* (на *сь* нѣтъ). Сверхъ того: формы дв. ч. дзве шкóдз*е* и дзве шкóд*ы*, им.-вин. ед. ср. р. сэ́рцо ма*ё́* и ма*é*, мѣстн. ед. на бар*ы́* и на бар*ý*; придыханіе *г* (= *h*): *г*арáць при *а*рáць (= орать), рядомъ съ болѣе обычнымъ *в*: *в*óко, *в*aкнó (при *о*ко, *а*кно) [1]).

Другой говоръ того же уѣзда (с. Березовецъ) имѣетъ безъ ударенія звукъ близкій къ *о* во второмъ слогѣ передъ удареніемъ и въ слогѣ непосредственно слѣдующемъ послѣ ударенія: м*о*лады́й, с*о*калá, *о*тступи́ся, дóбр*о*га, жóнк*о* (зват.), сéрц*о*, зéллё, застóллё; въ другихъ слогахъ неударяемое *о* = *а*: б*а*лíць, м*а*ё. Неударяемое *е* сохраняется въ тѣхъ же слогахъ, гдѣ и *о*, но гораздо рѣже; оно замѣняется въ остальныхъ черезъ *я* или черезъ *и*: с*я*стрá, в*я*зí, л*я*цéць, éздз*я*, м*и*нé, ц*и*бé, засм*і*я́уся. Въ этомъ говорѣ удвояются мягкіе согласные: зé*лл*ё; формы мѣстн. ед. на *и*, *ы*: ў сяльц*ы́*, на гар*ы́* (= горѣ); формы 3 л. ед. только на *е*: вяз*é*, пляц*é*, кáж*а*; формы повел. накл. жнé*ця*. Формы зват. п. [2]).

Третій говоръ того же уѣзда (мѣстности неизвѣстны) сохраняетъ неударяемыя *о* и *е* во второмъ слогѣ послѣ ударенія: вялíкаг*о*, цéлаг*о*, мéран*о* (= мѣряно), дзéрав*о*, за пáзух*о*й, далёка*е*̈, блíска*е*̈, сáмы*е*, мéньшы*е*, на пéрадз*е*; а спорадически, можетъ быть, и въ слогѣ слѣдующемъ за удареніемъ: пóл*е*, здарóвъ*е*; въ другихъ слогахъ *о* и *е* замѣняются черезъ *а*, *я* и *и*: *а*днá, к*а*зá, мя́хк*а*, в*я*зé, лéз*я*, ў лéс*я*, н*и*мá, *и*щé. Двойные мягкіе согласные обыкновенно замѣняются простыми: сви*ня́*, вясé*л*я (но: здарó*вь*е). Формы им. ед. на *ы* (т*ой*), мѣстн. на канц*ы́*, твор.

---

1) Матеріалы въ двухъ книжкахъ Чечота: Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dzwiny, z dołączeniem pierwotwornych w mowie sławiano-krewickiej, Wilno, 1844;—Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dzwiny, niektóre przysłowia i idiotyzmy w mowie sławiano-krewickiej, Wilno, 1846.

2) Русск. Филол. Вѣстн. 1884 г., № 2 и 3.—У Шейна, Мат., т. II, стр. 131: хлѣв*э*, пастух*é*, шапк*é*, им. и вин. мн., *би*, повел. н. С. Березовецъ—на юго-западѣ отъ Щорсъ, недалеко отъ послѣднихъ.

плячыма, 3 л. ед. на *е*, но: *есиь* = ѣстъ, повел. н. даръце, написся, возвр. зал. всегда на *ся* [1]).

О четвертомъ говорѣ того же уѣзда (дер. Круговичи) мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго, кромѣ того, что неударяемое *о* въ немъ иногда въ концѣ словъ сохраняется; записано: другое, суджоное, перъё, сняданьнё, даўсё (= дался), рядомъ съ цвятокъ, цябе, глядая, пъецяя, бѣлоя лицо, на болоци, на рыби, жына, сусѣдочикъ (род.), даже: у вяликуй дорози. Въ этомъ говорѣ двойные мягкіе согласные: зельлё, сняданьнё, формы вин. ед. белаю руку, им.-вин. мн. гужэ, паслэ (= послы), мядэ, быке, дзяўке, 3 л. ед. на *е*, 1 л. мн. величаямо, повел. н. идзеце, возвр. зал. на *сё* (рядомъ на *ся*). Сверхъ того: *яшэ* (двойные твердые согласные?) [2]).

Какъ далеко на востокъ заходятъ говоры западной группы, мы не можемъ опредѣлить, такъ какъ находящійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ внушаетъ къ себѣ мало довѣрія.

Тексты, записанные Дмитріевымъ въ неизвѣстныхъ мѣстностяхъ Минскаго и Игуменскаго уу., позволяютъ думать, что говоры этихъ мѣстностей, не имѣя дифтонговъ *уо*, *іе*, въ томъ или другомъ количествѣ сохраняютъ неударяемыя *о* и *е*. Напримѣръ, въ нихъ стоитъ: хорошае, дастаўсе, налетаўсе (минск.), скажысе, подзелисе (иг.), рядомъ съ формами абрусе (вин. мн., = убрусы, иг.), у сянёхъ (минск.), збираиць (минск.), ходзе, пасякомъ (иг.) [3]).

Тексты изъ сс. Побережья и Скуплины (на р. Березинѣ), Борисовскаго уѣзда, изданные графомъ Тышкевичемъ, также позволяютъ думать, что говоръ этихъ селъ (несомнѣнно дифтонговъ *уо*, *іе* не имѣющій) часто сохраняетъ послѣ ударенія неударяемыя *о* и *е*. Записано: табé, залаты, галавá, яé, мянé, дзéла (= дѣло), цéста (тѣсто), лíжа (3 л. ед.), застóлья, падвóрья (им.-вин. ед.), дубóвай (твор.), и рядомъ: далёко, нáшаго, дóбраго, у дóўгой дарóзе, крынíцой (твор.), у гарóдзе, на частакóле, дóбрые, угадáе (3 л.), ржыце (повел.), раёчекъ, вéчеръ. Другія особенности: *дз* и *ц*, твердое *р*, сохраненіе мягкихъ согласныхъ+*j*: застолья (рядомъ: кахáне=коханье), формы им. ед. на *ы*, род. майгó, мѣстн. пры

---

[1]) Тексты изъ Новогрудскаго у., Дыбовскаго, въ Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, тт. V. X, Kraków, 1881—86, и у Шейна. Мат. т. I, ч. II, 221 сл.

[2]) Тексты у Шейна, Мат., т. I, ч. II. 235 сл. Еще тексты изъ Новогрудскаго у.—у Дмитріева въ «Собраніи пѣсенъ, сказокъ, обрядовъ и обычаевъ крестьянъ сѣверо-западнаго края», Вильна, 1869 (пѣсни перепечатаны у Шейна), и въ «Сказкахъ» Аѳанасьева, вып. 3-й, №№ 2—10 (сообщенные Дмитріевымъ). Здѣсь: свиня, пищы (род.), формы зват. кумко (ж. р.), дурачку. возвр. з. сашлисе, схватилисе.

[3]) Памятная книжка Гродненской губ. на 186

татэчку, твор. мн. ручками бяленькими, 3 л. ед. на *ець* и на *е*, возвратн зал. на *се* и на *ся*; формы зват. п. [1]).

Говоры южной группы—переходные отъ бѣлорусскаго нарѣчія къ сѣверно-малорусскому поднарѣчію—слышатся въ центрѣ Минской губ.: въ южной окраинѣ Минскаго у., въ Слуцкомъ, Игуменскомъ, Бобруйскомъ и Мозырскомъ уу. Они соединяютъ въ себѣ бѣлорусскія аканье (въ той или другой степени неполное) и дзеканье съ сѣверно-малорусскими дифтонгами *уо*, *уы*, *ыо* и *ie* на мѣстѣ собственно бѣлорусскихъ ударяемыхъ *о*, *ё* и *е* (= древн. *е* и *ѣ*) и (иногда) ихъ неударяемыхъ рефлексовъ, причемъ въ этихъ дифтонгахъ въ сѣверо-восточной части территоріи говоровъ южной группы преобладаетъ вторая часть звука: вуóлъ, мыóдъ, сіéмъ (= семь), сіéно, а въ прочихъ мѣстахъ—первая: вýолъ, мыóдъ, сíемъ, сíено [2]). Сверхъ того: *р* звучитъ обыкновенно лишь твердо; двойные мягкіе согласные (съ болѣе или менѣе частыми исключеніями); *зъ* вмѣсто *изъ*, *съ*; *дж*; твердое *л* въ сíлно, бóлно, пáлцы, что «не составляетъ однако общаго правила» (Игуменскій, Слуцкій, Бобруйскій уѣзды) [3]). Формы им. ед. на *ы*, род. майгó и магó и т. п., 3 л. ед. на *е* и *иць* (но: *ёсць* и *есць* = есть, *есць*=ѣстъ); формы зват. пад. на *е* и на *у*. Формъ им. ед., дат.-мѣстн. ед. на *эй*, им. мн. на *эя* здѣсь совсѣмъ или почти совсѣмъ нѣтъ.

Неизвѣстно, звучатъ ли въ этихъ говорахъ древніе звонкіе какъ глухіе, или сохраняются, т. е. произносится ли мыо*д*ъ, или мыо*т*ъ, салó*д*кій, или сало*т*кій [4]).

Часть этихъ говоровъ, тѣ, которые находятся на сѣверномъ берегу Припети, исключительно или по преимуществу послѣ губныхъ имѣютъ *у* вмѣсто *ы*: букъ (быкъ).

Объ степени аканья въ говорѣ дер. Ячонка (близъ м. Столбцы), на южной окраинѣ Минскаго уѣзда, мы не можемъ ничего сказать; отмѣчено: пясóчакъ, пчалá, поглядá*я* и т. п.; несомнѣнно, неударяемыя *о* и *е* въ большемъ или меньшемъ количествѣ случаевъ сохраняются. О дифтонгѣ *ie* (онъ одинъ отмѣченъ) также мы не можемъ сказать, какая часть, первая, или вторая, въ немъ преобладаетъ, и какъ часто онъ упо-

---

[1]) Tyszkiewicz, Opisanie powiatu Borysowskiego. Wilno, 1847.

[2]) Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи, вып. I, M. 1889 г. (Извѣстія И. Общ. Любит. Естествозн., Антропол. и Этногр., LXI), ст. Янчука.—Позволяемъ себѣ напомнить, что дифтонгъ—одинъ звукъ.

[3]) Тамъ же, стр. 70.

[4]) «Относительно тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ я не успѣлъ побывать, я могу сказать только, что на югѣ Минской губ., въ сторону Польши и Малороссіи, бѣлорусскій языкъ далеко не такъ чистъ, какъ въ сѣверной части, не только въ отношеніи звуковъ, но и въ отношеніи словоупотребленія и формъ; тамъ совсѣмъ особый типъ языка съ большой примѣсью польскаго и малорусскаго». Тамъ же, стр. 70.

требляется; едва ли можно сомнѣваться, что онъ употребляется много рѣже, чѣмъ въ сѣверно-малорусскихъ говорахъ: таб*іе* (= тебѣ), выб*іе*гла, посѣдз*іе*нки, п*іе*сня, п*іе*ли, зацв*іе*та́е, стрэм*іе*но́ў (род. мн.=стремянъ), и рядомъ: на двор*э́* (мѣстн.) и т. п. Другія особенности: твердое двойное *щ*: *шш*ыгелъ (= щеголъ), формы род. свэ*й* матушки, свое́ цётушки, повелит. н. заверне́це, одбер*э́*це, запросе́це, возвр. з. женици*се* [1]).

Въ говорѣ Ново-Сверженской волости, на границѣ Минскаго у. съ Новогрудскимъ, отмѣченъ звукъ средній между *о* и *а*, являющійся спорадически и передъ удареніемъ (во 2-мъ слогѣ), и послѣ него: похава́йма, жыт*о*, жа́лк*о*, рядомъ съ чистымъ *а*. Сверхъ того: *и* изъ *е* безъ ударенія: дз*и*ся́токъ, п*и*нёкъ, ц*и*пе́ръ. Дифтонги *уо* и *іе*, неизвѣстно съ преобладаніемъ какой части,—обычное явленіе: сак*уо*лъ, б*уо*йся, м*уо*й, вал*уо*мъ (дат.), ж*уо*нка, даже: б*уо*рзды (= борзый), в*уо*ўкъ (= волкъ), п*уо*вянъ (= полонъ), ст*уо*ликъ, гав*уо*рыць (3 л.), залат*уо*му, жыв*уо*га (род.), рядомъ съ конь; н*іе*тъ, няв*іе*хна, ј*іе*сьци (= ѣсть), р*ые*чка, гар*ые*лка, таб*іе*, щац*ые* (=щекѣ, дат.), п*іе*чка, пасьц*іе*ль, даже м*іе*ду (род.); рядомъ: на рокитав*у*мъ кусту, пра́в*уй*, си́н*юй* (дат.), р*ы́*ку (= рѣку, вин.), сястр*ы́* (дат.). Другія особенности: чат*ые*ры (= четыре), *и*къ (безъ ударенія) = якъ, *пя*ць (пять), *мё*тъ (медъ), скаро́*джу*. Формы: им. ед. свят*ы* дзень, род. ед. у мо́*я* ма́тки, им.-вин. мн. съ ударяемымъ дифтонгомъ въ концѣ: арл*ые*, мяд*ые*, сват*ые*, ключ*ые*, гаршк*ие*, залат*ые*, жалк*ие*, род. мн. ўс*ю*хъ (= всѣхъ), 3 л. ед. жыве́ць, вязе́ць, 2 л. ед. повел. н. б*и*, 1 л. мн. повел. н. да́й*ма*, пагуля́й*ма*, 2 л. мн. повел. пакаже́ця, сяче́ця, возвр. з. закапи́ла*се* [2]).

О степени аканья въ говорѣ с. Подлѣсья, Слуцкаго у., мы не можемъ ничего сказать; записано: го́рд*а*=гордо, таб*и́*, подм*а*ви́ли, в*я*нокъ, ч*а*го́, вязли́, ж*а*ню́, дзяўчи́на, на́ш*а*го, пла́ч*а*, 3 л., ма́тц*а*, дат., буольшо́*я*, пуойдз*и*шъ. Дифтонги *уо* и *іе*, неизвѣстно съ преобладаніемъ какой части, употребляются очень часто: м*уо*й, дв*уо*ръ, б*уо*ръ, б*уо*гъ, т*уо*льки, дор*уо*жка, в*уо*йна, *ю*онъ (=онъ), м*ю*одъ, ляб*ю*одка, ж*уо*нка, зял*ю*онъ [3]), дз*іе* (= гдѣ), в*іе*къ, чалов*іе*къ, л*іе*съ, об*іе*дъ, на стол*іе*, п*іе*чъ, м*іе*чъ, причемъ рядомъ съ ними изрѣдка являются съ одной стороны *у* и *и*: вуойт*у*ўна (= войтовна), вол*у*ў (род. мн.), дол*у*ў (=доловь) [4]), таб*и*, в*іе*, с*іе* (= вѣетъ, сѣетъ), п*и*рья (= перье), съ другой—*о* и *е*: мёдъ, семъ (= семь) и т. п. Придыханіе *г* въ *г*остры (= острый). Формы: им. ед. той, хитр*ы*, род. кажд*аи* ночи, мѣстн. на вуойськ*у*, дат. мн. па-

---

[1]) Шейнъ, Мат., т. I, ч. I. Д. Ячонка—близь границъ Новогрудскаго и Ошмянскаго уу.

[2]) Жив. Стар. 1893 г., I, ст. Довнара-Запольскаго; матеріалы, тамъ же, 1894 г., I, стр. 111—113.

[3]) Даже: т*уо*й, им. ед., немн*уо*го и т. п.

[4]) Даже: зъ Бѣл*уй* Руси.

нуомъ, твор. плеч*ыма*, оч*ыма*, 1 л. мн. бýд*амъ*, повел. н. 2 ед. помо*жы́*, 1 л. мн. постáў*ма*, возвр. з. на *са*: забыл*аса*, бою*са*, и на *ця*: напьец*ия*. Форма буд. вр. 3 л. мн. собирацъ *муцъ* [1]).

О говорѣ с. Семежова, того же у., наши свѣдѣнія очень скудны. Повидимому, онъ близокъ къ говору подлѣсскому: т*а*бѣ́, ч*а*мý, нáш*а*го, сцё*жа*чка; р*уо*дны, гол*уо*вка, к*уо*жны (= каждый), ў бож*у*мъ домѣ, у шелков*у*мъ пуцѣ (отъ путо), рядомъ съ м*ой*, тв*ой* и т. п. Сверхъ того: *е*къ (=якъ), сва*е́*, род. ед., зал*и*ся, повел. н., *о*дорвéц*ия*, 3 л. ед., хорош*э* (= хорошо).

То же можно сказать о говорѣ д. Островковъ, Царевской волости, того же у. Отмѣчено: гá*ё*къ, ст*уо*лъ, с*уо*ль, м*уо*й (рядомъ: твой), неб*ю*осъ (род.), растр*уо*съ (= растрёсъ), сл*ю*озки; сверхъ того: *е*къ (=якъ). Въ говорѣ д. Малой Млынки, той же волости, отмѣчены ф. им. ед. сам*ый*, высок*и*, так*и*, и возвр. з. на *се*. Сверхъ того: *е*къ [2]).

Въ говорѣ д. Конюховъ, того же у., при сильномъ аканьѣ (п*а*х*а*вáе, *я*нá, дз*я*ржáў, п*я*р*а*лíчимъ), тѣ же дифтонги: т*уо*льки, мужык*уо*ў, ма*іе* апастолы (им. мн. [3]).

Въ говорѣ дер. Мелешкевичей и Мащицъ (въ 10 и 8 верстахъ отъ Слуцка), при аканьѣ (т*а*бѣ, ч*а*го, гет*а*г*о*), отмѣчено: б*у*йсь, что, по всей вѣроятности, должно читать: б*уо*йсь [4]).

Въ говорѣ имѣнія Рачковичи отмѣчено: бáб*о* (зв.), таб*и́* (дат.), пов*ъе́*ў, пом*ъе́*ръ, *пъя*дзесятъ, в*у́*пиць (=выпить), дат. мн. жыд*о́*мъ, 2 л. мн. пов. поглядз*е́*це, *е́*съ=есть [5]).

Въ говорѣ с. Юревичи, Игуменскаго у., сильное аканье: г*а*лóвочка, м*а*л*а*ды́, д*а*лина, з*я*лёны, б*я*лéнькій, н*я* зняў; дифтонги только подъ удареніемъ: м*уо*й, т*уо*й (дат.-мѣстн. женск. р.), в*уо*нъ (= онъ), р*уо*дны, веч*юо*ръ, мн*іе* (= мнѣ), сус*іе*дъ, слёзы ма*іе*, у крыв*іе* (= въ крови); рядомъ: на син*ю*мъ моры; формы имен. ед. не только на *ы*, но и на *ый*, род. ед. ма*е́* (= моей). Сверхъ того: быв*а́*це (= бываете) [6]).

О степени аканья въ говорѣ Якшинской волости, того же у., не можемъ сказать ничего (отмѣчено: на мóр*а*, мѣстн., и на дарóз*и*). Дифтонгъ *ыо* только при удареніи: к*ыо*нь, т*ыо*лько, н*ыо*чъ, н*ыо*ччу, т*ыо*й (дат.), жарапц*ыо*ў (род.), даже мн*ыо*го, рядомъ съ кáжд*у*й (дат.), объ гэт*у*мъ. Еще

---

[1]) Шейнъ, Мат. т. I, ч. I; т. II.

[2]) Тамъ же, т. I, ч. II, стр. 206 сл., 290 сл., т. II. Въ текстахъ изъ д. Іодчицы, Грицевич. волости, Слуцк. у.: по вороненьк*у*мъ, ф. повел. н. будз*е́*це (= будите), ходз*е́*це. Тамъ же, ч. I, № 151.

[3]) Календарь сѣв.-зап. края на 1889 г., стр. 136. Здѣсь, стр 135, два стихотворенія, повидимому, на этомъ же говорѣ; въ нихъ мы находимъ: к*а*хàн*а*къ, (им. ед.), *а*тк*а*пáцца, ж*уо*нка, н*уо*ччу, сп*ъя*ць (= спать).

[4]) День (газета) 1863 г., № 28, стр. 10.

[5]) Шейнъ, Мат., т. II, стр. 301, 302.

[6]) Тексты въ Сборникѣ свѣдѣній...., ст. Янчука.

отмѣчено: *дж*; формы сва*йго́*, чу́*я*, хо́ч*а* (3 л., рядомъ на *иць*), неопр. н. помо*г*чи.

О степени аканья въ говорѣ Бродецкой волости (с. Колбча) также сказать нечего (отмѣчено: со́с*ня*, ѐлацц*а*=елочкѣ, дат.). Дифтонгъ *уо* подъ удареніемъ: кобыла жар*уо*бна, пан*уо*мъ (дат.), при *у* безъ ударенія: у гэ́т*у*мъ ста́дзи, у цѐмн*у*мъ ле́ся. Сверхъ того: пры*гѐ*ў, по*мгѐ*ръ, формы им. ед. м. на *ы*, дат. сва*й*му, 3 л. ед. мо́ж*а*, гово́р*а*, 2 л. пов. б*и*, возвр. з. набра́ўс*е* [1]).

Въ говорѣ одного глухаго селенія на Полѣсьѣ, того же у., сильное аканье: к*а*р*а*ва́й, п*а*м*а*жы́, з*а*л*а*то́г*а*, при зевзю лька, *е*на́ (она), стары*е*; отсутствіе двойнаго мягкаго согл. въ снѣда́*нье*, твердое двойное *ш* въ це́*шша* (при пу*шч*авъ), твердое *в*: въ чат*во́*ртомъ, *дж* въ побу*джа́*ла; формы род. ед. ж. р. свято́*ѣ*, пречи́ст*аѣ*, тва*ѣ*, сва*ѣ*, род. сва*йго́*, дат. сва*йму́*, 1 л. мн. из. н. ведо́*мъ*. ѣ́д*а*мъ, 1 л. мн. пов. ѣдзь*мо*, паклан*ѣ*мся, 2 л. ед. пов. вы́л*и* (=вылей), 2 л. мн. пов. вазьм*ѣ*це, палаж*ѣ*це, лам*ѣ*це, возвр. з. крыйс*а*, пастригавс*а*. Сверхъ того, ф. буд. вр. мѣць *мешъ* [2]).

Говоръ Дерновичской волости, Рѣчицкаго у., имѣетъ дифтонги *оу* (не *оу*) и *іе*: б*оу*гъ, к*оу*нь, ст*оу*лька, л*іе*съ, сьв*іе*тъ [3]).

Говоръ с. Языль, Бобруйскаго у., имѣетъ сильное аканье передъ удареніемъ: к*а*р*а*ва́й, з*а*л*а*ты́, *а*ны́=они, нясли́, вязли́, цябе́, ж*а*на́, но: св*и*ча́ (рядомъ: гаѐчокъ, до́бр*о*г*о* и т. п.), и дифтонги въ ударяемыхъ слогахъ: м*уо*й, н*уо*чъ, р*уо*дъ, мал*уо*дочка, н*уо*жка, т*уо*й (дат.-мѣстн.), м*іе*сяцъ, л*іе*то, таб*іе*, та*іе* (род. ед. жен. р.), чы*іе*, ма*іе* (им.-вин. мн.), м*іе*чъ, п*іе*чечка, вяс*іе*ля, изъ которыхъ *уо* замѣняется, при отсутствіи ударенія, чрезъ *у*: в*у*вто́рокъ, у перв*у*мъ угліе, на папов*у*й синажаци, у цѐмн*у*й цямницы, пиваварувъ (род. мн.). Сверхъ того: формы им.-вин. муж. р. на *ый* (и на *ы*), им.-вин. ед. сред. р. на *э*, *эе*: бясхвост*э*, шырок*ее*, вялик*ее* (рядомъ на *ое*: друго́*е*), повелит. накл. съ *ѣ*: хадз*іе*мъ, сядз*іе*це, аблам*іе*це, повел. накл. п*и* (= пей), возвр. з. на *ся* и на *са*: збира́ўс*а*, накры́юс*а*, буойс*а* (повел. н.). Еще отмѣтимъ: формы мѣстн. ед. ў вишнёв*аму* саду, двойств. ч. дзвіе бяроз*е*, трам*а* (дат.-тв.), прош. вр. буў и быў [4]).

Въ говорѣ с. Петриковъ и его волости, Мозырскаго у. (на сѣверномъ берегу Припети), аканье неполное, повидимому, чаще передъ удареніемъ: *а*кно́, х*а*дзі́ў, н*я*се́, н*я* бу́дзе (но *іе́*=ее), чѣмъ послѣ ударе-

---

[1]) Шейнъ, Мат., т. II, стр. 276 (Якш. в.), 50, 159 (Брод. в.).

[2]) Кіевскій Телеграфъ 1859 г., №№ 17—25, ст. «Свадьба на Полѣсьѣ» Полагаемъ, на основаніи особеннаго употребленія *ѣ*, что авторъ ея не умѣлъ изобразить дифтонговъ.

[3]) Жив. Стар. 1893 г., I, стр. 13, ст. Запольскаго.

[4]) Тексты въ Сборникѣ свѣдѣній.... ст. Янчука.

нія: угаль, можа, 3 л. единств. (рядомъ: его ему). Дифтонгъ подъ удареніемъ—обычное явленіе: звуонъ, луый (лой), суыль (но свой, носъ, марозъ), біьгали, біьдны, чаловіькъ, собіь, іьсци (при ф. дат. дарози, хаци). Сверхъ того, твердое *р*, *дж* въ ходжу, *у* изъ *ы*: вуйду, муйю, *е* изъ *я*: еки, поесъ, робецъ (3 л. мн.), *ё* въ міесецъ, *мъя* изъ *мя*: мъясо; формы им. ед. муж. на *ы* и *ый*, ср. р. такее, якее, род. ед. маго, мое жонки, жывэе воды, дат. маиму, тв. ед. однэю рукою, дат. мн. братомъ, сыномъ, бацькомъ, 1 л. мн. повел. ходземъ, побачемо, уцекаймо. 2 л. мн. пов. пице, возвр. з. на *са* и *со*, буд. вр. йци *ме*, бачиць *ме* (3 л.). Губные согласные передъ *е* часто звучатъ твердо: доубэшка, вэрнецца, вэльми [1]).

Говоръ м. Скрыголовъ, на южномъ берегу Припети (почти напротивъ Петрикова, повидимому, ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ говора Петрикова. Отмѣчено: маладзица, начавацъ, сцяна, дифтонги въ луый, чорнуый (дат.), суоль (при носъ), хаджу, вуйду (=выйду), мую (=мою), мъясо, мъяцъ, ф. им. ед. на *ы*, 3 л. ед. збира, при лятае.

То же, кажется, слѣдуетъ сказать о говорѣ Михалковской волости (на югъ отъ г. Мозыря). Отмѣчено: акно, начавацъ, дифтонги *уо* и *уы*, *дж* въ ходжу, *у* изъ *ы* въ мую, *е* изъ *я* въ любецъ, робецъ (3 л. мн.), при поясъ, яки, мъясо, привъезъ; формы маладыі (им. ед.), майго, майму, 3 л. ед. на *е* и *иць*, 2 л. мн. пов. пице, бице, 3 л. ед. возвр. бьеца. Можетъ быть, въ отдѣльныхъ словахъ вмѣсто бѣлорусскаго *ц* передъ *е* слышится *т* (отмѣчено: стена) [2]).

Говоръ с. Мелешковичи (на югъ отъ Припети) въ сущности тотъ же, что и петриковскій. О степени его аканья мы не можемъ сказать ничего рѣшительнаго (отмѣчено: табе, цябе, няйдзешъ, козяняты, чаму, нашаму; рядомъ: козынька и козанька, светы, вежу, везала = вяжу, лаецъ, неопр. н., ечмень); объ употребленіи дифтонговъ тоже (отмѣчено лишь *уо* подъ удареніемъ: на туомъ сельцэ, пируохъ, туолько, коруовочка, руожечки, нуожечки, даже: дуоброва; рядомъ: бойся, уцекъ, стральцоу, род.). Сверхъ того: *у* вм. *ы*: вушеу (= вышелъ), копуцики (=копытики), *и* вм. *ѣ*: зъ лива ушка; формы им.-вин. средн. светэ, правэ, колосистэ, тэе сельцэ, им. мн. хлопцэ, стральцэ, род.-вин. *табе*, дат. мн. сыномъ, 3 л. ед. шыя, губля, 1 л. мн. на *омъ*: знайдомъ, 1 л. мн. повел. на *мо*, неопр. н. есици (=ѣсть), возвр. з. на *са* и *со*. Рядомъ съ *дз* и *ц* какъ будто слышатся мягкія *д* и *т* [3]).

---

[1]) Труды этнографическо-статист. экспед. въ юго-зап. край, Чубинскаго, т. VII, стр. 597;—Шейнъ, Мат., т. II, 173.

[2]) Труды, VII, 596, 597.

[3]) Шейнъ, Мат., т. I, ч. I, стр. 56 и др.

Въ говорѣ с. Кочищи, Скородинской волости (къ югу отъ с. Мелешковичей, близь границы Волынской губ.), отмѣчено: *та*бé, вя*ра*цена (= веретёна) мянé, рядомъ съ пáнн*о*, бáб*о* (зв.), гэта*е* сéн*о*, формы им. ед. м. р. на *ый*, ср. р. (и нарѣчія) на *э*, *эе*: хорóшэ, т*э́е* акно, род.-дат. мѣстн. ед. на *эй*, 1 л. мн. на *мо*, возвр. з. на *са* и *ця*: вярнýц*ця* (неопр. н.). Дифтонги не отмѣчены, но въ ихъ существованіи трудно сомнѣваться [1]).

Въ говорѣ Морочскаго прихода (Полѣсье) аканье слышится, повидимому, только передъ удареніемъ: *ма*ла*ды́*, *га*ла*со́*къ, *та*бé, ч*а*ты́ры (при бáцюхн*о*, *ло́*жочки и т. п.; но: бóрз*а*). Дифтонги не указаны, но въ ихъ существованіи трудно сомнѣваться. Отмѣчено: *е*кая, формы им. ед. на *ы*, ср. р. хорошэ, род. свого и сво*йго́*, мала*до́е*, мѣстн. мн. въ сѣн*ѣ*хъ, 3 л. ед. на *е*, 1 л. мн. вед*о́мъ*, подзякуй*мо*, 2 л. мн. пов. идз*ѣ́*це, возвр. з. на *са*. Еще: *а*скресенье=воскресенье, *ся*ты=святой. Рядомъ съ *дз* какъ будто слышится мягкое *д*.

Въ говорѣ Грабовской волости отмѣчено очень немногое: мáт*а*ццы (дат.,=мáточкѣ), в*е*сть=вѣсть, формы род. ед. прáв*ое* рукú, тв. мн. стары*ма* пчел*ыма*, 3 л. ед. на *е*, 2 л. мн. повел. б*и*те, див*е́*те (дивите); *дз* и *ц* и мягкія *д* и *т* рядомъ [2]).

Въ говорѣ с. Красная Воля, Лахвинской волости (къ сѣверу отъ Припети, близь границы Пинскаго у.), аканье не полное. Отмѣчено: тв*ая́*, *я́ся*нъ, посыл*а́я* (3 л.) вэдзé, бэрэ́ (3 л.), свэча. Изъ дифтонговъ отмѣченъ дифтонгъ *уо*: м*уо*й, др*уо*бны, ж*уо*нка, ж*уо*ўты; рядомъ: ранн*юй* (дат.), мэдь. Сверхъ того: *у* вм. *ы*: б*у́*стры. м*у́*ты (=мытый), в*у́*шоў (=вышелъ), изрѣдка *и* вм. *ѣ*: мн*и* (дат.), на нéб*и*, на лáуц*ы*, *г* въ *г*остры, *дж* въ бу*дж*у, одиночное мягкое *л*: на ра*ль*é (отъ ролья), *и* изъ *о*: до *и*боры. Формы им. ед. на *ы*, им.-вин. ср. р. на *е* и *ее* (чы́стэ), род. ма*й*го, ма*е́* дочаньки, дат.-мѣстн. маёй, ц*и*бэ (=тебѣ), зв. мýж*у*, им. мн. жураў*ле́*, дат. мн. ворог*о́мъ*, 3 ед. посыл*а́я*, зазыв*а́я*, 1 л. мн. бýд*амо*, дожд*омо*са, 2 л. мн. повел. щэбэчэ́цця, идз*е́*це, возвр. з. на *са* и *ца*. Повидимому, рядомъ съ *дз* и *ц* слышатся мягкія *д* и *т* [3]).

Бѣлорусскіе говоры Гродненской губ. могутъ быть раздѣлены на двѣ группы, отличающіяся другъ отъ друга главнымъ образомъ тѣмъ, что одна, сѣверная, или вовсе не имѣетъ дифтонговъ, или имѣетъ дифтонгъ *уо* и *у* на мѣстѣ *о* лишь изрѣдка, а другая, южная, напротивъ того, богата дифтонгами. Другія черты ихъ въ значительной части одни и тѣ же: *дз* и *ц*, твердое *р*, двойные мягкіе согласные, неполное аканье

---

[1]) Шейнъ, Мат., т. I, ч. I, стр. 44. О говорѣ с. Скороднаго — малорусскомъ — см. ниже.

[2]) Минскія Губ. Вѣд. 1877 г., №№ 23—26 (Мор. пр.), 32—33 (Граб. в.).

[3]) Довнаръ-Запольскій, Пѣсни Пинчуковъ, Кіевъ, 1895, стр. 140. Тексты записаны очень дурно.

(*о* и *е* безъ ударенія болѣе или менѣе часто сохраняются), формы им. ед. на *ы*, 3 л. ед. на *е* и *иць*, 1 л. мн. на *мо*, неопред. н. на *ць* и *ци* (безъ ударенія); отсутствіе формъ им. ед. на *эй* и дат.-мѣстн. ед. на *эй*.

Говоры сѣверной группы занимаютъ сравнительно небольшую территорію въ Гродненскомъ и Сокольскомъ у.

Вотъ нѣсколько данныхъ о говорѣ д. Новоселки, Масляно-Богородицкой волости, Гродненскаго у.: с*а*бé, с*я*страˊ, кáж*а* (3 л.), плáч*а*ц*я* (2 л. мн.), на свéц*и*; т*у́*лько (т. е. т*уо*лько?) = только, ў гэт*уй* рэ́ццы; формы род. ед. св*а*гó, м*а*é мацяры, род. мн. сястр*óў* (=сестеръ), им. мн. пастухé, 3 л. бýдз*я* и идзé*ць*, повел. н. складзé*ця*, спусьцé*ця*, неопр. запрацці́, возвр. з. баю́*са*, вярнý*со*, вы́браў*со*.

Вотъ данныя о говорѣ деревень Конюхи и Демидково, того же уѣзда: ззяси́ (2 л., съѣшь), т*у́*льки (т. е. т*уо*льки?), у нáш*у*мъ сялé; формы род. ед. карчм*э́*, 1 л. мн. да*мо*, 2 л. повел. вазьмéце, спалéце (=спалите), разлажéце. Въ сосѣдней съ этими деревнями околицѣ Залевичи записано: мѣйсьц*о*, *е*къ, лáець (неопр.), знаю*са* [1]).

Вотъ данныя о говорѣ с. Лаши, того же у.: *м*а*ла*дá*я*, т*а*бé, в*я*лики, н*я*дзéля, нáш*а*г*о*, акóнц*а*, плáч*а*, знá*я*, на дарози́; на гэт*у*мъ свéц*и*; *о* изъ *а* передъ *j* подъ удареніемъ: устав*ó*йце, лет*ó*ючы, вечэр*ó*й (=вечеряй); *дж* въ абу*дж*ацць; *пья* въ *пья*ты; твердое *с* въ *с*эрцэ; твердые шипящіе въ *щэ*; отсутствіе начальнаго *і* въ атавáць, адавáць, удзе. Формы им. ед. на *ы*, им.-вин. ср. р. на *э*, род. *м*агó, добр*ой*, пшени́чн*эй*, мѣстн. на *маи́*мъ лицу, зв. Юр*ъю*, им. мн. жэньц*э́*, сват*ове*, род. дзвёхъ, дат. людзёмъ, дв. ч. тры лѣц*и* (=лѣта), 3 л. ед. на *е* и *иць*, 1 л. мн. на *мо*, повел. пойдзéмъ, там*е*це (=томите), при дагани́це, и возвр. зал. на *са*: валю́*са* [2]).

По словамъ наблюдателя, говоръ сѣверной части Гродненскаго у. отличается отъ говоровъ бѣлорусскаго центра «болѣе твердымъ произношеніемъ и меньшимъ измѣненіемъ *о* въ *а*»: г*а*сподáрыку (зват.), *а*дн*о*мý, к*а*рóўка, *и*стáлася. Имъ отмѣчено: б*у*гъ (=богъ), р*у́*вня (рядомъ: тв*у́*я), хл*и*бъ, р*и*жъ (= рѣжь) [3]).

Одинъ изъ говоровъ Сокольскаго у., д. Жуки (въ 7 верстахъ отъ г. Соколки къ сѣверу), наблюдатель называетъ «вообще чисто бѣлорусскимъ». Онъ отмѣчаетъ въ немъ лишь формы: род. ед. зямл*é*, рук*é*, сястр*э́*, трав*э́*, пяч*é* (отъ печь), им.-вин. мн. вал*э́* (волы), чапц*э́*, жанк*é*, дат. ед. сы́н*ови*, жабракé*ви*, жарапцé*ви* (жеребцу), возвр. з. обыкновенно на *са*, но при подлежащемъ средн. р. на *со*: праси́л*осо*, а при подле-

---

[1]) Шейнъ, Мат., т. II, стр. 149, 183 (Новос.), 318 (Кон. и Дем.).

[2]) Шейнъ, Мат. т. I, ч. I, № 588, ч. II, стр. 359, 615, 683. Довнаръ-Запольскій, Пѣсни Пинчуковъ, стр. 148.

[3]) Матеріалы для геогр. и старист. Россіи. Гродн. губ., I стр. 626—627.

жащемъ мн. ч. на *сэ*: напилі*сэ*. Сверхъ того, ф. буд. вр. по-польски: будзешъ прасі*ў*. Еще: г*а́*ты рокъ=гэты [1]).

Въ одномъ изъ говоровъ Бѣлостокскаго у. отмѣчено: *сабе́*, ба́б*аю* (тв.), *абъ* рыбц*ы*, ни́т*а*къ (род.), гало́в*а*нька, бе́дн*ай* (род.), мя*не́*, при двѣсце (= двѣсти), вы́в*едзе*, пущ*ае*; сверхъ того: осе*ню* (=осенью) [2]).

Говоры южной группы—говоры переходные, постепенно сливающіеся съ сосѣдними сѣверно-малорусскими говорами.

Одинъ изъ говоровъ Сокольскаго у., окрестностей м. Суховоли, имѣетъ *а* изъ *о* передъ удареніемъ и послѣ ударенія не въ исходѣ слова: *м*а*ла*до́й (дат.), ў *на*че́ (въ ночи), гэ́т*а*го, сохраняя *о* въ исходѣ слова: ме́йсц*о*, васе́лё (=веселье), муо́цн*о*; рядомъ н*и*да́ўно, *е*го́, старіе́йшы*е* (им. мн.). Дифтонгъ *уо́*: б*уо*гъ, к*уо*стка, на т*уо*мъ свеци, *юой* (ей), *юо*нъ (онъ), зв*юо*ў (свелъ), даже: т*уо*й (им. ед.), паш*уо*ў, дв*уо*хъ (род.), рядомъ съ маладо́й, дат., пасто́й (пов.), прыне́съ. Дифтонгъ *іе́* (изъ *ѣ*) послѣ *р*: р*іе*чка, р*іе*дко, хитр*іе*йшы. Формы: мѣстн. на зем*ле́*, на све́ц*и*, ў на*че́* (отъ ночь), им. мн. грэх*е́* людзкі*е*, крыж*э́*, ўс*е́* (дат. мн. ўс*е*мъ и ус*и*мъ), 1 л. мн. повел. зрабе́мъ, возвр. з. на *се*. Сверхъ того: *е*къ. Звонкіе согласные въ концѣ словъ и передъ глухими повидимому сохраняются.

Говоры Волковыскаго у. мало отличаются отъ предъидущаго говора. Они имѣютъ *а* изъ *о* передъ удареніемъ и послѣ ударенія не въ исходѣ слова и сохраняютъ *о* въ исходѣ слова; отмѣчено: зо́л*ато*, здарэ́нё (им.), п*а*ко́*я*ў (покоевъ, род.), ўс*я*го́; рядомъ: н*и*да́ўно, н*и*дзѣля, м*и*жъ нуогъ, *е*е (род.), *е*го́, пыта́*е*, хо́ч*е* (3 л.), хо́ч*е*шъ (2 л.). Дифтонгъ *уо́*: пар*уо*хъ, кс*юо*ндзъ, ж*уо*нка, па дам*уо*хъ (мѣстн.), м*уо*хъ (мохъ), хв*уо*ры, м*уо*ста, н*уо*чи (род.), мн*уо*го, п*юо*ро (перо), ўвайш*уо́*ў, т*уо*й (им. ед.), дурн*уо*й (им.), в*уо́*ўкъ, в*уо*ўка (волкъ,-а), д*уо*ўго, ч*уо*рны, кр*уо*ўю (кровью), даже: атс*юо*къ (отсѣкъ); рядомъ: на право́й старане́, ё́й (дат.), перэвё́ў. Дифтонгъ *іе́* (изъ *ѣ*) послѣ *р*, *л*, *ш* и *ц*: ср*іе*бро, на гар*іе*, р*іе*жу, ўл*іе*зъ, ў л*іе*си, хл*іе*ба (род.), ш*іе*сць, ц*іе*лы, рядомъ съ *е́*хаць, на дарози и др. Сверхъ того, *дж* въ гле*джу́*, ра*джу́*, са*джа́*ць. Формы род. ед. та*е́* карчмы, сва*е́* земля́нки, ма*е́* галавы, тако́*и* жуонки, бе́ла*е*, да *се* (=до себя), мѣстн. ед. на канц*ы́*, на меж*ы́* и на меж*е́*, на печ*е́*, пры агн*е́*, зв. дзе́ўк*о*, им. мн. святы́*е*, ўс*е́* (род. ўс*и*хъ), 2 л. мн. повел. накл. ведзе́це, скрабе́цо (скребите), вар*іе́*це (варите), неопр. н. се*к*чи, бе*г*чи, возвр. з. на *се* и *сё* (каза́ла*сё*, ср. р.), мѣстами (близъ м. Роси и Свислочи) на *са*. Наконецъ: *е*къ, *е*на́ (=она); *г*ара́ць (=орать).

Говоръ Слонимскаго у., д. Студеровщизны,—тожественъ съ предъидущими. Можно отмѣтить лишь щ*а*ка́, ж*а*нюся, пш*а*ница, ніч*уо*го (=ни-

---

[1]) Р. Фил. Вѣстн. 1896 г., № 2.

[2]) Матер. для геогр. и статист. Россіи. Гродн. губ., I, стр. 639 — Дмитріевъ, Собраніе. Одинъ текстъ въ Запискахъ Акад. Н., т. 60, стр. 151 (ст. Авенаріуса). Другіе тексты изъ Бѣлост. у. здѣсь и въ другихъ изданіяхъ—малорусскіе.

чего), *г* въ *го*ўца(=овца), ф. зв. дзéд*у*, челавéчк*у*, им. дв. дзве хáц*и*, 3 л. буд. вр. думаць *ме*, 2 л. мн. пов. забьéце, возвр. з. на *ся* [1]).

Бѣлорусскіе говоры Черниговской губ. намъ извѣстны очень мало. Романовъ говоритъ объ могилевскихъ говорахъ, по его названіямъ—восточномъ и южномъ, что они выходятъ въ Могилевскую губ. изъ Черниговской (первый въ Климовицкій у.). Г-жа Радченко сообщаетъ, что тотъ говоръ, который слышится въ Гомельскомъ у., слышится также въ сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской губ.

Говоръ Суражскаго у.—чистый бѣлорусскій: сильное аканье, частое *я* вм. *е*: в*я*нéцъ, м*я*нé, пастóйц*я*, рядомъ съ *ц*: на парó*зи*, *дз* и *ц*, формы им. ед. на *ы* и на *ый*, 3 л. ед. на *е* и *ець*: вядз*é* и вядз*éць* (даже: укýс*я*), 3 л. мн. на *юць* вм. *яць*: хвá*люць*. Что до *р*, то этотъ звукъ или всегда, или часто звучитъ твердо: б*яр*óза [2]). Въ текстахъ изъ с. Попова гора (въ 60 верстахъ отъ Суража): цяпé*рь*, п*ря*сци, т*ря*сцí, ст*ря*лцы́, ф. вин. ед. шалков*аю*, 3 л. ед. на *е* (хóдз*я*) [3]).

Говоръ Новгородсѣверскаго у. (с. Юриновка) представляетъ пеструю смѣсь бѣлорусскихъ особенностей съ малорусскими (онъ слышится «въ мѣстности между Бѣлоруссіею и Малороссіею»), съ преобладаніемъ однако первыхъ. Аканье сильно: п*а*дáй, в*а*дица, б*а*р*а*дá, п*ала*скáть, но иногда, повидимому, *о* безъ ударенія сохраняется; *я* изъ *е* вполнѣ обычно: тябé, вялéў, слухайт*я*, пытайц*я*; *дз* и *ц* рядомъ съ мягкими *д* и *т*: лю́*дз*и и ва*д*íца, даé*ць* и крычы́*ть*; *р* то твердое вм. мягкаго, то мягкое; ф. 3 л. ед. на *е* и на *ець*. Рядомъ спорадически малоруссизмы: м*ы*й (=мой, при мой), р*и*дный (при рóдный), с*и*ль (=соль), др*ы*бный, мат*ю*нка, п*у*дъ нóсомъ, п*у*дъ ребрó; ход*ы*ли, обсад*ы* (повелит.), в*ы*дно, сíст*ы* (при плыв*и*ця, вад*и*ца и т. п.), я*и* (= её, род.), д*и*вочка, м*и*сяцъ, хл*и*бъ (при звéздочка). Сверхъ того: формы им.-вин. средн. р. на *э*, *эе*: прáв*э*, т*эе* сельцо, дат. маймý, 3 л. ед. *ёсть* и *ё*, бул*ó*, 1 л. мн. на *мо*, возвр. з. на *се*: оказали*се*, мѣстоименіе *що* и *шо* (=что). Относительно произношенія согласныхъ передъ *е*, какъ часто они звучатъ твердо, по-малорусски, и какъ часто мягко, по-бѣлорусски, нѣтъ данныхъ (но: дя*тё*начки, *сё*, ў*сё* и т. п., по-бѣлорусски) [4]).

О говорѣ Новозыбковскаго у. (с. Денисковичи) мы знаемъ очень мало. Отмѣчено: с*я*лó, ѣсь*ци* и ѣсь*ты*, трéй*те*е, пош*и* (повел.), *ё* (=есть) [5]).

---

[1]) Данныя въ издаваемомъ Краковскою Академіею Наукъ трудѣ Федеровскаго: Lud Białoruski. Сверхъ того, тексты изъ Волк. и Слон. у. (съ *у* на мѣстѣ дифтонга *уо*)—у Шейна, Мат.

[2]) Шейнъ, Мат., т. I, ч. II, стр. 495 сл.

[3]) Записки Черниг. Губ. Стат. Комит. 1872 г., кн. 2-я.

[4]) Черниговск. Губ. Вѣд. 1854 г. № 15, 1855 г. № 19 слѣд.

[5]) Шейнъ, Мат., т. II, стр. 161, 168.

7*

Дополненія.

Къ стр. 8, примѣч. 2. Населеніе г. Астрахани, повидимому, и теперь еще окаетъ. «Типическая сторона русско-астраханскаго кореннаго нарѣчія... — произношеніе русскими Астраханцами буквы *о*... по печатному» [1]).

Къ стр. 15. Въ говорѣ с. Алнеръ, Фроловской волости, Мещовскаго уѣзда, отмѣчено: х*а*рашó, ч*а*савóй, нясý, ляпёшка, идúт*я* (2 л. мн.), на дарóг*я*, у гóрад*и*; а*ў*цá, рядомъ съ а*ф*цá (=овца), дро*ў* (род. мн.), кро*ў* (=кровь), *у*сé (=всѣ), *у*сталъ (=всталъ); *г*=*h* (парó*х*ъ=порогъ, дарó*х*ъ=дорогъ, род.); мягкое *к* въ Вась*кя* и т. п.; *хв* вм. *ф*: *Хв*илипъ и т. п.; формы род. на *во*, минé, тибé, іé, дат. и мѣстн. мн. лашад*я́*мъ, абъ лашад*я́*хъ и лашад*é*мъ, абъ лашад*é*хъ, 3 л. на *ть* (ид*é*ть), возвр. з. на *са* и *си*: напúл*си*. Формъ дат.-мѣстн. ед. съ свистящими вм. гортанныхъ (ру*цэ́* и т. п.) нѣтъ [2]).

Въ говорѣ с. Петроселье, Жерелёвской волости, въ юго-западномъ углѣ Мосальскаго у., отмѣчено: х*а*рашó, нясý, жанá, ляпёшка, идёт*я*, на дарóг*и*; *ў*сú (=всѣ), дро*ў*, при кро*ф*ъ (=кровь), а*ф*цá; *г*=*h* (астрó*х*ъ, тварó*х*ъ, но дарó*к*ъ, род., бéри*к*ъ=берегъ); *ф* вм. *хв* и на оборотъ: *ф*остъ, *ф*атáть, у*ф*атúть (послѣдовательно), *Хв*ёдаръ, *Х*óка=Фока, *Х*адóра=Федора; формы род. на *во*, мин*я́*, тиб*я́*, і*é*, возвр. з. на *са*, *ца*. Мягкаго *к* и формъ дат.-мѣстн. ед. съ свистящими нѣтъ [3]).

Къ стр. 16. Въ говорѣ неизвѣстной мѣстности Новосильскаго у. отмѣчено: х*а*рашó, м*а*л*а*тúть, *я*гó, у *ц*анé (=въ цѣнѣ), нéгд*я*; *у*сягó *у* вóлю; мягкое *к*: тóль*кя*, пинёч*кя* (род.); *х* въ *Х*амá; стяженіе гласныхъ въ вéд*и*шъ (2 ед.); формы род. на *го*, іэ=её, вин. ед. ж. нын*я*шн*я*ю, 3 л. ед. ид*é*; мѣстоименіе *що* и *чо*. Вѣроятно, къ той же или ближайшей мѣстности относятся еще слѣд. данныя: *ф* вм. *хв*: *ф*а́л*я*, 3 л.

---

[1]) Астраханскій Справочный Листокъ 1867 г., № 258.

[2]) На основаніи сообщенія о. І. Субботина.

[3]) На основаніи сообщенія С. П. Суходольскаго.

ед., *ф*алю*ть*, 3 л. мн., род. та*во́* и сва*го́*, *ся́*=себя, дат. т*а*бе́, с*а*бе́ и тае́ та*э́*, са*э́*, дат. тэй (=той), 3 л. ед. бу́д*я* [1]).

Къ стр. 17. Въ говорѣ Брянскаго у. отмѣчено: *у*ста́ть (=встать), *у*не́сть (=внесть), *въ* насъ, *въ* няго́ (= у —), *ф* вм. *хв* и на оборотъ: *ф*ость, *ф*али́ть, *ф*о́рай (=хворый), *ф*атить, *ф*ошшъ (=хвощь), гра*хв*инъ; формы род. на *h*о [2]).

Къ стр. 21, прим. Мы познакомились съ окончаніемъ книги Будде. Къ сожалѣнію, она не даетъ возможности составить достаточно ясное представленіе о говорахъ Касимовскаго у. и дополнить сказанное раньше.

Къ стр. 24. Вотъ еще данныя о говорѣ Старобѣльскаго у.

Слобода Райгородка (жители—переселенцы изъ Калужской, Тульской, Орловской, Воронежской губ.): сильное аканье, мягкое *к* въ Вань*кя* и т. п., твердое двойное *ш* въ *шш*ака́ (=щека); формы род. на *во*, 3 л. ед. безъ *ть*: и́д*я*, хо́д*я*, при: залье́тца (съ *е*, не *ё*).

Слобода Бахмутовка (жители—отчасти переселенцы изъ Курской и Воронежской губ.): сильное аканье (даже: вянцо́=винцо, м*я*ле́я=милѣе) *у*се́=всѣ, *хф* вм. *ф*; формы род. мин*е́*, т*а*бе́, дат. т*а*бе́, наст. вр. нясе́шъ нясе́ть, съ *е*, 3 л. съ *ть* и безъ *ть*: бяле́*я*, но́с*я*; вопросительная частица *чи*.

Слобода Больше-Черниговка (жители — переселенцы изъ Щигръ, Курской губ., изъ Бирюча, Воронежской губ., изъ Бѣлоруссіи): сильное аканье, *у* вм. *в* и на оборотъ: *у* пе́рвай расъ, *въ* яго (=у него), *j* въ пріюснуть, формы род. на *во*, 3 л. ед. съ *ть* и безъ *ть*.

Слобода Спѣваковка: сильное аканье, *у* вм. *в* въ *у*зять, *у*се́, твердое *ш* изъ *щ*: зна́ю*ш*ый, *ш*аве́ль, формы род. на *го*, 3 л. ед. только безъ *ть* [3]).

Къ стр. 25. «Нарѣчіе, употребляемое на Дону, — одно изъ самыхъ близкихъ къ нарѣчію московскому»,—говоритъ наблюдатель. Онъ указываетъ на окончаніе *ть* формъ 3 л., на *и* вм. *ы* въ б*и*лъ=былъ, в*и*=вы, м*и*ло=мыло, р*и*ба=рыба и на *у* въ б*у*лъ=былъ; сверхъ того,— въ «нѣкоторыхъ» мѣстностяхъ — на конечное твердое *н* въ ячме́*нъ*, коре*нъ* [4]).

«Вообще казаки коверкаютъ русскій языкъ. Обнизовые и Черкасцы вездѣ, гдѣ нужно говорить твердо *ы*, употребляютъ *и*, напримѣръ: ты=т*и*, рыба=р*и*ба. Женщины непремѣнно принуждаютъ себя шепелявить, а имъ подражаютъ молодцы. Они употребляютъ *ш* вм. *с*, *с* вм. *ш*, *ч* вм. *ц* и на оборотъ и т. д. Напримѣръ, кры*ш*у они назовутъ кры*с*ой, а

---

[1]) Тульск. Губ. Вѣд. 1861 г., № 8 сл., № 25 сл.

[2]) Брянскій Вѣстникъ 1894 г., № 13.

[3]) Харьковскій Сборникъ, вып. 9. Хар. 1895.

[4]) Донск. Областн. Вѣдом. 1874 г., № 81. Мѣстность неизвѣстна.

крысу — кры*шой*, самоваръ — *ша*моваромъ». Еще: в*ше* музья на*ж*адъ во*ж*вратили*шия* [1]).

Въ говорѣ станицы Филипповской, 1-го Донскаго округа (близь ст. Цымлянской) отмѣчено: *ха*рашо́, *ня*су́, *я*му́, *чи*савой, *ли*пёшка, на даро́*ги*; *г*=*h* (бéри*хъ*); мягкое *к* въ Вась*кя* и т. п. (но куроч*ка*); твердыя двойныя *ж* и *ш* (*шш*ука); *хв* изъ *ф*: *хв*ланéль, *Хв*ёдаръ; формы род. на *во*, род. тибé, дат. тaбé, 3 л. на *ть*, возвр. з. прош. вр. на *сы*: купа́*лсы*. Сверхъ того: формы 2 л. мн. наст. вр. совершенно своеобразны: игр*а́ютя*, бéг*аютя*, пи́ш*утя*, éд*утя*, глид*я́тя*; формы 3 л. мн. нѣкоторыхъ глаголовъ втораго спряженія имѣютъ твердые согласные: хó*ду*ть, лю́*бу*ть; имена существительныя средняго р. въ формѣ им.-вин. ед. имѣютъ при себѣ опредѣленія женск. р.: ма*я́* гумнò; а нѣкоторыя имена сущ. женск. р. въ формѣ им.-вин. ед. оканчиваются на *о*: звѣзд*ó*, стѣн*ó*, икр*ó* (прочія падежн. формы—обычныя). Еще: мѣны *у* и *в* нѣтъ; мѣны шипящихъ и свистящихъ нѣтъ; формъ 3 л. безъ *ть* нѣтъ; мѣстоименіе *што* [2]).

«Казачья рѣчь въ донецкихъ станицахъ составляетъ ближайшую вѣтвь рязанскаго (южно-русскаго) говора; но это сходство не мѣшаетъ ей имѣть свой мѣстный колоритъ». Наблюдатель имѣетъ въ видѣ говоръ станицъ Гундоровской и сосѣднихъ, находящихся въ той части Донской области, которая соприкасается съ Харьковской и Екатеринославской губерніями. Имъ отмѣчены: очень сильное аканье: х*а*ладнó, в*я*ди́, б*я*ри́, в*я*ди́т*я*, мѣна *у* и *в*: *у*стаю́=встаю и *в*зна́ю=узнаю, мягкое *к*: Ва́нь*кя*, —*кю*, ся́ть-*кя*, *г*=*h* (лянь, ляди́=*г*лянь, *г*ляди, всяды́=все*г*ды́), *щ*=твердое *шш*; формы род. чи*во*, тиб*é*, дат. т*а*бé, 1 л. ед. сх*а*д*ю́*, св*а*д*ю́* (=схо*жу*, сво*жу*), 3 л. на *ть* и безъ *ть*: бярé*ть* (съ *е*, не *ё*) и бяр*é*, носи*ть* и нóс*я*, возвр. з. на *ца* и *си* (послѣднее окончаніе въ ф. прош. вр.: набéгал*си*). Сверхъ того, въ говорѣ донецкихъ станицъ, благодаря сосѣдству малорусскихъ поселеній, «обращаются во множествѣ» малорусскія слова, а въ говорѣ самой западной изъ этихъ станицъ, Луганской, малорусскій элементъ очень силенъ; говорятъ: *шо* вм. что, *якъ* вм. какъ, *цэ* вм. это, ф. твор. мн. шашкам*ы* и т. п. [3]).

Вотъ болѣе подробныя свѣдѣнія объ говорѣ станицъ Луганской и Митякинской: очень сильное аканье, мѣна *в* и *у*, мягкое *к* (Вась*кя*, курач*кя*, но: матуш*ка*); формы род. на *во*, дат.-род. т*и*бé, с*и*бé, род.-вин. j*і*é, тв. ед. рук*ó*ю и рук*э́*ю и т. п., тв. мн. синя́м*ы* (отъ сѣни), лашадьм*ы́* [4]).

---

[1]) Московскій Вѣстникъ 1860 г., № 28, ст. Сонина.

[2]) На основаніи сообщенія сотника Н. Е. Сизова.

[3]) Донская Газета 1876 года, № 100.

[4]) На основаніи сообщенія М. М. Казмичова.

Къ стр. 26. Вотъ данныя о говорѣ с. Бѣговатова, Орѣховской волости, Ардатовскаго у., Нижегородской губ.: умѣренное аканье: *ня*вѣста и *ни*вѣста, ц*а*вó, н*и*сý, ж*ы*нá, идёт*и*; цоканье (съ твердымъ *ц*) и чаканье рядомъ: *ц*асъ, *ч*арь; формы род.-вин. мин*я*, т*ія́*, *сія́*, jі*é*, дат. т*іé*, с*іé*, твор. ед. слип*ы́*мъ и слип*é*мъ, бальш*ы́*мъ и бальш*э́*мъ, 3 л. на *тъ*, возвр. з. на *ца* и *си*: купáть*си*. Мѣны *у* и *в*, мягкаго *к* въ Вань*кя* и т. п., смѣшенія *ж*, *ш* съ *з*, *с* нѣтъ [1]).

Говоръ с. Кочкурова, Лукояновскаго у.: довольно сильное аканье: харашó, ж*а*нá, *яв*ó, нясý и н*и*сý, ш*ы*лúть, ж*ы*лéть, идёт*и*; цоканье (*ч* вм. *ц* очень рѣдко); мягкія *д* и *т* съ свистящимъ оттѣнкомъ, близко къ *дз* и *ц*; формы род.-вин. т*ія́*, с*ія́*, дат. т*іé*, те, с*іé*, 3 л. на *тъ*. Мѣны *у* и *в*, мягкаго *к*, смѣшенія *ж* и *ш* съ *з* и *с* нѣтъ [2]).

Къ стр. 28. Уральское казачество акаетъ: нясý, ч*а*вó, г*ы*варя́тъ, ч*и*савóй, л*и*пёшка, идёт*и*, гóр*ы*тъ (=гóродъ); есть *и* вм. начальнаго *о*, *а*: *и*гарóтъ, *и*гурéцъ; *г* обыкновенно=*h* (но бирё*къ*, бéри*къ*=берегъ, дóры*къ*=дорогъ); стяженіе гласныхъ въ игр*á*шъ, игр*á*тъ и т. д.; формы род. на *во*, мин*я́*, тиб*я́*, дат.-мѣстн. груд*é* (=груди), крав*é* (=крови́), т*и*бé, с*и*бé, 3 л. на *тъ*. Мѣны *у* и *в* нѣтъ (кро*фь*), мягкаго *к* въ Вань*кя* и т. п. нѣтъ, *ж* вм. *з* и *ш* вм. *с*—лишь у части казачьяго населенія Уральской области, главнымъ образомъ у женщинъ въ поселкахъ и станицахъ [3]).

Къ стр. 28. О говорѣ Мологинской волости, Старицкаго у., мы имѣемъ слѣдующія данныя: сильное аканье: в*я*дрó, л*я*пёшка, ул*я*тéлъ, у м*я*нé; *у* вмѣсто *в*: *у* лéсъ (=въ—); *г*=*h* (бéря*къ*); *хв* и *х* вм. *ф*: Мар*хва*, *Х*илипъ, *Х*ёдаръ; формы род. на *во*, *яé*, мян*é*, тяб*é*, дат. тябé, сяб*é*, дат.-мѣстн. ед. ж. р. на *ы*: жан*ы́*, вад*ы́*, род.-дат.-мѣстн. ед. ж. р. прилаг. на *эй*: бальшэй, 3 л. на *тъ*. Цоканье вполнѣ обычно (особенно у женщинъ); есть и *ч* вм. *ц*: *ч*арь, ате*ч*ь. Въ говорѣ сосѣдней Коробинской волости, Зубцовскаго у., отмѣчена ф. мѣстн. мн. сян*é*хъ [4]).

Къ стр. 36. Наблюдатель о говорѣ селъ Васильевскаго и Михайловскаго и деревни Орудова подъ Тверью говоритъ: «нарѣчіе очень своеобразно; оно рѣзко выдѣляется среди говора окрестныхъ селеній» [5]).

Вотъ данныя о говорѣ волостей Вознесенской, Воскресенской-Прозоровскихъ и Быковской, Ковровскаго у.: *о* звучитъ открыто («среднее между *о* и *а*») во второмъ слогѣ передъ удареніемъ и въ слогѣ непосредственно слѣдующемъ за удареніемъ: х*о*рошó, г*о*лосúть, г*о*сподúнъ,

---

[1]) На основаніи сообщенія П. В. Пахомова.

[2]) На основаніи сообщенія г. Сереброва.

[3]) На основаніи сообщеній хорунжаго А. И. Бочкарева и г. Юрьева. По словамъ послѣдняго, *и* вм. начальнаго *о*, *а* особенно часто у илецкихъ казаковъ.

[4]) На основаніи сообщенія А. А. Тютчева.

[5]) М. А. Плетневъ.

въ городе; е звучитъ открыто («среднее между е и а») въ слогѣ послѣ ударенія: пишетъ, остаётесъ; ё отмѣчено въ нёсу, ёво. ёму, пишитё (при летать); формы возвр. з. на са, ца, съ, си (остался). Мѣны в и у, мягкаго к, дзеканья, цоканья не отмѣчено [1]).

Вотъ нѣсколько данныхъ о говорѣ с. Петровскаго, Переславскаго у.: неударяемое о звучитъ иногда открыто въ слогахъ послѣ ударенія: окно роствóрчитае, милава, тёмнай (им. ед.), изрѣдка ѣ = и: бiлые, фсихъ (род.), стяженіе гласныхъ въ свово, делатса; формы род.-вин. тея (= тебя), мѣстн. во чистымъ полѣ (пѣсня), тв. мн. на мъ. возвр. з. на са, ца, съ; остатки формъ члена: кашу-ту. Цоканья нѣтъ [2]).

Къ стр. 38. Вотъ еще нѣсколько отрывочныхъ данныхъ изъ Ярославской губ.: дёньтёвъ=деньковъ (Яросл. у.); цело, недиля, жалить, издѣть (=ѣздить), преникъ, опеть, ронной, ф. буд. вр. бить иму (Пошех. у,); дамскëй, ланно (Моложск. у.); витеръ, недиля, линта=лента (Васильевская волость, Любимск. у.); жулать, молосный, русникъ, берегчи (безъ указанія мѣстности) [3]).

Къ стр. 45. Въ говорѣ г. Устюжны и ближайшихъ къ нему деревень отмѣчено лишь твердое ч вм. ц: офсеча (род.), месча (=мясца), ругаетчы (3 л.); неударяемое о въ немъ произносится близко къ у: кумаръ, войлукъ, упять; неударяемое е звучитъ то средне между е и ё, то какъ и: бисéда, читвёрка, вознисéнье, то наконецъ, послѣ шипящихъ и ц, какъ а: жана (и жона), жанить, фчара, цалковой; е вм. я только безъ ударенія: петóкъ, при пять, зетька (род.), при зять, везать и т. п.; твердое ц, твердыя двойныя жж и шш (подожжы=подожди), твердые конечные губные: семь, крофь, голупъ, рупъ (=рубль); нн изъ дн; часто ф вм. х: на двора фъ, добрыфъ, пыфтéть (=пыхтѣть); стяженіе гласныхъ: думашъ, думатъ, думамъ, при думаёшъ, умéшъ, копéкъ, съ долгимъ е. «Употребленіе долгихъ гласныхъ вообще обширно, особенно протягиваются послѣднія слова и слоги въ предложеніяхъ. Обозначить, впрочемъ, эту протяжность гласныхъ буквами уо и оу было бы не совсѣмъ точно. Менѣе удобно, но болѣе точно можно выразить это такъ: оо» (поопъ, съ первымъ о долгимъ и съ вторымъ о краткимъ). Формы род. ед. на ова (доброва, при доброо, доброа), тiя, тя, при тибя, сiя, при сибя, дат. тiе, те, при тибе, сiе, при сибе (ф. тобе и собе нѣтъ, равно какъ и ф. дат. ед. ж. р. на ы), дат.-мѣстн. лошаде, на радосте, дат. мн. на мъ, тв. мн. прилагательныхъ на ми и на ма, членныя формы прилагательныхъ добрыихъ, добрыимъ, даже въ зелёноемъ саду (?), 2 л. ед. идёшо, 3 л. ед. идёто, идёта, 1 л. мн. идёмо, идёма, знаема, возвр. з.

[1]) На основаніи сообщенія П. Н. Дербенева.
[2]) На основаніи сообщенія А. В. Маркова.
[3]) Якушкинъ, Матеріалы для словаря народнаго яз. въ Яросл. губ Яр. 1896.

учимс*и*, взялс*ы*, хочет*цы*, вернёш*чы* (2 л. ед.), 3 л. ес*ь*, ест*е*, ест*и*, ест*я* =есть; сравн. ст. на *ён*; *што*; остатки формъ члена: руку-*ту*, робята-*те* [1]).

Къ стр. 50. «Олончане любятъ ставить удареніе какъ можно далѣе отъ конца, на первомъ слогѣ или ближайшемъ къ нему», такъ же какъ Корелы (у нихъ обычно удареніе на первомъ слогѣ) [2]).

Къ стр. 54. Въ говорѣ Заднесéльской волости, Кадниковскаго у., отмѣчено: *ц* мягкое, рѣзко отличающееся отъ *ч*; мѣна *ц* и *ч* послѣдовательна, и кто говоритъ съ *ц*, тотъ рѣдко скажетъ съ *ч*, а говорящій съ *ч* не употребляетъ *ц*; *у* изъ *о* въ *у*кунýсь; *ё* въ мóр*ё*, здорóвь*ё*, зна*ё*тъ, напи*ш*омъ; *и* изъ *ѣ* передъ мягкими согласными (Тимоф*ій*); *и* изъ *е* безъ ударенія: н*и*дúля, т*и*бя́, л*и*тéлъ, *і*é, а иногда подъ удареніемъ: д*и*нь, дв*и*рь, л*и*бедь, п*и*тля; *е* изъ *я* передъ мягкими согласными (иногда, при отсутствіи ударенія, и передъ твердыми: вз*е*лá, св*е*тóй, *е*зы́къ); *ў* изъ *в* и *л* передъ согласными и въ концѣ словъ; мягкое *к* въ Вáнь*кя* тóль*кё* (и свéр*хю*), но: жень*ской* и т. п.; твердое двойное *ш*: *ш*окá и т. п.; *с* въ молосной; твердое *ф* въ кро*фъ* (=кровь), любо*фъ*; твердое *л* въ бó*л*но, колокó*л*на; *мм* изъ *бм* въ о*мм*анъ; стяженія гласныхъ (дý*м*атъ и т. п.) нѣтъ; *ф* изъ *хв* нѣтъ. Формы род. ед. на ов*о*, молод*ые* жоны и т. п., дат. тебé, себé, дат.-мѣстн. печ*é*, на лошад*é*, род. мн. отц*éй*, огурц*éй*, тв. мн. на *мъ* (фсéмъ и фсе*мá*=всѣми), возвр. з. на *сё*, *цё*: прóсит*сё*, прóсит*цё*; остатки формъ члена: баба-*та*, бабу-*то*, бабы-*те*; мѣстоименіе *што*, *штё*, *що*, *щё* [3]).

Въ говорѣ Нижнеслободской волости, того же у., тѣ же особенности, что въ предъидущемъ. Можно отмѣтить почти полное отсутствіе звука *ч* (зато иногда *ц* произносится какъ звукъ средній между *ц* и *ч*), *у* вм. *о*: *у*гурцы́, *у*пустúлъ, *у*кунýсь, *ё* въ формахъ им.-вин. мн. дóбры*ё* и т. п., *ф* вм. *хв* въ *ф*áстать, *ф*оя, *ф*атáть, *шт* и *шш* рядомъ: и*шт*ó и и*шш*ó (=еще), све*шт*енникъ и све*шш*енникъ (*шш* и *жж* твердыя); мягкаго *к* въ Вань*кя* и т. п. нѣтъ. Формы буд. вр., рѣдко употребляющіяся: *иму* дѣлать и т. п., неопр. н. же*гчи́*, бере*хчи́* и т. п.; сравн. ст. на *яэ* [4]).

---

[1]) Изв. отд. р. яз. и слов. Ак. Н. 1896 г., IV, стр. 977 сл. «Мѣстный говоръ вообще отличается или пѣвучестью, или просто протяжностью. Отрывистая рѣчь—рѣдкое явленіе».

[2]) Олон. Губ. Вѣд. 1896 г., № 76.

[3]) Извѣстія отд. р. яз. и слов. Ак. Н. 1896 г., IV, стр. 952. «Въ женскомъ разговорѣ болѣе, чѣмъ въ мужскомъ, замѣчается протягиваніе нѣкоторыхъ словъ и слоговъ».

[4]) Тамъ же, стр. 962. «Говоръ стариковъ—болѣе твердый и грубый, нежели молодежи».—«Только въ дер. Якунинской говоръ жителей отличается отъ сосѣднихъ деревень нѣкоторою растянутостью гласныхъ; въ остальныхъ деревняхъ говорятъ отрывисто».

Къ стр. 55. Наблюдатель указываетъ оканье въ Тверскомъ у. вообще [1]). Кромѣ того: *у* въ *у*горцы́ла (=огорчила), *ё* въ нёсу́, жона́ и т. п. (но слышится также: *ля*пёшка), спорадическое *и* изъ *ѣ*: гри́ю, *г*=*g*, *ц* вм. *ч* и рядомъ *ч* вм. *ц* (по преимуществу у женщинъ, съ послѣдовательностью, противоположною нашему употребленію), мягкія *д* и *т* съ свистящимъ оттѣнкомъ, стяженіе гласныхъ въ быва́тъ и т. п.; формы род. *тя́й*, твор. це́мъ и цымъ (=чѣмъ), им. мн. фс*и* (=всѣ), возвр. з. 2 л. отогри́*исти*, 3 л. умори́*лси*, умори́*лася* [2]).

Къ стр. 57. Вотъ данныя о говорѣ с. Дальняго Константинова, Нижегородскаго у. (въ 60 верстахъ на югъ отъ Нижняго-Новгорода): оканье неполное: са́л*а*, ви́дн*а*, го́рьк*ай*, по́л*я*, им. ед. (послѣ ударенія); *ё* даже въ пётухъ, пёсо́къ, слёпо́й; *и* въ иде́т*и* (2 л.); *е* въ криче́ть (но: печ*а*ть, оп*я*ть); *ѣ*=*е*; мягкаго *к* въ Вась*кя* и т. п. нѣтъ; формы род. *тея́*, *сея́*, дат. *тее́*, *сее́*. Цоканья нѣтъ (лишь въ *ч*елизна, не распаханное поле [3]).

Къ стр. 63. Въ говорѣ с. Покчи, Чердынскаго у., отмѣчено: *и* вм. *ѣ*, *е* вм. *я* передъ мягкими согласными, средній между *ц* и *ч* звукъ вм. *ц*; формы род. на ов*а*, дат.-мѣстн. ед. пече́, дат. мн. *имя́* (=имъ), тв. мн. волк*има*, но́г*има* (=ногами), печк*има*, возвр. з. на *са* [4]).

Въ говорѣ Билимбае́вскаго завода, Екатеринбургскаго у., отмѣчено: *ё* въ весе́льё, ворку́ёшъ, жа́луётъ и т. п. и въ формахъ род. ед. женск. р. и им.-вин. мн. на *ыё*, *я* вм. *е* въ *ся*сть, др*я́*во, др*я́*вичко, *и* изъ *ѣ* и *е* въ ди́вья красота, *и*шшо́, *щ*=*шш*; формы род. на ов*а*, у *тя*, тв. мн. на *мъ*; остатки формъ члена: поклоны-*те*, за столами-*те*.

Въ говорѣ деревни Косой Бродъ, того же у., отмѣчено: *ё* въ си́нё мо́рё, ове́чокъ (род.) и т. п., *е* въ хозе́юшка и въ любе́ть (=любить); *и* въ чуж*и*нинъ, *в* въ *ов*али́ть; формы род. на ов*а*, дат.-мѣстн. фъ Каза́н*е*; сравн. ст. смирне́*я* [5]).

Въ говорѣ с. Богородскъ, Красноуфимскаго уѣзда, отмѣчено: *ё*, *о* въ шшолка́ть, пра́зничокъ, добрыё (им. мн.), *и* изъ *ѣ* какъ передъ мягкими согласными, такъ и передъ твердыми: кл*и*ть, св*и*ти́ть, кл*и*ту́шка, в*и*но́къ, *и* изъ *е* въ с*и*бе́ (дат.), *и*шшо́ (еще: кари́та=карета), *е* изъ *я* въ ребе́на, вежу, нареж*а́*ть, тежолъ, мягкое *ц* (рядомъ съ *ч*; но *цы*дить, при *чи*дить), *щ* = *шш*, стяженіе гласныхъ: прибива́тъ; формы род. на ов*а*, мѣстн. фъ Каза́н*е*, неопр. н. пек*чи́* [6]).

---

[1]) Онъ называетъ лишь одну мѣстность—дер. Сакулино, въ 8 верстахъ отъ Твери.

[2]) На основаніи сообщенія М. А. Плетнева. «Любятъ растягивать слова».

[3]) На основаніи сообщенія г. Садовскаго.

[4]) На основаніи сообщенія г. Белдыцкаго.

[5]) Скудные матеріалы въ Запискахъ Урал. Общ., т. XIII, вып. 1-й (К. Бр.) и 2-й (Бил. з.).

[6]) Матеріалы тамъ же, т. XV, вып. 1-й.

О говорѣ волостей Устиновской, Комаровской, Савинской и Бымовской, Осинскаго уѣзда, мы теперь владѣемъ хорошими свѣдѣніями Здѣсь *ё* изъ *е* безъ ударенія очень часто: го́р*ё*, роди́мо*ё*, си́н*ёё*, лю́бит*ё* (но рядомъ идит*é* и идит*é*), формы род. ед. женск. р. и имен.-вин. мн. на *ыё*, *іё*; *и* изъ *е* безъ ударенія также очень часто, и не только изъ древняго *е*, но и изъ *е* происшедшаго изъ *я*; много случаевъ *и* изъ *е* подъ удареніемъ: д*и*ржéть, с*и*рёднёй, д*и́*в*и*ть (=девять), д*и́*с*и*ть, см*и*рть, щ*и*ль, шисть, с*и*мь, ш*и́я* (=шея); есть случаи *е* изъ *и*: бр*е*ть, люб*é*ть, шал*é*ть, слыхевалъ; есть случаи *а* изъ *е* послѣ *ж*: ж*а*ни́ть, ж*а*ла́нной (также кр*я́*сло, зад*я́*рживать, изв*я́*ска=известка); *е* изъ *я* передъ мягкими согласными: з*е*ть, п*е*ть, ж*е*ль, стуч*é*ть (также л*é*гу=лягу); *ѣ* = *и* передъ мягкими согласными: с*и́*мё (=сѣмя), д*и*ли́ть, р*и́*чка, м*и́*сесъ (=мѣсяцъ), также д*и́*вушка, в*и*но́къ (но: хлепъ, нивéста, тибé); твердыя двойныя *жж* и *шш*: до*жжá*, *шш*отъ, и*шш*ó (и ишó); *нн* изъ *дн*: схо*нн*о, лá*нн*о, *мм* изъ *бм*: о*мм*а́нъ, о*мм*орозить, *сс* и *с* изъ *тс*: три́ссать (=тридцать), срество (=средство), роство, твердое *ф* въ кро*фъ*, любó*фъ*, отсутствіе *в* (*ф*) въ началѣ словъ передъ согласными: серá, чера́ (=*в*чера), сякъ (=*в*сякъ), скормить, споить; мѣсто *ц* (древняго и изъ *ч*) занято *с*: сéр*с*о, руковú*с*ы, *с*я́шка (=чашка), *с*ю́ла (чула); *ч* рѣдко: *ч*идить, *ч*ерква; стяженіе гласныхъ: руг*á*шъ, руг*á*тъ, своб́.

Формы род. ед. матер*е*, дочер*е*, род.-вин. *те*, іё, дат.-мѣстн. клит*é*, печ*é*, ноч*é*, матер*é*, мѣстн. на стáр*ы*мъ дому, тв. мн. на *мъ*, на *ми* и особенно часто на *мя*: собáк*ими*, бéлы*мя*, свои́*мя* (послѣднія отъ прилагательныхъ и мѣстоименій), 2 и 3 л. ед. пе*кó*шъ, пе*кó*тъ (у переселенцевъ изъ Вятской губ.), 2 л. ед. возвр. ругá*шша*, дерё*шша*, неопр. н. «часто» на *ти*: ходи́*ти*, бере*к*ти и т. п., возвр. з. на *са*; мѣстоименіе *що*; сравнит. ст. на *яя* и *я* [1]).

Къ стр. 65. О говорѣ с. Плехановскаго съ окрестными деревнями, Тюменскаго округа, мы имѣемъ слѣд. данныя: *у* изъ неударяемаго *о*: *у*кунýсь, *у*пéть (=опять), б*у*стись (бодаться), *а* изъ неударяемаго *е* послѣ *ж*: ж*а*нихъ, *и* изъ *ѣ* въ с*и́*мя, ц*и*дить (дер. Сидорова: зд*и*ся), *é* изъ *я́*: уп*é*ть, *é*исъ (=яицъ; дер. Сидорова: гресь, зеть, м*é*чикъ), *е* изъ неударяемаго *я*: гл*е*дéть, ч*е*сы́, в*е*зáть, м*е*сной, твердое двойное *шш*: *шш*окá (откуда: ве*шъ*=вещь), *мм* въ о*мм*анъ, мягкое *л* въ мо*ль*чáть, *к* вм. *т* въ *к*éсто (=тѣсто), стяженіе гласныхъ: зна*шъ*, быв*á*ть, ум*é*шъ, хоз*я́*ва, мил*а* дочь, дóбр*ы* молотцы; еще: *с* изъ *ц* въ еи*съ* (=яицъ; дер. Сидорова и Верхне-Сидорова: *с*арь, сóн*с*о, куп*é*съ); формы род. на *ова*, тоб*я́*, соб*я́*, дат.-мѣстн. лошад*é*, на печ*é*, мѣстн. фъ худ*ы́*мъ дéле, фъ больш*ы́*мъ саду, дат. мн. им*я́*, фсем*я́* (дер. Сидорова: дат. мн. нам*и́*,

---

[1]) **Извѣстія Оренбургскаго отдѣла И. Р. Географич. Общ., вып. 8. Оренбургъ, 1896.**

вами́, людя*ми*, лошадь*ми*), неопр. н. стере*гчи*, бере*гчи*; остатки формъ члена: каша-*та*, робята-*те*, бабы *те*; сравн. ст. на *яе* и *яя* [1]).

Къ стр. 66. Жители г. **Нарыма**, повидимому, акаютъ. Отмѣчено: *а*ногдась, ла*ни́*сь [2]).

Вотъ еще нѣсколько данныхъ изъ говора **пріалтайскихъ** крестьянъ: мѣна *ц* и *ч*, дат.-мѣстн. ед. во плот*е́* (=плоти), неопр. взясть, смо*тч*ись (исправиться) [3]).

Къ стр. 67. «Сибиряки вообще окаютъ и говорятъ особеннымъ тономъ, котораго письменно передать нельзя, развѣ нотами». Цоканье у нихъ, особенно у мѣщанъ, нерѣдко: *ц*ай, *сц*и (=щи). Еще: *я* въ с*я*сть с*я*лъ, *с* въ моло*с*ной, стяженіе гласныхъ въ бѣ*га*тъ, бѣ*га*мъ (1 л. мн.), формы тв. мн. на *мъ*, дат.-тв мн. и*мя*. Сверхъ того, «своеобразность удареній».

Наблюдатель, житель Молькинскаго миссіонерскаго стана, Балаганскаго округа, **Иркутской** губ., характеризуетъ мѣстный говоръ такимъ образомъ: вмѣсто неударяемаго *о* въ х*о*р*о*шо́ звучитъ *а*; вмѣсто неударяемаго *а* въ ш*а*ли́ть, ч*а*сово́й—*и*; *ѣ*=*и* въ жал*ѣ*ть; *а* и *ѣ* въ печ*а*ль, крич*а*ть, нев*ѣ*ста, объ нев*ѣ*ст*ѣ* произносятся правильно; *ц* и *ч* смѣшиваются: *ч*арь; *з* и *ж*, *с* и *ш* также смѣшиваются: *ж*емля, *ж*има, *ж*ять=зять, *ж*наю (всего чаще передъ мягкими гласными и согласными; рядомъ одно *з* въ *з*орька, *з*удъ, *з*ыкать), *ш*идѣть, *ш*еребро, *ш*амъ, *ш*ка*ж*алъ (въ звукѣ *ш* «слышится немного и звукъ *с*»); *с* изъ *ц* только у инородцевъ Бурятъ: *с*арь; *в* и *ў* вм. *л* нѣтъ. Стяженіе гласныхъ въ ду́*ма*тъ, лома́тъ. Формы дат.-ед. т*а*бѣ, с*а*бѣ, вин. *мя*, *тя*, 1 л. ед. хо*д*ю, си*д*ю, гля*д*ю вмѣсто *чего* слышится *кого* (т. е. ка*в*о?): *кого* тутъ думаешь? *кого* дѣлать-то [4]).

Въ **Верхоленскомъ** округѣ записана такая фраза: *ж*имою шибко *ж*вѣри*ш*то *ш*абакъ давятъ [5]).

---

[1]) Извѣстія отд. р. яз. и слов. Ак. Н. 1896 г., IV, стр. 973.

[2]) Томск. Губ. Вѣд. 1862 г., № 29.

[3]) Тамъ же, №№ 7, 16.

[4]) На основаніи сообщенія С. А. Инкигрина.

[5]) Одесскій Вѣстникъ 1877 г., № 9 (статья помѣчена Иркутскомъ).

Указатель губерній и областей.

Замѣченныя опечатки.

	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
Стр. 39, строка 16 сн.	Буинскаго	Буйскаго
— 47, — 18 —	*е* вм. *и*	*и* вм. *е*
— 61, — 10 —	короу	короў
— 94, — 19 св.	на *оу*	не *уо*

Оглавленіе.

Цѣна 1 руб.

Того же автора:

Древній церковно-славянскій языкъ. Фонетика. Изъ лекцій. М. 1891. Ц. 1 руб.

Лекціи по исторіи русскаго языка. Изд. 2-ое. Спб. 1891. Ц. 2 р.

Южно-славянское вліяніе на русскую письменность въ XIV—XV вѣкахъ. Рѣчь. Спб. 1894. Ц. 40 к.